

АРТ

СОДЕРЖАНИЕ

ВИДЗЁДЛАС. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Год коми языка: итоги или начало?	4
-----------------------------------	---

КОМИ И КОМИ

<i>B. Нагольских.</i> К начальным этапам этнической истории коми	10
<i>Ӧньё Лав.</i> Ещё раз к вопросу о едином коми языке	22
<i>A. Черных.</i> «Коми-пермяки на фотографиях 1910–1915 гг.	
<i>А.Ф. Теплоухова</i>	36
<i>A. Артеев.</i> Путешествия в Кудымкар и в Пермь	46
<i>T. Голева.</i> Поездка на Языву	54

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ. ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

<i>M. Сизова.</i> Василий Климов: «Ме шуда морт»	70
<i>B. Климов.</i> «Ме шуся коми...». <i>Кылбурррез</i>	78
<i>A. Истомина.</i> Биармия никуда не исчезала – это наша Парма...	82
<i>A. Истомина.</i> «Локта зэрён тэ дынё...» <i>Кылбурррез</i>	87
<i>П. Шахов.</i> Синий патефон. <i>Повесть. Перевод В.Шахова</i>	90
<i>Ф. Конев.</i> Мужи	110

ШТУДИИ

<i>Ю. Подлубнова.</i> «Письмо коми-пермяцкого народа вождю народов Сталину» как документ сталинской эпохи	122
<i>I. Подюков.</i> О нынешнем состоянии эпических преданий о Пере-богатыре	128

ЭТНОАРХИВ

<i>B. Налимов, В. Пиатровский.</i> Пермяки	134
<i>K. Попов.</i> Охотничье право собственности у зырян	147

АРТ-ФАКТ

<i>Г. Бутырева.</i> Продолжение темы. Удора в творчестве русских художников (начало № 1 2008 года)	158
<i>B. Мехоношина.</i> Он приоткрыл нам тайны Пармы (о художнике В.Н. Онькове)	172
<i>I. Блинникова.</i> Об опере «Куратов» Сергея Носкова	180

ОБЗОРЫ. НОВОСТИ

<i>A. Артеев.</i> История фестиваля KAMWA	185
Приложение к журналу CD-диск «2010 – велёдысьлын во.	
<i>Нина Куратова.</i> Бобёньянь кёр (повесътысь юкён)	

Сыктывкар
2010

**Республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический,
художественный журнал**

**Республиканской литературно-публицистической, историко-культурологической,
художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках при финансовой поддержке Правительства Республики Коми.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайтыр»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 25.05.10. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 3499. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована работа Юрия Лисовского из серии «Кад-изки». Графика. В оформлении заставок использованы работы Юрия Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикую материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йөзөдтөм гижöдъяс редакция оз рецензиурит и авторъяслы найос оз мёддöп. Редакция оз век во öти кывиö авторъяскöд.

ВИДЗЁДЛАС ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Год коми языка: итоги или начало?

Г.В. Бутырева, главный редактор журнала «Арт».

* * *

2009 г. в Республике Коми был объявлен Годом коми языка. Мы уже писали о предварительных итогах года по материалам Комиссии по вопросам национальной политики Госсовета Республики Коми от 17 февраля («Арт», № 1, 2010), опубликовали размышления некоторых деятелей культуры и образования, а также властных структур.

27 апреля состоялась коллегия Министерства образования Республики Коми, по сути с тем же вопросом: итоги Года коми языка. Тема коллегии была сформулирована так: «О состоянии преподавания коми языка в образовательных учреждениях Республики Коми: проблемы, пути решения».

17 мая появился приказ министра Н.Струтинской «Об утверждении решений коллегии...».

Не буду перечислять все достижения нашей системы образования (это почти четыре страницы машинописного текста), попробую внимательно прочитать всё, что сказано в этом приказе о проблемах в организации изучения коми языка в образовательных учреждениях республики (это менее полстраницы...)

1. Снижается количество школ и обучающихся с изучением коми языка как родного по причине ежегодного сокращения контингента детей по республике (на 1.09.2007 г. в республике насчитывалось от 7 до 18 лет 144 277 человек, в т.ч. в сельской местности – 37 396 человек, на 1.09.2008 г. – 135 160 человек, в т.ч. в сельской местности – 34 583 человек, на 1.09.2009 г. – 128 494 человек, в т.ч. в сельской местности – 32 181 человек);

2. в учебном процессе используются устаревшие (до 60%) учебники по коми языку и литературе;

3. имеет место нарушение преемственности в обучении коми языку как неродному (*подчеркнула я*) в начальном и среднем звене из-за отсутствия специалистов по коми языку;

4. из-за отсутствия финансовых средств в муниципальных образованиях оснащение кабинетов коми языка и литературы не в полной мере отвечает современным требованиям обучения и не осуществляется деление класса на подгруппы при изучении коми языка как неродного (*снова подчёркнуто мною*).

Чтобы не возвращаться, почему я выделила часть текстов, объясняю: я считаю, что употреблять по отношению к языку (любому!) слово неродной (а тем более для коми детей! – даже если они его не знают – коми язык всё равно родной!) непозволительно, чтобы не дезориентировать детей, а кто же тогда их родители, если родительский язык – не родной? Для меня – однозначно, если я скажу, что коми язык для меня неродной, значит, и отец с матерью – тоже, разве не так, с точки зрения элементарной логики?

И в документах тем более нельзя узаконивать это слово «неродной». Альтернатива есть. У нас два государственных языка, коми – тоже!

Но вернёмся к коллегии. У меня не было возможности сказать это там (слова не давали, а просить – уже времени было в обрез) и поэтому скажу здесь. Большое спасибо министерству за приглашение на коллегию. И от имени председателя правления Союза писателей Е.В. Козловой тоже. Было интересно послушать выступающих, особенно с мест. Хотя большинство из поднимаемых вопросов уже прозвучали на заседании исполкома МОД «Коми войтыр», незадолго до этой коллегии. Но было любопытно, какие решения примет коллегия. Мне кажется, что в результате в решениях всё было сказано правильно. Может быть, не хватило ещё одного пункта – о контроле по выполнению решений, точнее, о сроках, когда можно (а главное – нужно!) вернуться к рассмотрению состояния дел (лучше – хуже?..)

А самое главное – было поддержано предложение МОД «Коми войтыр» о разработке концепции национального образования Республики Коми. И опять же – хотелось бы уточнить сроки... Но теперь уже МОД «Коми войтыр», наверное, должен поработать с Министерством – и по срокам, и по рабочей группе, и по конкретной программе...

Как тут не вспомнить выступление Яноша Пустай, учёного из Венгрии, на Международном конгрессе финно-угорских народов в Таллинне (2004 г.): «Необходимо, чтобы политики действовали в духе норм международного права, чтобы сами финно-угорские народы перестали саморазрушаться и работали над созданием здорового сознания в интересах сохранения своих языков, культуры, а значит, и народа, чтобы следовали международным примерам, а также примерам своих соседей (чувашей, башкиров и татар), создали систему образования на родном языке, начиная с начальной школы и кончая университетом...».

И он прав. Некоторые меньшинства в России добились гораздо большего успеха, чем финно-угры, в сохранении своего языка и культуры, у татар и башкир есть школы, которые обеспечивают образование на национальных языках все 11 лет...

В Удмуртском университете удмуртский язык преподаётся на 8 факультетах! В этом году для специалистов с удмуртским языком в вузах республики 350 целевых мест... И это при том, что у них закон о государственных языках был принят гораздо позже...

Не могу не сказать ещё об одной проблеме, которая на сегодняшний день лично для меня, наверное, одна из важнейших. Государство тратит немалые деньги, чтобы выпускать книги и журналы для подрастающего поколения. Возможно, недостаточно много. Возможно, не всегда того качества, которое требует современный мир. И тем не менее. Очень хотелось бы услышать на коллегии министерства что-то и об этом, каковы сегодня связи с печатью, радио и телевидением у школ, удовлетворяют ли национальные программы? Могу сказать на примере нашего журнала «Арт», что, работая в основном на школы, вузы и училища, мы не имеем с ними обратной связи. И это, наверное, и наша недоработка. Но если учитель что-то почерпнул в нашем издании полезного по истории края, по новейшей литературе, по архивным документам, по искусствоведческим материалам (причём хорошо иллюстрированным), плюс воспользовался нашими компакт-дисками с записями голосов писателей, которых уже нет в живых и тех, кто, слава Богу, живы, – если учитель поработал с нашим журналом, поч-

му бы ему не написать в редакцию хоть пару строк, – свои замечания высказать, или пожелания?..

Об этом же я думала и на коллегии, – ведь никто ничего не вспомнил ни об «Арте», ни о «Войвыв кодзуве», ни о других изданиях. Может быть, в школе нас и не читают?

Да нет, когда мы встречаемся с учителями, говорят, читают, пользуются нашими дисками. В Год коми языка мы выпустили 4 диска для школ, а в этом году уже готовы ещё четыре: с отрывками из произведений коми народных писателей Ивана Торопова и Нины Кураговой, а также прозаика Виктора Напалкова. Будут ли их слушать на уроках коми литературы? Есть ли в наших школах такая возможность? Боюсь, не везде. И у меня много вопросов к школьным библиотекарям, – как они работают с коми книгами и журналами? Как часто приглашают на презентации новых книг писателей?

Нам надо объединить наши усилия в деле сохранения нашего языка, нашей культуры. Думаю, что надо бы возобновить работу координационного совета при Министерстве по делам национальностей, чтобы и Министерство образования, и Министерство культуры, и все творческие союзы писателей, художников, композиторов и журналистов работали сообща, помогая друг другу, и концепция национального образования стала бы тоже общим делом.

PS. Прихожу в редакцию, а на столе вижу письмо. От Подоровой Евгении Ивановны из п. Ягкёдж Усть-Куломского района. Письмо написано на коми языке: «Чолём, донаяс! Важён нин кёсий аттьё висъставны... Зэв колана тіян журналыд школаясын.

...Дас кык во сайын локті посёлок ю комиён сёрнитны велёдны. Директор шуис: «Почему в школе разговариваешь на коми языке?» Мися, грузинской кё велёді, сійё кыв вылас сёрниті. А оні пока тадз.

Директор ос вештісны, кадыс мунё, уна нин вежсис бурлань. Оз нин мен челядь шуны: «Зачем мне коми язык...»

...Комияс вужъяссö кё оз вунёдны да конъёравны кё оз кутны, сэк лоас «Арт» («Лад»).

...Галина Васильевна, ме «роч» челядьлы кёкъямысöд классын «Калевала» велёда, окота вёлі, мед ті кантелейн ворсом диск вылын коркё лэдзинныд; коми кинояс, шуам, «Трипан Вась» либо В.Кушмановлысь «Уляшевъяс»...»

Женя Подорова (Уляшева)

20.04.2010 г.

Аттьё!

Спасибо, Евгения Ивановна, только жаль, что Ваше письмо чуть-чуть опоздало. Тогда бы я обязательно попросила слово на коллегии. Может, так же, как Евгения Ивановна, думает ещё немало других учителей, кому наш журнал помогает делать их уроки интереснее, глубже, эмоциональнее?..

***В.А. Лимерова, кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.***

* * *

В целях эффективной поддержки коми языка необходимо проведение ряда мер:

1. Необходима грамотная и последовательная политика подготовки кадров для всех сфер культурной и общественной жизни Республики, непосредственно связанных с функционированием языка: СМИ, телевидение и радио, кино, театр, школа. На сегодняшний день в Республике даже нет образовательной структуры, отвечающей за подготовку этих кадров и несущего ответственность за уровень языкового образования. С 1932 по 1971 годы подготовкой коми филологов занимался Коми государственный пединститут, в 1972 году на филологическом факультете Сыктывкарского ГУ было организовано отделение коми языка и литературы, а на его базе в 1995 году был создан финно-угорский факультет с двумя филологическими кафедрами: коми и финно-угорского языкознания, коми фольклора и литературы, а также с кафедрой регионановедения. Предполагалось, что в перспективе будут открыты и другие кафедры. В 1999 г. была закрыта кафедра регионановедения, в 2006 г. – закрыт финно-угорский факультет, в 2008 г. – закрыта кафедра коми фольклора и литературы, в 2009 прекращён набор студентов на коми отделение филологического факультета. При таком положении дел не может быть и речи не только о развитии вузовской филологической науки, но и о получении студентами соответствующего вузовскому базового образования по национальной филологии. Не следует забывать, что финно-угорский факультет не имел и не имеет своих «дублёров» в других вузах республики, следовательно – его закрытие значительно уменьшает количество специалистов по национальной филологии и резко ухудшает положение дел в сфере функционирования коми языка. Для того, чтобы исправить ситуацию, необходима организация национального факультета (или отделения на факультете) при КГПИ, где работает целая серия филологических кафедр, в том числе кафедра методики преподавания коми языка. Эта задача первоочередная и решение её нельзя откладывать.

За последние годы сложился огромный дефицит школьных учебников и пособий по национально-региональным дисциплинам, несмотря на то, что за последний год под патронажем Министерства образования издано 11 учебных книг: учебники, хрестоматии, прописи. Кажется, что этого немало. Если же учесть, что каждый базовый предмет (а их 4): родной коми язык, родная коми литература, коми язык для русскоязычных, география, культура, история Коми края – должен быть обеспечен с 1-го по 11-й класс, хотя бы основным учебником, то окажется, что учебников должно быть выпущено намного больше. Кроме того, подготовленные к печати учебники не издаются вовремя из-за недостаточного финансирования. Так, за последние 5 лет не было издано ни одного учебника по коми литературному чтению для 1–4 классов, и целое поколение коми детей закончило начальную школу по старым учебникам, не учитывающим требования новой программы. Несвоевременное издание учебников приводит к досадным сбоям в выполнении принятых и уже реализуемых в учебном процессе программ, что формирует у учащихся и родителей негативное отношение к предмету как второ-

степенному, не важному для государства и потому не обеспечиваемому им необходимыми учебниками и пособиями. На качество изучения коми литературы и коми языка отрицательно сказываются также бедное полиграфическое исполнение учебной литературы и отсутствие её в свободной продаже. Сложно представить полноценный образовательный процесс без дополнительной и научно-популярной литературы, но этой категории изданий на родном языке коми ученик сегодня вообще не имеет. Крайне ограниченно создаются и издаются учебные пособия для учителей и воспитателей. Не финансируется создание учебников по коми литературе и языку для вузов и среднеспециальных учебных заведений.

2. Национальная кадровая политика должна быть государственной, а значит – систематической и целенаправленной. Для этого необходимо создание республиканской программы по целевой подготовке национальных кадров, в том числе – филологических. Разработку программы следует поручить независимой творческой группе (комиссии), не связанной корпоративными интересами.

3. Разработка программы повышения привлекательности коми языка в разных сферах: образовательной, научной, религиозной, медицинской, экономической, производственной. Визуализация языка: вывески, плакаты, указатели и т.п. на коми языке с соблюдением норм коми языка (не Вэртас, а Вörтас и т.п.). Это позволит расширить сферу применения коми языка и повысит уровень восприятия языка не коми населением. Надо отметить, что повышение привлекательности языка способствует и повышению политической статусности региона.

4. Привлекательность языка создаётся не только и не столько вниманием к филологическим проблемам языка (издание грамматических пособий, словарей), но в большей степени изданием детской, художественной, научно-популярной, справочно-энциклопедической литературы и рекламы на этом языке (напр. «Кухня народов мира», «Мировые религии», «Мифология коми» и т.п. на коми языке). Необходимо стимулировать выпуск изданий подобного рода на коми языке, привлекая к этому как государственные, так и частные инвестиции.

5. Обязательное преподавание в вузах республики коми языка или литературы или культуры.

6. Создание грамотно поставленных кино и телевизионных фильмов на коми языке, стимулирование новых театральных постановок на коми языке, государственная поддержка коми фольклорных музыкальных коллективов и исполнителей национальной песни, национальных композиторов, проведение широкомасштабных фестивалей коми песни.

7. Привлекательность коми языка создаётся и привлекательностью коми национальной символики. Нужно привлечь внимание к разработке и использованию таких символов, как пермский звериный стиль, стефановская азбука; национальные орнаменты, памятники Сыктывкара, национальная одежда, виды традиционных домов, деревень, пейзажей и т.п. Сегодня Сыктывкар полностью лишен национальной символики: она фактически не учитывается ни в каких отраслях культуры, даже в оформлении костюмов для национального ансамбля песни и танца «Асья кыа».

Всё зависит от того, кого привлечь к разработке программ. Для умных разработок нужны умные люди, а их мнение, как правило, не учитывается. Поэтому у нас и нет ничего.

КОМИ И КОМИ

Владимир Напольских

Напольских Владимир Владимирович. Родился в Ижевске 1 апреля 1963 г., в 1985 г. закончил исторический факультет Удмуртского государственного университета. В 1985–1990 гг. работал учителем истории Юбилейной средней школы в с. Пирогово Завьяловского района Удмуртской Республики. В 1990 г. защитил кандидатскую, а в 1992 – докторскую диссертацию в Институте этнологии и этнической антропологии РАН (Москва). В настоящее время работает профессором кафедры теории языка и перевода факультета профессионального иностранного языка Удмуртского государственного университета (Ижевск). Круг научных интересов: этническая история и история традиционной культуры народов Волго-Уральского региона, история религии, история письма.

К начальным этапам этнической истории коми

Коми язык¹ вне всякого сомнения находится в близком родстве с удмуртским, и это родство может быть объяснено только как результат происхождения их обоих от некогда существовавшего относительно единого праязыка, на котором должна была говорить определённая и достаточно едина историческая общность людей, пермский прана род². Поэтому начало истории собственно народа коми связано с распадом прaperмской общности. Относительно времени этого распада существуют различные точки зрения (критический обзор, с оценками которого я в целом солидарен, и за которые частично разделяю с автором ответственность см. в [Белых 2009: 26 pass.]), однако, если исключить заведомо экст-

¹ Здесь я предполагаю обозначать всю совокупность коми-зырянских, коми-пермяцких и коми-язывинских диалектов словом *язык* в единственном числе исходя из принципиальной взаимопонятности этих диалектов и одинакового самоназвания их носителей.

² Подобная картина отнюдь не автоматически следует из самого факта языкового родства, хотя бы и близкого. Например, если близкое родство славянских языков указывает, по всей вероятности, на былое существование более или менее компактной общности с относительно единым языком и общим самоназванием, то, скажем, родство германских языков скорее следует интерпретировать как результат наследия весьма дробной в диалектном отношении группы племенных объединений, расселённых на достаточно обширной территории и едва ли имевших общее самоназвание. Случай с прaperмянами лежит где-то между этими двумя возможностями: общность должна была быть компактной, но заметные диалектные различия уже в позднем прaperмском следуют предполагать. Кроме того, для носителей пермского праязыка трудно реконструировать общее самоназвание: почти несомненно оно должно было содержать ППерм **mort* ‘человек’ с каким-то определением, но у разных групп эти определения могли быть различны. Во всяком случае, самоназвание удмуртов **odz-mort*, должно было быть заимствовано из иран. **anta-marta* ‘человек окраины’ ещё в прaperмское время и явно обозначало не всех носителей пермского праязыка, а какую-то их южную группу, предков удмуртов; о коми *коми mort* см. ниже.

ремальные¹, они так или иначе связывают распад прарейнского единства с волжско-булгарским временем (IX–XIV вв.) – важнейшей, можно сказать, переломной эпохой в этнической истории Волго-Уральского региона. С этим согласуются и результаты глоттохронологических подсчётов (конец X – начало XII в. [Белых 2009: 54]).

Вместе с тем, следует иметь в виду, что невозможно требовать «точной датировки» распада прайзыка даже в пределах нескольких веков: в определённом смысле каждый язык всегда находится в состоянии распада, в любом живом языке действуют центробежные силы, в обычном состоянии его уравновешивающие центростремительные². Равновесие это нарушается не вследствие собственно языкового развития, а вследствие исторических обстоятельств, приводящих к разрыву социальных, культурных и языковых связей между отдельными частями единого языкового массива и / или к установлению таких связей между отдельными частями этого массива и внешними языковыми организмами. В конечном итоге сам факт языкового распада (а следовательно – и его датировка) определяется не собственно внутриязыковыми процессами, а социальными обстоятельствами, историческими причинами, которые приводят к тому, что в сознании людей, причисляющих себя к той или иной общности, закрепляется представление об обособленности, самостоятельности этой общности и её особом имени и, соответственно – о самостоятельности её языка, который также получает особое имя. Такими обстоятельствами могли быть миграции, приводившие к прекращению ареально-генетических контактов, вмешательство иноязычных групп (субстратные, адстратные или суперстратные влияния, приход иноязычного населения и образование территориального «клина» между диалектами прайзыка и под.), образование социально-экономических, политических и конфессиональных объединений с определёнными границами. Ясно, что, как и всякие социальные процессы, эти должны быть достаточно протяжёнными во времени, а результаты их могут стать очевидными только по прошествии жизни нескольких, часто – многих поколений. Непосредственный распад прарейнского единства часто имеет продолжение в длительном периоде, в течение которого сохраняются межъязыковые связи между дочерними языками, обеспечивающие существование между ними цепи переходных диалектов, через которые инновации одного языка могли проникать в другой. Это состояние применительно к истории пермских языков предложено называть *общепермским диалектным континуумом* [Белых 2009: 77 pass.], и окончательный разрыв коми-удмуртских связей внутри него датировать эпохой христианизации коми (конец XIV – начало XV в.) [Белых 2009: 102–119].

В нашем случае принципиальное значение имеет безусловная связь даты прарейнского распада с булгарской эпохой. Таким образом, говоря о пермском прак-

¹ Прежде всего это касается распространённой в старых работах археологов, но сегодня, кажется, уже переставшей быть актуальной, гипотезы о связи распада прарейнского единства с финальным этапом развития ананьинской культурно-исторической области (в устаревшей терминологии – ананьинской культуры). Данная гипотеза не соответствует никаким фактам истории пермских языков и является абсолютно неисторической.

² Ср. данные об исторически неплохо документированных языковых распадах: когда, например, распался древнерусский язык (= восточнославянский прайзык)? Речь идёт о процессах, происходивших с XIII по, в конечном счёте, XVIII век. Аналогичная ситуация – с распадом латыни (= романского прайзыка) – с V по IX вв., и т.д.

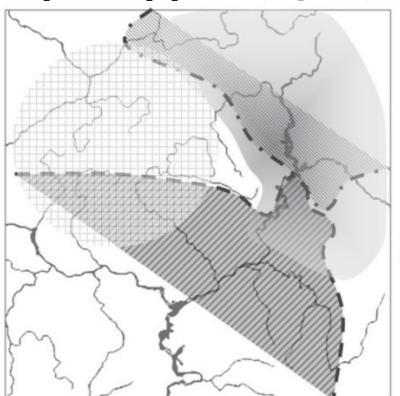
народе и прародине в конце эпохи прaperмского единства, следует иметь в виду период появления в Среднем Поволжье булгар и начало сложения Волжской Булгарии, которые датируются VIII–IX вв.

Инструментарий языкоznания позволяет довольно надёжно локализовать район обитания носителей пражзыка. Для этого используются три взаимонезависимых метода: лингвистическая палеонтология (определение места обитания носителей пражзыка по набору названий растений, животных, климатических и ландшафтных особенностей, отражённых в пражзыковой лексике и позволяющих при наложении на палеогеографическую карту соответствующего времени очертить пражзыковой экологический ареал – район совместного распространения всех данных природных явлений, который так или иначе должен соотноситься с реальным районом обитания носителей пражзыка), данные о внешних (контактных) связях интересующего нас пражзыка с языками, относительно локализации которых имеются более или менее надёжные соображения и, наконец, данные субстратной топонимики, указывающие на древние ареалы обитания носителей тех или иных языков, оставивших определённые пласти географических названий.

Анализ пермской пражзыковой лексики позволяет с максимальной уверенностью утверждать, что пермский прана род обитал в лесной умеренной (таёжной и подтаёжной) зоне Восточной Европы, в крае, для которого были характерны развитая речная сеть с наличием крупных рек, покрытые лесом холмы и возвышенности, но не горы, и природа которого позволяла практиковать достаточно интенсивное земледелие (с набором основных культур, характерных для умеренно-холодного климата: рожь, ячмень, овес, пшеница, полба) и приодомное скотоводство в сочетании с охотой, рыболовством и собирательством (см. подробнее [Белых 2009: 56 pass.]). Для уточнения локализации прaperмского экологического ареала в пределах северной части Восточной Европы решающее значение имеют прaperмские названия двух деревьев: ‘дуба’ (коми *tupu*, удм. *тыпы* < ППерм **tūri*) и ‘кедра’ (коми *cuspu*, к.-перм. *сыспу*, удм. *сусыпу* ‘можжевельник’ < ППерм **suss-*(*ru*) – переход значения в удмуртском объясняется отсутствием кедра в естественном виде в Удмуртии, реконструкция значения ‘кедр’ в прaperмском несомненна в силу хороших параллелей в других уральских языках). Ареалы распространения этих двух деревьев пересекались в конце I тыс. н.э. (и пересекаются и сейчас) только в одном весьма узком районе: в Среднем (Пермско-Сарапульском) Прикамье (см. карту 1). Вероятно, район обитания носителей пермского пражзыка должен был быть так или иначе близок к этим территориям.

Данные внешних связей позднего пермского пражзыка не позволяют размещать ареал обитания его носителей далеко на севере и северо-западе, поскольку контакты с прибалтийско-финскими или близ-

Пермская прародина (Карта 1).

- 1 – северо-восточная граница распространения дуба;
- 2 – юго-западная граница распространения кедра;
- 3 – ареал гидронимов на *-ea*;
- 4 – ареал гидронимов на *-jog*.

кими им языками, носители которых к концу I тыс. н.э. уже могли достаточно далеко продвинуться на северо-восток Восточной Европы, имели место самое раннее только на финальном этапе существования коми-удмуртского диалектного континуума, поскольку в удмуртский язык попало не более двух-трёх слов прибалтийско-финского происхождения, одно (и единственное надёжное) из которых представляет собой этноним: удм. *зүч* ~ коми *роch* ‘русский’ ← приб.-ф. **rōtsi* ‘шведы, Швеция’, который, конечно, мог быть заимствован и после разрыва всяческих пражазыковых связей. Никаких оснований говорить о контактах пермского пражазыка с саамскими или самодийскими языками нет вообще. Равным образом нет оснований говорить о древних связях прапермского на западе, в Поволжье – с марийским или мордовскими языками. Немногочисленные грамматические и фонетические изоглоссы, объединяющие марийский с пермскими могут иметь то же происхождение, что и слой заимствованной пермской (или, скорее, древнеудмуртской) лексики в марийском [Bereczki 1992: 97–129] – восходить к языку пермского (древнеудмуртского) населения, ассимилированного предками мариевцев в ходе их продвижения с запада в Вятско-Ветлужское междуречье [Казанцев 1985: 52–55, 101–102], имевшего место не ранее булгарского времени.

С другой стороны, внешние связи прапермского, в том числе и на самом позднем этапе его развития (в эпоху, когда, например, уже завершился общепермский процесс деназализации, перехода типа *-NT- > -D(-)), явно тянут его на юг, в области Нижнего Прикамья и пограничья леса и степи: в пражазыке имеются заимствования из среднеиранского языка, весьма близкого древнесетинскому (самые показательные: коми *емдон* ~ удм. *андан* ← иран.: осет. *əndon* ‘сталь’; коми *гундыр* ‘змей, дракон’ ~ удм. *гондыр* ‘медведь’ ← иран.: осет. (*kæf*)*qwyndar* ‘дракон’), которые едва ли можно датировать ранее, чем второй половиной I тыс. н.э. [Напольских 2008; Napol'skikh 2010]. Примерно тем же временем (V–VII вв.) следует датировать ряд заимствований из языка балто-славянского типа, носителями которого были по всей вероятности создатели именьковской археологической культуры в Среднем Поволжье [Напольских 2006].

Данные о контактах прапермского времени с угорскими языками позволяют говорить о необходимости локализовать пермскую прародину не слишком далеко от исконных районов расселения манси (таёжные области Северного и Среднего Урала от Пельма на севере почти до Миасса на юге с выходом в восточные области Среднего Прикамья на западе [Гуя 1963]), поскольку с мансийским языком пермские имеют немногочисленные, но интересные общие инновации, например, в металлургической терминологии [Napol'skikh 2010]. Особенно же важное значение имеют несомненные следы, возможно, кратковременных, но весьма интенсивных контактов прапермского с древневенгерским [Напольских 2008а: 22–24]¹, которые с наибольшей вероятностью должны быть локализованы в непосредственной близости от территории современной Башкирии и Нижнего Прикамья – районов, через которые предки венгров прошли на своём пути из Сибири на новую родину в раннем средневековье [Иванов 1999].

Такая картина внешних связей пермского пражазыка во второй половине I тыс.

¹ Достаточно скептическая оценка наличия языковых следов пермско-древневенгерских контактов в [Redei 1964] безусловно требует пересмотра. Ср. гораздо более оптимистический подход в [Хелимский 1982: 22–24].

н.э. наилучшим образом согласуется с гипотезой о пермской праордии в Среднем (Пермско-Сарапульском) Прикамье.

Топонимика рассматриваемого региона исследована недостаточно, но одно принципиальное наблюдение сделать можно. Дело в том, что слово ‘река’ (и, соответственно, топоформант в гидронимии) в большинстве коми диалектов звучит как *ю*, а в удмуртском языке повсеместно – *шур*¹. При этом по крайней мере в удмуртском языке для названия рек окказионально сохраняется и употребление слова ву ‘вода’ (напр., *Кам ву* ‘Кама’, букв. ‘камская вода’, а в рано отделившемся от удмуртского «материика» красноуфимском диалекте ‘река’ и вовсе обозначается словом *βiidür* букв. ‘край / берег воды’). По всей вероятности, использование в ряде коми-пермяцких диалектов (и в старом коми-пермяцком литературном языке) слова *ва* ‘вода’ в значении также ‘река’ представляет собой архаизм – о возможных причинах этого явления см. ниже.

Между тем, район левобережья средней Камы от Колвы на севере до Тулвы на юге практически покрыт субстратной гидронимией на *-ва*, причём большинство названий не оставляет сомнения в пермском происхождении не только данного гидроформанта (ППерм **va* ‘вода, река’), но и топооснов (см. карту 1). Предполагать столь широкое былое расселение здесь носителей коми-пермяцких диалектов, в которых слово *ва* обозначает ‘река’ едва ли возможно. Главным аргументом против этого служит ещё и то обстоятельство, что гидронимы на *-ва* присутствуют и на коми-зырянской территории и при этом являются по отношению к собственно коми-зырянской гидронимии субстратными (такие старые гидронимы часто употребляются с добавлением современного *ю* ‘река’, как, например, в *Эжва ю кузя...*). Поэтому я склонен полагать, что субстратная гидронимия на *-ва* в Среднем Прикамье происходит от языка древнего пермского населения, по всей вероятности – говорившего ещё на диалектах пермского прайзыка². Появление названий на *-ва* на коми-зырянских землях, где они обозначают уже по преимуществу крупные реки (*Эжва*, *Изъва* и под.), что само по себе свидетельствует об их если не субстратном, то хотя бы весьма старом происхождении, можно объяснить имевшими место миграциями этого пра-пермского населения из Прикамья и переносом прикамской гидронимической модели в бассейн Вычегды и Печоры, а также тем, что полная замена старого *ва* на *ю* в значении ‘река’ имела место в коми языке уже после переселения пермских предков коми-зырян на север. Никакого другого топонимического ареала, который бы с той же степенью надёжности можно было связывать с общепермской эпохой, на карте Восточной Европы пока не обнаружено.

¹ Относительно данного удм. слова можно с уверенностью сказать, что оно не является древним, пра-пермским понятием для ‘реки’, поскольку внешние параллели, в том числе – коми *шор* позволяют восстанавливать исконное значение ‘ручей, протока’. Причины такого развития в удмуртском (исчезновение старого слова **ju* ‘река’ и перенос этого значения на слово с изначальной семантикой ‘ручей’) не совсем ясны, но можно предположить, что предки удмуртов жили какое-то время на территории, где помимо очень крупных рек (удм. *кам* – см. ниже) текли преимущественно малые реки и ручьи, относительно которых термин **ju* не применялся. Таким районом вполне могли быть низовья Вятки и нижнее правобережье Камы, с которыми, вероятно, связаны ранние этапы собственно удмуртской этнической истории.

² Если принимать во внимание, что русское население в Пермском Прикамье появляется не позднее XIV в., то возникновение этой, явно дорусской субстратной гидронимии следует опускать как минимум в XII–XIII вв., то есть так или иначе – уже в эпоху существования если не пра-пермского единства, то хотя бы общепермского диалектного континума.

Примечательно наличие в интересующем нас регионе ещё одного весьма чётко очерченного в географическом отношении субстратного гидронимического ареала – речных названий на *-юг*, плотной сетью покрывающих северо-запад Кировской области и прилегающие районы Костромской, Вологодской областей и Республики Коми (бассейн собственно реки *Юг* и сопредельные территории). Данные названия должны были быть усвоены русским населением от местных жителей, говоривших на весьма своеобразном языке. Он очевидно был достаточно близок к пермским¹, но обладал особенностью, которая к моменту прихода русских (для данного региона следует полагать XII–XIII вв.) уже едва ли могла присутствовать в предковых диалектах коми и удмуртского языков: сохранение старого **-g / ? *-y* на конце корня, как в слове *юг* (~ коми *ю*) < ПФУ **joke* ‘река’². Поэтому наиболее вероятной представляется аттестация языка гидронимов на *-юг* как парапермского – то есть также входившего в пермскую (прапермскую) общность, но не оставившего прямых языков-потомков, унаследовавших его особенности. Следовательно, ареал гидронимии на *-юг* не должен рассматриваться как часть собственно пермской прародины в узком смысле слова, ареал формирования докоми и доудмуртских прапермских диалектов должен был находиться не здесь.

Все изложенные соображения позволяют достаточно однозначно помещать район обитания носителей пермского прайзыка перед его распадом в начале булгарского времени (VIII–X вв.) в районе Среднего Прикамья примерно от Сарапула до Перми. Археологическим аналогом этой общности следует считать прикамские культуры, оставленные постгляденовским населением: ломоватовскую, неволинскую и чепецкую.

Появление на Средней Волге и Нижней Каме булгар и сложение первого в регионе государства естественно сказалось на судьбах этого прапермского населения. Булгары захватили по преимуществу районы, где до их прихода проживало именьковское население, которое, по-видимому, не сумев оказать пришельцам сопротивления, но и не желая подчиняться им, ушло на запад [Седов 1994: 59–61]. Следствием этого было, по всей вероятности, наличие свободных удобных для земледелия угодий на территории Нижнего Прикамья и определённая нужда в земледельческом населении, способном их освоить. В качестве такого населения булгары вполне могли рассматривать обитавших в Среднем Прикамье пермян. С другой стороны, относительная стабильность и защищённость государственной

¹ Некоторые топоосновы в этих названиях явно имеют пермское происхождение: *Карюг* – левый приток р. Вожма, правого притока р. Ветлуга (коми, удм. *кар* ‘город’), три реки с названием *Кузюг* – левый приток р. Молома, левый приток р. Ентаала, правого притока р. Юг в Вологодской обл. и левый приток р. Вочь, правого притока р. Вожма, правого притока р. Ветлуга (коми, удм. *кузь* ‘длинный’), несколько рек с названием *Нюрюг* – левый приток р. Вожма, правого притока р. Ветлуга, левый приток р. Ветлуга, правый приток р. Паозер, левого притока р. Ветлуга, и даже *Норюг* – правый приток р. Луза (коми, удм. *нюр* ‘болото’) и др. Наличие среди них специфических коми топооснов как, например, *Керкаюг* – левый приток р. Луза (коми *керка* при удм. *корка* ‘изба’) может объясняться усвоением субстратной гидронимии на *-юг* местным коми населением.

² Подобные явления спорадически встречаются в пермских языках (коми *туриг* при удм. *тури* ‘журавль’, удм. *чорыг* при коми *чери* ‘рыба’), но, во-первых, это отмечается, кажется, только в двусложных (суффигированных – ?) основах, а, во-вторых, они не имеют внятного объяснения и, возможно, восходят, например, к особенностям языка ассимилированных предками коми и удмуртов создателей гидронимии на *-юг*.

силой, выгоды торговли, культурного обмена не могли не представлять интереса для прикамских земледельцев-пермян.

В этих условиях пермской племенной верхушке предстояло в IX–X вв. решить впервые возникшую перед ней политическую задачу: выработать и провести в жизнь стратегию взаимоотношений с возникшим в регионе государственным образованием, Волжской Булгарией. Появление в Среднем Поволжье первого государства с определяемой им стабильной военно-политической обстановкой, интенсивным развитием экономических связей и вместе с тем – с неизбежной прямой и косвенной эксплуатацией местного населения – имело для местной элиты и плюсы и минусы и могло сформировать два направления её поведения. С одной стороны, должно было иметь место стремление сохранить независимость, то есть – власть этой самой элиты над соплеменниками¹, а для этого в условиях очевидного военно-политического превосходства булгар уйти от державного соседства. С другой стороны, представители местных племенных верхов могли попытаться интегрироваться в экономическую и в политическую систему государства и, опираясь на неё, закрепить своё господство над соплеменниками, придать ему регулярный характер.

Следствием второго выбора и стало наблюдаемое археологами в IX–X вв. движение населения из Верхнего и Среднего Прикамья на территорию Волжской Булгарии [Хлебникова 1984: 223–225; Иванов 1998: 107–109]. По всей вероятности, с формировавшимися таким образом в IX–X вв. пермскими группами на нижней Каме и её притоках и следует связывать начало сложения удмуртов и бесермян.

Примерно в это же время, другая часть среднекамского пермского населения выбирает противоположную стратегию «ухода», и переселяется на нижнюю и среднюю Вычегду и её притоки, где складывается вымская культура X–XIV вв., соотносимая обычно с летописной Пермью Вычегодской, предками коми-зырян [Савельева 1985: 13–19]. Отмечаемая археологами преемственность вымской культуры с предшествовавшей ей на той же территории ванвиздинской не может служить аргументом в решении вопросов этнической истории: такую преемственность можно при желании доказать чуть ли не для любых двух сменяющих друг друга культур. В данном случае принципиальное значение имеет заметно более высокая доля земледелия и скотоводства в укладе носителей вымской культуры в отличие от ванвиздинцев, которую никак не возможно объяснить простой эволюцией хозяйства местного населения: именно в это время (X–XI вв.) начинается развитие международной пушной торговли как на южном (Волжская Булгария), так и на западном (Новгород) направлении, и в хозяйстве местного населения следовало бы ожидать, напротив, охотничьей специализации. Объяснить такую картину можно только, если принять гипотезу о приходе на Вычегду более южного населения – носителей иного экономического уклада (вымская культура возникает именно на нижней и средней Вычегде, в районах наиболее близких Верхнему Прикамью). В создателях ванвиздинской культуры можно предполагать

¹ Судя по наличию таких добулгарских терминов как, например, ППерм *akszj (> коми ёксы, удм. эксэй) ‘царь’ (< вост.-иран.: скиф. ⁺aksaj ‘царь’), в какой-то мере развитые политарные отношения у носителей позднего прарусинского языка должны были существовать уже к моменту прихода булгар.

население, говорившее на диалектах пермского прайзыка, не оставивших прямых потомков (пара-пермских), а равным образом – и население, говорившее на других языках, как известной (прежде всего – прибалтийско-финско-саамского круга), так и неизвестной принадлежности.

Именно с развитием пушной торговли и связанной с этим активностью Новгорода и Булгара на северо-востоке Европы связано, возможно, то обстоятельство, что ушедшие на Вычегду пермяне постепенно утеряли связи со своими бывшими соплеменниками, переселившимися на нижнюю Каму: для пермского населения, переместившегося на Вычегду, всё большее значение начинают иметь всё нарастающие контакты с Новгородом и Русью, в которые к XIV в. вовлекается и население Верхнего Прикамья. Для предков же удмуртов на нижней Каме определяющими были интенсивнейшие связи с булгарами. Эти различия в политической и культурной ориентации имели результатом распределение булгарских заимствований в пермских языках: в коми-зырянских диалектах насчитывается около 20 булгаризмов, и ещё примерно 9 – в коми-пермяцких [Rédei, Róna-Tas 1972; 1975], в удмуртском же языке имеется не менее двух сотен булгаризмов [Wichmann 1903].

В связи с предполагаемым переселением предков коми с Камы на Вычегду в начале булгарского времени небезынтересно вернуться к старой проблеме происхождения самоназвания коми народа. В настоящее время наиболее признанной является, видимо, этимология В.И. Лыткина: “наиболее правильным нужно считать сопоставление к. *komi* с удм. *kum*: *vjži kum* ‘родня, родственник’ (собственно ‘человек одного рода, одного корня’, *vjži* ‘корень, род’) <...> Общеперм. **kəm* ‘человек’ > ‘человек своей национальности’ <...> Народы часто называют себя ‘человек, люди’” [КЭСК: 133]. Фонетически и семантически эта версия выглядит вполне безупречно. Остаётся неясными два обстоятельства: чем объясняется не очень ясная суффиксация, и почему данное архаичное самоназвание возникло у народа, который к моменту возникновения этого самоназвания давно вышел из первобытности, для которой характерны эндоэтнонимы такого типа¹.

Поэтому интересна старая гипотеза Т. Уотилы, согласно которой: “*komi* <...> изначально означало ‘камский’ (значение *kot* в *kotmi* скорее всего было ‘Кама’). Это объяснение более вероятно, нежели то, по которому *komi* является диминутивом от слова ‘человек’” [Uotila 1938: 102]. Здесь имеется в виду коми *kot-mi* ‘район Соликамска и Чердыни’, *kot-musa* ‘житель этого района’ [Wiedemann 1964: 110] (в этом же издании Д.Фокуш-Фукс приводит дополнения Ф. Видеманна, опубликованные им в 1886 г. в *Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. Bd. 31:3*, среди которых находим *kot* ‘река Кама’ [Wiedemann 1964: 13]), (Выч.) ‘район проживания пермяков, быв. Пермская губерния’, *kot-musa* (Выч.) ‘пермяк’ [Fokos-Fuchs 1959: 473], (БВыч., НВыч., Печ.) ‘Прикамье’

¹ Теоретически допустимо, конечно, что словом **kəm* называли себя предки коми ещё в прародительское время – в таком случае здесь был бы полный аналог с этнонимом *Deutsch* < **teuta* – ‘народ, община’. Проблема, однако, состоит в том, что уральские параллели к ППерм **kəm* не дают оснований предполагать у этого слова какого-либо значения кроме ‘человек, мужчина’ – в отличие от семантически весьма нагруженного индоевропейского прототипа *Deutsch*. Трудно сбрасывать со счетов и отсутствие каких-либо следов этого якобы архаичного этнонима в удмуртском (удм. *sara kum* ‘зыряне’, приводимое В.И. Лыткиным имеется только в словаре Ф. Видеманна, удмуртские материалы которого весьма ненадёжны, и является, конечно, фикцией: это мансийское, а не удмуртское название зырян [Uotila 1938: 102]).

[ССКЗД: 163]. В этом случае коми *kot* в *Комму* (и, следуя гипотезе Т. Уотилы, в коми) следовало бы связывать с удм. *kat* ‘большая река (Кама или Вятка)’ ~ манс. (НЛозьва) *kāt* название реки в бассейне Вагиля ~ хант. (Конда) *kāt* название реки, притока Конды ~ ф. *kuti* ‘большая река, поток’, также название реки [DEWOS: 633; SSA I: 463]. Трудностью данной этимологии является нетривиальное соответствие коми *o* ~ удм. *a*, которое, впрочем, может быть объяснено, во-первых, вторичным огублением перед *-t*, и, во-вторых, контаминацией с ППерм **kət* ‘человек, мужчина; (?) родич’. Если перед нами оттопонимическое образование, то вполне понятной становится и суффиксация.

Данная этимология, возможно, может быть пояснена на материале обско-угорских языков: начавшееся, вероятно, в булгарское же время вследствие тех же социально-политических и экономических причин (давление Новгорода и Булгара, развитие пушной торговли) мощное влияние пермян (прежде всего – предков коми) на обских угров привело к наличию в обско-угорских языках значительно го пласта заимствованной пермской лексики, в которой часто сохраняются достаточно своеобразные и архаичные пермские данные. В данном случае речь идёт о хант. (Тромъёган, Конда) *kāt*, (Казым) *kami*, (Иртыш, по Патканову) *kāt*, (сев., по Папай) *kēti* ~ манс. (сев.) *kami* (< **kāt*) – эпитет, употребляющийся при слове ‘металл’ в фольклорных текстах для обозначения особого, сказочного серебра, параллельный хант. * *t'apər* ~ манс. **śopər* (< **śarər*): манс. (С) *śopər-voχ*, *kami-voχ* ‘сёпыр-металл, ками-металл’, *śopər-đln*, *kami-đln* ‘сёпыр-серебро, ками-серебро’ и под.¹ [DEWOS: 632–633, 1528–1530; Munk csi, K lm n 1986: 189, 600]. Значение слов **śarər* и **kāt* в этих конструкциях неясны. Помимо металлов эти эпитеты могли применяться к местностям, княгине и даже веслу [DEWOS: 633]. Слово **śarər* употреблялось северными хантами для обозначения территории между нижней Обью и Уралом, нарымскими – для обозначения своей собственной группы; *śarər-kānás* букв. ‘сяпыр-князь’ называли нижнеобские ханты обдорских князцов Тайшиных и т.д., поэтому прав, видимо, В.Штайниц, который полагал, что первоначально это были имена собственные [DEWOS: 1529]. Для понимания исконного значения этих слов стоит ещё обратить внимание на тексты медвежьей церемонии: в одном из них, записанном В. Паткановым на Иртыше, ханты-охотники говорят о себе убитому медведю: *t'apar-nēj pogot ūseu, kāt-nēj tājet pogot ūseu* ‘мы – сыновья *тяпар*-женщины, мы – сыновья *кам*-женщины’; в другом, записанном Й. Папай у северных хантов, от лица медведя говорится *śārər-naj ajuetna, kēti-naj ajuetna* ‘(я был выращен) моей матерью *сяпыр*-женщиной, моей матерью *кеми*-женщиной’ [DEWOS: 632] (имеется в виду, естественно, не медведица, а хантыские женщины, кормившие медведя, пока он содержался в неволе). Наиболее адекватно в этом контексте выглядели бы названия иноплеменников, именем которых прикрываются убивающие медведя участники праздника. Таким образом, перед нами скорее всего какие-то старые этниконы, и наиболее очевидными их прототипами кажутся *Сибирь* (Сибирское ханство)² и *Кама*

¹ Мансийские слова встречаются, кажется, только в северном наречии и могут быть заимствованиями из хантыйского.

² Для **śarər*, впрочем, можно предполагать и происхождение из тюрksких языков: хакас., алт. *čäbär* ‘чистый, опрятный, ясный; внимательный’, тат. *čibär* ‘чистый, красивый’ ~ монг. *čeber* ‘чистый, чистоплотный’ [VEWT: 101].

(Прикамье). В названиях металлов эти эпитеты отражают по всей вероятности два основных источника поступления изделий из драгоценных металлов к обских уграм. При этом важно, что *Кама*, как и *Сибирь*, была в глазах обских угров чужой территорией с иноплеменным населением. Обско-угорское (хант. – ?) *kāt по всей вероятности обозначало ту же страну, которая называлась у коми *Комму*, и фонетический облик хантыйского слова сопоставим с удм. *Кам* ‘большая река, Кама’ и подтверждает таким образом исконность именно такой формы (с позднейшим развитием *a > o в коми).

Таким образом, возникновение самоназвания коми можно связывать с миграцией пермского населения из Прикамья на Вычегду в начале булгарского времени. Вероятно, именно здесь на севере в X–XI вв. начинается формирование особенностей коми языка и особого этнического самосознания.

В то же время часть пермского населения Среднего и Верхнего Прикамья должна была остаться на прежних местах своего обитания, где, в бассейне Чепцы и на верхней Каме, в IX–X вв. складывается целая сеть укреплённых поселений (памятники типа Анюшкара и Рождественского городища на верхней Каме, Иданакара и Дондыкара на Чепце – поломско-чепецкая и родановская культуры в археологической терминологии), на большинстве которых археологически прослежено присутствие булгарского населения. Судя по характеру укреплений, по относительно небольшой площади этих поселений, по отсутствию на них следов каких-либо политарных органов, резиденций правителей, храмов и т.п., эти городища представляли собой по сути дела возникшие на территории местных племенных центров городки-фактории, управляемые, возможно, местной знатью с опорой на присутствующую там группу булгар. Основным предназначением этих факторий был скорее всего сбор пушнины, её складирование и подготовка к отправке в Булгарию. Естественно, на этих факториях жили и обслуживающие нужды их обитателей и окружающего населения ремесленники, развивались ремесло и торговля. Пермское население этих районов, с одной стороны, могло выполнять роль передаточного звена между предками удмуртов в Нижнем Прикамье и предками коми на Вычегде, благодаря чему обеспечивалось существование пермского диалектного континуума. С другой стороны, развитие культуры и языка этого населения скорее всего происходило обособленно от вычегодского и нижнекамского центров пермской этнической истории, у него могли сохраняться архаические особенности языка и культуры, а равно могло иметь место и особое развитие. Думается, не имеет смысла пытаться аттестовать эти диалекты как предковые специально для (северно)удмуртского или коми-(пермяцкого) языков, как это нередко делается в археологической литературе: во-первых, для названного периода едва ли возможно провести такую границу в принципе (окончательный распад прaperмского единства следует датировать XIII–XIV вв.). Во-вторых, такой дихотомии просто не существует: в финальный период существования прaperмской общности могли и должны были существовать многочисленные диалекты, кристаллизация которых в удмуртский и коми языки происходила в ходе не дивергентных, а интеграционных социальных процессов в нижнекамском и вычегодском центрах (аналогичным образом, например, абсурдно было бы называть язык северян русским или украинским, или язык кривичей – русским или белорусским). Тем не менее, именно особенностями языка этих групп можно объяс-

нять своеобразные и часто весьма архаичные черты южных коми-пермяцких и коми-язьвинского диалектов.

Влияние булгар здесь было, видимо, не столь сильным, как на предков удмуртов (однако сильнее, чем на Вычегде, вследствие чего количество булгаризмов в коми-пермяцких диалектах всё же значительно выше, чем в коми-зырянских). Базовая связь верхнекамско-чепецких городищ с Волжской Булгарией очевидна уже судя по самому времени их существования: их рост начинается в IX–X вв. одновременно со сложением булгарского государства, упадок наступает в XIII в. в период монгольского нашествия и первого разгрома Булгарии, а к концу XIV в. практически все эти городища окончательно прекращают своё функционирование – одновременно с гибеллю Волжской Булгарии как самостоятельного политического и экономического образования и исчезновением вместе с ней экономической, социально-политической и военной базы этих центров. Исключение представляют только городища Пермского Прикамья, района Чердыни, которые доживают до появления здесь русского населения и становятся центрами Перми Великой.

По всей вероятности, в XIII–XIV вв. в Пермском Прикамье происходит очередная смена культурных и политических ориентиров: конец Булгарии совпадает с активизацией и продвижением в этот регион Руси. Освобождение от булгарского присутствия должно было привести к возвращению части вычегодского населения в Прикамье, что, по-видимому, и имело место в этот период. Вернувшись на свою историческую родину, вычегодские пермяне выступили в Прикамье как носители новой культурной и политической доминанты, союзники русских, а с конца XIV в. – и как христиане. Это должно было привести к ассимиляции ими местного пермского населения, что, вероятно, выразилось в распространении здесь принесённого с севера самоназвания *коми*, а также – в перенесении на эти территории старого русского этнотопонима *Пер(ъ)мъ*. Переселенцы с севера привнесли и особенности собственно коми языка, которые, вероятно, также были усвоены местным прикамским населением в большинстве районов, за исключением крайнего юга и востока, где сохранились коми-пермяцкие и коми-язьвинский диалекты, отличающиеся определённым архаизмом.

Вероятно, сохранением культурной среды (городищ) булгарского времени и наиболее активным освоением пришедшими с Вычегды коми именно северной части Прикамья объясняется привязка коми названия *Комму* именно к району Чердыни: этим словом называлась не только старая родина пермян, но и относительно консолидированный (с остатками традиции булгарских городков) и не совсем ещё подвластный русским центр в XIV–XV вв., а также – район, где принесённое с севера самоназвание *коми* утвердилось ранее всего.

Литература:

Белых С.К. 2009. Проблема распада прaperмской этноязыковой общности. Ижевск.

Гуя Я. 1963. Древнеманьеские диалекты // Congressus Internationalis Fennougristarum, Budapestini habitus 20.-24. X. 1960. Hrsg. von Gyula Ortutay und Jnos Gulya, Budapest.

Иванов А.Г. 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск.

- Иванов В.А. 1999. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа.
- Казанцев Д.Е. 1985. Формирование диалектов марийского языка (в связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола.
- КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, 1970.
- Напольских В.В. 2006. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э. // Славяноведение. № 2. Москва.
- Напольских В.В. 2008. *Кентавр ~ гандхарва ~ дракон ~ медведь: к эволюции одного мифологического образа в Северной Евразии* // Nartamong . The Journal of Alano-Ossetic Studies. Vol. 5, №1–2. Владикавказ – Paris.
- Напольских В.В. 2008а. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // Вопросы археологии Урала, вып. 25. Екатеринбург – Сургут.
- Савельева Э.А. 1985. Этногенез коми-зырян (по данным археологии) // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар.
- Седов В.В. 1994. Очерки по археологии славян. Москва.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- Хелимский Е.А. 1982. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. Москва.
- Хлебникова Т.А. 1984. Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. Москва.
- Bereczki G. 1992. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte. II / Studia uralo-altaica. T. 34. Szeged.
- DEWOS – Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Berlin, 1956–1991.
- Fokos-Fuchs D.R. 1959. Syrj nisches Wörterbuch. Bd. 1. Budapest.
- Munk csi B., K lm n B. 1986. Wogulisches Wörterbuch. Budapest.
- Napolskich W.W. 2010. Über die Herkunft der Benennungen ‘Silber’ und ‘Blei / Zinn’ in den permischen Sprachen // Gedenkschrift für Eugen A. Helimski. Hrsg. von Valentin Ju. Gusev und Anna Widmer (Finnisch-Ugrische Mitteilungen, Band 32/33, Jahrgang 2008/2009). Hamburg.
- VEWT – R s nen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der T rksprachen / Lexiac Societatis Finno-Ugricae, 17:1. Helsinki, 1969.
- R dei K. 1964. Vannak-e az elõmagyar-permi rintkez snek nyelvi nyomai? // Nyelvtudom nyi közlem nyek, 66: 2. Budapest.
- R dei K., R na-Tas A. 1972. A permi nyelvek ös-permi korai bolg r-torok jovev nyszavai // Nyelvtudom nyi közlem nyek. Kot. 74:2. Budapest.
- R dei K., R na-Tas A. 1975. A bolg r-torok-permi rintkez sek n h ny k rd se // Nyelvtudom nyi közlem nyek. Kot. 77:1. Budapest.
- SSA I – Suomen sanien alkuper . Etymologinen samakirja. N. 1. A–K. Helsinki, 1992.
- Uotila T.E. 1938. Syrj nische Chrestomatie mit grammatischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki.
- Wichmann Y. 1903. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen // M moires de la Soci t Finno-Ougrienne, 21. Helsinki.
- Wiedemann F.J. 1964. Syrj nisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhange und einem deutschen Register. Reprint of original edition (St.Petersburg, 1880), with an introduction by D.R. Fokos-Fuchs (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, 40). The Hague.

Ӧньё Лав

Вячеслав Степанов, или, как он предпочитает называть себя по-коми, Ӧньё Лав – родом из Перми. Он один из таких полиглотов, который знает около двух десятков языков.

В 2007 году Ӧньё Лав закончил с красным дипломом Пермский пединститут, где получил специальность историка. Аспирант ИЯЛИ КНЦ УрО РАН.

С весны 2010 года преподаёт коми-пермяцкий язык в Германии, Университете имени Георга-Августа (Georg-August-Universität) немецкого города Гётtingена.

Ещё раз к вопросу о едином коми языке

Почему у народа, называющего себя коми, существует два литературных языка: коми-пермяцкий и коми-зырянский? Что помешало созданию единого литературного языка единой коми нации? Каковы могли бы быть пути создания такого языка? И возможен ли общекоми языковой стандарт вообще? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо, прежде всего, кратко рассмотреть процесс развития нашей письменности в контексте истории нашего народа за последние три столетия.

Развитие и взаимоотношения письменных традиций

К началу XVIII века комиязычное население Российского государства проживало на обширных территориях северо-востока Европы, которые в течение века постепенно оформились в Пермскую, Вятскую, Вологодскую и Архангельскую губернии. Причём в пределах первых двух административных образований (Камско-Вятский бассейн) коми именовались по-русски *пермяками*, а в остальных (Северодвинский и Печорский бассейн) – *зырянами*.

Язык коми на столь обширной территории, разумеется, имел определённые различия. Первые западные фиксации комиязычных текстов («Отче наш» Н. Витсена, записи Д. Г. Мессершмидта, словник Ф. И. Странденберга)¹ ещё не позволяют однозначно идентифицировать информантов как представителей той или иной группы коми.

¹ Все тексты отмечены как «пермяцкие» или «permские».

Первым, кто поставил пермяцкий и зырянский материал рядом, был Г.Ф. Мюллер, сравнительный словарь которого (1756) уже совершенно определённо фиксирует дифференциацию лексики между пермяцкими и зырянскими наречиями коми языка.

Дальнейшее развитие коми письменности в пермяцком и зырянском ареалах проходило в значительной степени параллельно, хотя случаи влияния (в первую очередь зырянской традиции на пермяцкую) имели место на всём протяжении дореволюционного развития¹.

Первая нам известная коми грамматика и словарь были созданы на основе пермяцкого наречия (1785), первые печатные издания (грамматика 1813, евангелие 1823, словарь 1850) осуществлены с использованием зырянского материала.

Коми письменность в донациональный период вообще развивалась на диалектах. Так, не было единого пермяцкого литературного языка, были издания на северонермяцком и южнoperмяцком наречии. Зырянские тексты (после стефановых нижневычегодских творений) имели своей основой удорский, ижемский, сысольский или вычегодский диалекты. В целом по донациональной эпохе мы имеем около 60 названий памятников письменности на пермяцких наречиях (из них около 30 – печатные издания) и более 70 только печатных изданий на зырянских диалектах².

Таким образом, к моменту национального самоопределения коми уже имели две письменные традиции в пермяцком kraе и ещё несколько в зырянском. Что помешало объединить все эти традиции в единый коми язык в раннюю советскую эпоху?

Несомненно, главную роль здесь сыграл политический фактор – не было достигнуто административно-территориальное единство. Вероятно, в единой коми области были бы предприняты максимальные усилия по консолидации всех коми. Тенденция к объединению была налицо. Упомянем лишь то, что даже в условиях территориальной разобщённости пермяки и зыряне смогли принять единый национальный алфавит – молодцовицу.

Однако не стоит сбрасывать со счетов и силу традиции. Учитывая её, культурные работники коми на первых порах предполагали развивать литературу на нескольких пермяцких и зырянских диалектах (иньвенском, косинском, средневычегодском, ижемском)³ и издавать учебники на этих диалектах, хотя в последующем все эти традиции предполагалось привести к общекоми стандарту (как тогда говорили – «слить»). Отметим, что книгоиздание и печать на ижемском и косинском диалектах так и не получили развития, а проблема единства коми языка свелась в конечном итоге к вопросу о сближении пермяцкой нормы с зырянской.

В первой половине 1920 годов в пермяцком kraе продолжают традицию донациональной эпохи – книги издаются на иньвенском наречии, хотя постепенно коми-пермяки начинают использовать в текстах лексические зырянizмы, пони-

¹ Наиболее известный пример – адаптация Н.А. Роговым зырянской савватовской графики для пермяцкого языка.

² Коми язык. Энциклопедия / отв. ред. Г.В. Федунёва. Москва, 1998. С. 164.

³ Коми му. 1925. № 3–4 (13–14). С. 96.

мая, что эти слова не являются чуждыми и части пермских коми – носителям севернoperмяцкого (косинского) наречия.

Радикальный шаг по сближению двух традиций был предпринят в 1927 году, когда пермяки ввели в норму чередование *в/л*, как то было принято несколько ранее у зырян. В это время пермяцкие поэты пишут стихи с ударением на первом слоге, координируются практические решения по спорным моментам орфографии, а в течение 1927–1928 годов в окружных изданиях предпринимается попытка использовать наряду со специфически пермяцкими также и характерные зырянские черты на уровне морфологии и фонетики, например, суффикс мн.ч. *-яс*, конечное *-д* в суффиксальных морфемах, «окончание» З лица мн.ч. глаголов *-сыны* и некоторые другие. Принцип, согласно которому в пермяцкие тексты местами вводились зырянские формы, и, наоборот, в зырянские тексты вводились формы пермяцкие, был одобрен на Коми конференции Главнауки в 1929 году¹.

К концу 1920 годов было достигнуто единство по некоторым важным вопросам: кроме чередования в/л, в орфоэпической норме закрепилось «пермяцкое» написание ё в суффиксах (мунё, пызанё, коннёй), начальное г и к перед переднеязычными (гез, кер) и пр.

Пермские власти быстро среагировали на опасную тенденцию языкового сближения пермяков с зырянами и с конца тех же 1920 годов усилили борьбу с пермяцким сепаратизмом, в результате чего зырянское влияние на пермяцкую письменность начало подвергаться резкому ограничению. Некоторые для собственно-пермяцких наречий фонетико-морфологические варианты перестают появляться в пермяцких текстах, при том что недостающие компоненты лексики по-прежнему могли восприниматься из второго регионального стандарта коми языка.

Впрочем, пермяцко-зырянская координация по отдельным вопросам сохранялась и в последующее десятилетие. Примерно в одно и то же время оба региональных стандарта были переведены на латинскую графику (причём была введена единая коми латиница). Летом 1934 года в Сыктывкаре прошла первая общекоми (пермяцко-зырянская) термино-орфографическая конференция, на которой были приняты решения по ряду принципиальных вопросов орфографии, констатировано стремление к возможной унификации терминологии (но всё это, как теперь особо подчёркивалось, «не в ущерб коми-пермяцкому языку»), предложено вести совместную разработку проблем синтаксиса, а также организовать широкий обмен художественной литературой и прессой, снабжать ими школы². В то же время весьма разумное предложение пермяков по введению полной эловости в оба стандарта на указанной конференции было отклонено, или, точнее говоря, положено в долгий ящик (обещали подумать), в связи с чем вызывавшее всеобщее недовольство искусственно чередование *в/л* пришлось законсервировать и в окружном литературном языке.

Возвращение к молодцовской азбуке в 1936 году коми-зыряне провели сепаратно, а осенью 1937 года Москва навязывает коми-пермякам кириллический алфавит, максимально приближённый к русскому. Одновременно основные сто-

¹ Материалы Коми лингвистической конференции Главнауки в Сыктывкаре. С 15–21 июля 1929 г. Сыктывкар, 1930. С. 91.

² Резолюции первой об‘единённой коми (зырянской) и коми (пермяцкой) термино-орфографической конференции (29 августа – 2 сентября 1934 года). Сыктывкар, 1935.

ронники пермяцко-зырянского сближения были репрессированы в рамках обще-союзной кампании большого террора.

Казалось, что на единстве коми языка можно ставить крест, но уже в начале 1938 года на проведённом по инициативе И.И. Майшева пермяцко-зырянском совещании в Ленинграде принимается решение о восстановлении единства коми графики¹, благодаря чему мы и имеем сегодня общую коми письменность. На совещании рассматривался также вопрос о введении единого языкового стандарта для всех коми, однако коми-пермяцкая сторона выступила против этого предложения.

В дальнейшем за всё время существования советской власти работа по координации развития двух языковых стандартов не проводилась, а сама мысль о едином коми народе и языке была официально отвергнута. Термин *коми* по отношению к коми-пермякам, как правило, не употреблялся². Общие тенденции, которые мы наблюдаем в это время в литературных идиомах пермяков и зырян, имели место вследствие реализации языковой политики, проводившейся на общегосударственном уровне в Советском Союзе.

Лишь в постсоветскую эпоху началась новая (очень слабая) волна зырянского влияния в пермяцком ареале, которая в условиях радикальной перестройки зырянского литературного языка и консервации пермяцкого не смогла привести к сближению двух региональных стандартов. Да и задача эта, похоже, уже не ставилась. Дело в том, что 85 лет автономного существования (и 70 лет практически параллельного развития) пермяцкий и зырянский литературные варианты успели оказать определённое воздействие на речь носителей диалектов в соответствующих коми регионах, и «сохраняющую» язык пермяцкую и зырянскую интеллигенцию в первую очередь. Потому разговоры об объединении двух коми языков, ещё имевшие место в эпоху перестройки и гласности, остались досужими разговорами, и даже возможность сближения отдельных норм представляется теперь чисто гипотетической.

Было бы, однако, несправедливо отбросить светлую идею единого литературного языка коми без теоретического осмысливания, равно как и оставить возможные пути интеграции двух региональных стандартов нашего языка без эксплицитного публичного рассмотрения. Исходя из этого, мы и предлагаем вниманию общества некоторые крамольные мысли по поводу того, что «могло бы быть если бы».

Сближение региональных стандартов?

Некоторые моменты, отличающие пермяцкий и зырянский стандарты коми языка, вполне устранимы при готовности (как уже было замечено, весьма призрачной) обеих сторон к компромиссу. В первую очередь это относится к орографии и, отчасти, лексики.

¹ Якимов В.И. О современном коми-пермяцком алфавите // КПОГА Ф.27. Оп. 1. Д. 39. Л. 20.

² Так учебник по коми-пермяцкой грамматике в начале сороковых ещё мог по традиции называться «Коми кыв грамматика», но с начала пятидесятых мы имеем только «Коми-пермяцкой кыв грамматика».

Поскольку оба стандарта имеют единый фонетический состав и единую графику, объективно ничто не препятствует унификации условных написаний, различия между которыми в пермяцком и зырянском стандартах сводятся к двум основным проблемам: разделительный знак и диграфы при геминации.

В пермяцком твёрдый разделительный знак пишется только после **дентальных** согласных ([t], [d], [s], [z], [n], [l])¹, а после остальных согласных пишется мягкий разделительный знак: *Посъяг*, но *бörья*, *Касъян*. В зырянском – мягкий разделительный знак пишется после **палатальных** ([t'], [d'], [s'], [z'], [n'], [l'], [c'], [d'z']), а в остальных случаях употребляется твёрдый разделительный знак: *косьяс*, но *бörья*, *посъяс*. Как видим, разница состоит в характере разделительного знака после недентальных (проблема *бörья/бörя*).

На первый взгляд зырянское решение более оправдано, поскольку [r] (а также [m], [b], [g] и пр.) в коми языке не имеют палатальных соответствий и перед [j] не смягчаются как, например, в русском произношении, а мягкий знак ассоциируется в обыденном сознании именно с мягкостью (т.е. палатальностью). Однако если мы внимательно присмотримся к системе написания палатальных в коми языке, то обнаружим, что как таковые в принципе маркируются лишь те из них, которые имеют **дентальные** соответствия (*т, д, с, з, н, л*), т. е. различаются пары *ти/mi*, *те/mэ*; *тя/та* и т.д., в то время как, например, палатальные аффрикаты, которые не имеют дентальных соответствий, не имеют и вариантов типа *чи/*чি*, *че/*чэ*; **чя/ча*. Следовательно принцип дентальности, реализованный в пермяцком стандарте, является первичным. И не только первичным, но и более логичным, поскольку исключительно **постдентальное** употребление твёрдого разделительного знака (обозначающий полугласный [j]) коррелирует с обозначением в той же позиции переднеязычных [i], [e] через специальные графемы *и*, *э*, тогда как **после всех остальных согласных** в обоих коми стандартах переднеязычные гласные передаются через стандартные русские буквы *и* и *е*².

К последним да будет отнесён и разделительный **ь** в гармонизированной коми орфографии, благо в его пользу говорит и более простое написание (без дополнительной чёрточки) и регресс твёрдого знака в русском языке при растущих сомнениях в необходимости его там вообще.

Другим пермяцко-зырянским орфографическим различием, не зависящим в принципе от произношения, является написание диграфов при удвоении дифтонгов: зыряне пишут *ððз*, *ððж*, *tти*, пермяки – *ðзз*, *ðжж*, *тиши*. Исследователями замечены различные варианты произношения геминат в данном случае (с удвоением либо первого компонента, либо аффрикаты в целом)³, причём эти варианты никоим образом не связаны с пермяцко-зырянской дихотомией. Потому принцип написания здесь может быть только морфологический. Как известно, удвоенные аффрикаты выступают в коми языке только в инлауте перед гласным. В ряде

¹ В позиции перед [j] дентальный [l] появляется в редких случаях (изобразительные слова, заимствования).

² Последнее решение является рациональным в условиях тотального коми-русского двуязычия (писать *регистр* вместо *регистр*, было бы вполне закономерно при последовательной трансплантации русского генерального разделения на палатализованные и непалатализованные в коми орфографическую систему, но абсолютно неприемлемо для школьной практики параллельного изучения орфографии двух «родных языков»).

³ Образцы коми-зырянской речи / под. ред. Д.А. Тимушева. Сыктывкар, 1971. С. 4.

случаев гемината образуется путём ассилияции этимологического й предшествующей аффрикате (напр. *ðз + й = ðзз/ððз: кыдзза/кыдðза*), в других случаях мы имеем дело с ассилияцией *ð, т* последующей аффрикате (напр. *ð + ðз = ððз/ðзз: кодззыны/кодðзыны*)¹.

Как пермяки, так и зыряне в настоящее время обобщили один из вариантов (как было сказано выше, соответственно *ðзз* и *ððз*). Причины принятия различных решений по этому вопросу мы поймём, если обратим внимание на частотные случаи употребления этих геминат в каждом из региональных стандартов.

В зырянском существует суффикс компаратива *-джык* с начальной аффрикатой и масса прилагательных, оканчивающихся на *-д* (*курыд* ‘горький’, *ыджыд* ‘большой’ и т.п.), следовательно, при образовании сравнительной степени написание с двумя *ð* (напр. *курыдджык* ‘горше’) полностью оправдано с точки зрения морфологического членения. Принцип подобного написания диграфов при геминации был генерализирован, и потому в соответствии с коми-зырянской орфографией следует писать также *кыдðза* ‘берёзовый’ (при *кыдз* ‘берёза’) и т.п.

В пермяцком стандарте наиболее частотный случай употребления удвоенных аффрикат – форма множественного числа существительных (поскольку все согласные перед плуральным показателем *-ez* в пермяцком коми языке удваиваются), напр. *кыдз + ез = кыдззез* ‘берёзы’ при *кыдз* ‘берёза’. Понятно, что оптимальным решением при этом было бы сохранение в неизменности графического облика основы слова, что возможно при удвоении второго компонента диграфа. Данное решение поначалу было генерализовано лишь отчасти, поскольку в случаях типа *кодззыны* ‘опьянеть’, где явно просматривается корень *код* ‘пьяный’ и суффикс *ðз*, предписывалось сохранять морфологический принцип. Однако стремление к унификации всех подобных написаний привело к полному вытеснению «зырянского» решения из пермяцкой орфографии (по крайней мере, в практике издательской деятельности последних двух десятилетий). И напрасно, поскольку здесь компромисс может быть достигнут как раз за счёт последовательного применения морфологического принципа, т.е. сочетание *д, т + аффриката* следовало бы писать «по-зырянски»: *кодðзыны*, а сочетание *аффриката + зь, ж, ш (<й>)* «по-пермяцки»: *кыдзза*. При этом корень (основа) сохраняется графически неизменным во всех формах и производных, что и следует рекомендовать для общекоми письма.

Сближение региональных стандартов коми языка возможно и путём восстановления этимологических написаний. Так, в обеих нормах следовало бы писать *витчисьны* (ср. удм. *виттыны*) ‘ждать’, *аддзыны* ‘видеть’ (ср. удм. *адрыны*), *лэдзчины* ‘спускаться’ (ср. лэдзны), *лэбтыны* ‘поднимать’ (ср. лэбны), *ордча* ‘соседний’ (ср. ордын), *казътыивны* ‘вспоминать’ (ср. казявны).

Восприятие недостающей лексики из второго регионального стандарта вместо употребляющихся ныне русизмов также вполне осуществимо при учёте уместности того или иного слова в контексте регионального узуса.

¹ В ряде случаев этимология затемнена: *адðзыны/адззыны* и т.п.

К общеокоми стандарту?

Дальнейшее сближение литературных стандартов предполагало бы унификацию написания и произношения отдельных морфем, расширение вариативности в морфологии, а также смягчение лексических расхождений.

В отличие от выше рассмотренных условных написаний унификация орографических вариантов, отражающих специфику произношения в пермяцком и зырянском стандартах коми языка, представляется несравненно более рискованным занятием. Рассмотрим, однако, чисто теоретически некоторые моменты, по которым могли бы быть приняты консолидированные решения.

Ряд форм позволяет при унификации опираться на одну из ныне действующих региональных орфографий. Так, притяжательный суффикс 1 л. ед. ч. **-öй/-ö** (*мамöй ~ мамö ‘моя мама’*) следует (как в зырянской норме) писать с *й* на конце, дабы не было совпадения с суффиксом вступительного падежа **-ö**. То же касается и императива мн.ч. (*мунöй ‘идёт’*) как оппозиции к форме 3 л. ед. ч. изъявительного наклонения (*мунöй ‘идёт’*). С другой стороны, пермяцкий датив на **-лö** выглядит более логичным, чем зырянизм **-лы**, поскольку **-лö** соотносится с вступительным падежом на **ö** (*пызанлö – пызанö*) точно так же, как притяжательный падеж соотносится с исходным (*пызанлысь – пызанысь*). В эту же группу можно отнести и суффикс второго прошедшего времени мн. ч. 3 л. в его полной зырянской редакции (*-öмаöсъ*), которая вне сомнений выглядит более солидно и логично (причастие на *-ома-* + суф. мн.ч. *-öсъ*), чем пермяцкая слитная форма на *-омась*. Однозначно не следует включать в общую норму пермяцкий аккузативный суффикс прилагательных и числительных **-ö** (*ыджытö / зыр. ыджыдöс*), поскольку он представляет собой ещё одну омонимию форме иллатива. По чисто практическим соображениям стоит предпочесть пермяцкий вариант суффикса компаратива **-жык** его зырянскому соответствуию (*-джык*), поскольку последний требует пересчур много усилий при написании и усложняет восприятие при чтении.

Для всех названных случаев можно было бы сохранить варьирование в орфографии, т.е., к примеру, зыряне пишут *курытжык*, а читают *курыдджык*, пишут *öдйöжык*, а читают *öдйöдджык*, точно так же, как пермяки по современной орфографии пишут *унажык*, а читают *унажжык*.

Более сложна для однозначного решения проблема **т / д: ыджыт ~ ыджыд, велöтны ~ велöдны**. Этимологическим здесь является, конечно, глухой вариант. Однако в целях снятия омонимии можно было бы принять для глагольного словаобразования зырянский вариант (*велöдны ‘учить’*), а в прочих случаях писать этимологическое (и пермяцкое) **т: гижöд ‘заставь писать’, гижöт ‘письмо, худ. произведение’**, сюда же *ыджыт ‘большой’, сизимöт ‘седьмой’*. Озвончение взрывного между гласными не составило бы особого труда для пермяков, равно как и оглушение оного на конце слова для зырян.

Аналогично можно провести дивергенцию между суффиксальными формами **-ись** и **-ысь** (учитывая при этом весьма удачный удмуртский опыт). Пермяцкий **-ись** известен и значительному числу зырянских диалектов, **ысь** в ряде позиций (напр. после *л*) реализуется и в пермяцком произношении. При унификации орфографии первый из указанных суффиксов удобнее предложить для употребления в глагольном и отглагольном словообразовании (*лыддисьны, гижись*), вто-

рой – в сфере падежного словоизменения существительных (*вурунысь*). В целях гармонизации падежной системы ы-овую огласовку стоит придать и суффиксу притяжательного падежа *-лысь*: *мортлысь*.

Что касается суффикса множественного числа существительных, то унификация его в «едином коми стандарте» возможна лишь в случае принятия соломонова решения наоборот (пермяцкий *-эз* и зырянский *-яс* слишком далеки друг от друга, чтобы оказать предпочтение одному из них). Единственный путь достижения компромисса здесь в слиянии зырянского консонантизма с пермяцким вокализмом, что означает форму *-ес*: *канъес*, *понъес*, *пүес*. Реализация с гласной *е* имеет место в отдельных зырянских диалектах, конечная *с* возможна в пермяцком стандарте в определённо-притяжательном склонении, т.е. восприятие компромиссной формы не должно вызывать особых затруднений. Другое дело артикуляция. На первом этапе вполне можно оставить всё как оно есть: пермяки удваивают конечную согласную основы и проглатывают йоту после гласной, а зыряне выговаривают своё *а*. В дальнейшем орфография могла бы влиять и на орфографию¹.

К вопросу ‘кто’: *кин* или *коди*? Поскольку пермяцкая форма употребляется только при вопросе, а зырянскому относительному местоимению *коди* (столь нелюбимому в Сыктывкаре) соответствует пермяцкое *кёда*, именно последнее и можно было бы рекомендовать на роль союзного слова в определительном придаточном, благо оно не имеет негативных коннотаций. В таком случае *коди* можно было бы сделать исключительным синонимом пермяцкого *кин*: *Кин тэ?* = *Коди тэ?* ‘Кто ты?’

Чисто морфологические проблемы можно было бы решить допуском в общекоми литературный язык вариантов из обоих ареальных стандартов: компаратив на *-ся* наряду с употреблением *кындзи* и *-ысь*: *вёв понся ыджыджык* ~ *вёв понысь ыджыджык* ‘лошадь больше собаки’, *урыся* ~ *урысь кындзи* ‘кроме белки’; диминутив на *-ок* наряду с *-тор*: *керкуок* ~ *ичёт керку*, *керкутор* ‘домик’; пейоратив *-жуг*, наряду с *-шой*, *-шён*: *керкужуг* ~ *керкушой* ‘домишко’; оба варианта глагольных комплексов 2 л. мн. ч. *-тö* ~ *-нныт*: *мунатö* ~ *мунаннныт* ‘идёте’, 3 л. *-сö* ~ *-сны*: *мунисö* ~ *мунисны* ‘[они] шли’, лично-временные отрицатели 2 л. мн. ч. *эдö* ~ *энö* и *одö* ~ *онö*: *одö мунö* ~ *онö мунö* ‘не идёте’, отрицательные формы 3 л. мн. ч. *озö мунö* ~ *оз мунны* ‘не идут’, оба варианта местоимений 1 и 2 л. мн. ч.: *ми* ~ *мийö* ‘мы’, *ти* ~ *тийö* ‘вы’ и т.д. и т.п.

При создании общекоми стандарта к лексическому богатству языка, разумеется, был бы причислен весь словарный состав обоих современных коми ареалов, что привело бы к радикальному увеличению синонимических рядов (и расширило бы возможности стилистического варьирования)². Лексические соответствия с разными звуками в корне можно было бы использовать для создания слов с более точным значением³: *керка* ‘здание’ и *керку* ‘изба’, *вичко* ‘церковь’ (орга-

¹ Интересно, что когда в начале 1990 годов пермское радио стало вести передачи на коми (пермяцком) языке, дикторы начали спонтанно культивировать произношение плурального суффикса без ассимиляции предшествующей согласной (т.е. в форме *jez*). Эта вольность терпелась, впрочем, недолго.

² Другой вопрос, что делать с уже существующей стилистикой.

³ Заметим, что даже внутрипермяцкие и внутризырянские фонетические варианты не используются в должной мере для дифференциации значений в соответствующих региональных стандартах (ср. однако кп. *лысьтыны* ‘сметь’ и *высьтыны* ‘доить’).

низация)’ и вичку ‘церковь (здание)’, осътан ‘открывашка’ и восьтан ‘ключ’, ём ‘рот’ и вом ‘устье’, бобув ‘бабочка’ и бабыв ‘мотылёнок’, дзодзув ‘ящерица’ и дзёдзыв ‘ящер’, визув ‘бойкий’ и визув ‘поток’, ворсом ‘игра’ и орсом ‘обряд’, лонтны ‘топить (печку)’ и ломтыны ‘отапливать (помещение)’, войтыр ‘нация’ и отир ‘народ, этнос’, бёра ‘опять’ и бара ‘с другой стороны’, новыны ‘ность (одежду)’ и новлыны ‘носить (тяжести)’, модьны ‘болтать’ и майдыны ‘рассказывать сказку’, шать ‘хворостина’ и шайт ‘рубль’, матег ‘мыло’ и майтёг ‘шампунь’, воть ‘капля’ и войт ‘заросли в пойме’ и т.п. В тех случаях, где различие значений не представляется возможным, следовало бы терпеть оба варианта (напр. гожум и гожём ‘лето’, квать и квайт ‘шесть’), либо прийти к компромиссу, оставив один из них для общего стандарта. Так, понятно, что в едином коми языке должны быть преимущественно использованы пермяцкие юс ‘сухой’ (кос ‘поясница’), шёма ‘кислый’ (шома ‘с углем’) и т.д. Зырянское юкъямыс ‘восемь’, было бы однозначно исправлено на этимологически верное пермяцкое кыкъямыс, а ёти ‘один’ преобразовано в ётк или, по крайней мере, в ётї, дабы восстановить единство корня.

Интересно, как бы была решена проблема параллельного употребления иных пермяцких и зырянских числительных. Конечно, пермяки свои исконные числительные выше десяти не употребляют, но, тем не менее, пермяцкие названия для десятков существуют и являются более регулярными, чем зырянские: кз. кызь ~ кп. кыкдас ‘двадцать’, кз. ветымын ~ кп. витдас ‘пятьдесят’, спр. кз., кп. сизидас ‘семьдесят’.

Проблемы

Можно выделить несколько серьёзных проблем, которые возникли бы перед создателями общекоми языкового стандарта. Среди них следует выделить специфику акцентуации, а также пермяцко-зырянскую грамматическую и лексическую омонимию.

Пожалуй, главным дифференцирующим признаком современных стандартов коми языка является ударение. И дело не только в том, что ударным в зырянском признан первый слог, а в пермяцком ударение может занимать и другие позиции. Проблема в том, что литературный пермяцкий имеет морфологизированное ударение, при котором ударными являются определённые словообразовательные и формообразовательные суффиксы, в связи с чем имеется и реализуется возможность простой передвижкой ударения изменить значение слова. Так в слове пыран ‘ты входишь’, ударение в обоих коми стандартах покоится на первом слоге. Производное от того же глагола существительное со значением ‘вход’ в пермяцком имеет тот же формальный состав, но с ударением на втором слоге – пыран, поскольку здесь *ан* представляет собой омонимичный окончанию глагола (но при том всегда ударный!) суффикс отлагольных существительных и причастий. Зырянское литературное соответствие этому пермяцкому существительному имеет форму пыранин, т.е., как видим, северные коми вынуждены добавлять формальный суффикс *ин* для создания отлагольного существительного со значением места. Роль ударения в пермяцком словообразовании очень значительна и в том плане, что языковой системой предоставляется возможность создания терминоло-

гии без использования дополнительной суффиксации, например, *кошиисяն* ‘поисковик, поисковая система’ (зыр. *корсыысянтор*). С помощью передвижки ударения в пермяцком стандарте не только можно создавать новые слова, но и выражать оттенки значения, например, «способ действия» (*сёйышти* ‘поел’ – *сёйышти* ‘доел’). При этом в пермяцком коми часто снимается омонимия там, где в зырянском она имеет место: *сылём* ‘спетый’ – *сылём* ‘пение’ (в зырянском в обоих случаях будет *сылём*). Креативный характер ударения в пермяцком стандарте – обычное явление, благодаря которому литературный пермяцкий представляется более экономным и выразительным.

Однако в диалектах коми языка (как пермяцких, так и зырянских) место ударения не связано напрямую с нормами соответствующих стандартов. Так в пермяцких диалектах помимо общего тренда к морфологизации, имеется и качественно-вокальное ударение 2-х типов: с одной стороны, гласные верхнего подъёма в первом слоге теряют ударение (*мунё*, *пирё*, *вийё*), с другой – гласная нижнего подъёма в непервом слоге перетягивает ударение на себя (*балия*, *кага*). В северо-пермяцких диалектах, где морфологизация выражена слабее, ударение имеет большое сходство с зырянским узусом. В зырянских же диалектах мы также не имеем жёсткого закрепления ударения за первым слогом. Даже в сыктывкарских грамматиках отмечено, что ударение в коми-зырянском языке свободное «с тенденцией ставить его на первый слог». И если для зырянской нормы характерны хорей и дактиль, то в говорах царит полная свобода в отношении места ударения.

При установлении единых норм коми языка пришлось бы выбирать между простотой зырянского решения и потенциальными преимуществами пермяцкого.

Встав перед дилеммой вставочных согласных, наоборот, пришлось бы выбирать между простотой пермяцкого решения (почти все корни становятся неизменными) и этимологической верностью и/или большим экспрессивным потенциалом зырянского решения (проблема *ош-ыс* – *ошк-ыс* ‘медведь-то’). Сюда же относятся и русские заимствования с *о*: писать по-пермяцки *совет* (полная гармония с орографией источника) или по-зырянски *сöвет* (национальный колорит, но лишняя нагрузка в школьном преподавании)?

Некоторыми сложными случаями пришлось бы заниматься и в морфологии. Так, *сийё* в зырянском стандарте – номинатив личного местоимения 3 л. ед.ч., а в пермяцком эта же форма – аккузатив того же местоимения, в то время как номинатив имеет облик *сія*. Поскольку во многих зырянских диалектах номинатив имеет форму, подобную той, что принята в пермяцком стандарте, было бы логично нормировать местоимение 3 л. ед. ч. как *сія* и, соответственно, 3 л. мн. ч. как *нія/ная*. В аккузативе же принять формы *сийёс* и *нійёс/найёс* (с зырянским вариантом суффикса *-ёс*, известного в пермяцких диалектах). По тому же принципу можно было бы построить систему указательных местоимений: *тая, эта, эталя, этія, эсія* (но аккузатив: *тайёс, этайёс, этійёс, эсійёс* и т.п.). Можно заранее предположить, что этому решению окажут решительное сопротивление носители диалектов с номинативными *сійё, найё* и *тайё*.

Конечно, и семантические расхождения в лексике стали бы серьёзным камнем преткновения при выработке общекоми норм. Приведём краткий список слов, имеющих разные значения в пермяцком и зырянском стандартах коми языка.

лексема (в скобках зырянская форма)	значение в пермяцком	значение в зырянском
авъя	умный	серъёзный, вежливый
ань	свекровь	женщина, тётка
бала	овца	ягнёнок
балямош (малямуш)	шмель	пчела
бертны	возвратиться	выворачивать
быротны (бырёдны)	износить	уничтожить
вачкисьны (вачкысьны)	походить	удариться
весъкавны	выздороветь	попасть
видзны	держать	охранять, хранить
вильётны (вильёдны)	облизать	обгладить
воны	созреть	прибыть
вонь (вöнь)	шнурок, подвязка лаптей	пояс
вонтыны	подевать	потерять
гаг	червяк	насекомое, жук
горзыны	плакать	кричать
гудравны	мутить	перемешивать
джынъян (жыннян)	ботало	колокол
дой	болячка	боль
енёвтчины (эновтчины)	прикинуться	отказаться
ендыны (эндыны)	пропасть	запустеть
ён	толстый (о человеке)	крепкий, прочный
зурасьны	лягаться	стукнуться, удариться
инь (энь)	жена	мать, самка
иньдыны (индыны)	отправить	указать
кай	птица	мужской половой орган
кольны	оставить	остаться, оставить
кёда (коді)	который, кое-кто	кто, который
кёсийны	обещать	хотеть
кутны	поймать	держать
лэбны	подниматься (о teste)	лететь
лэбзыны	лететь, улететь	улететь
мича	ясный	красивый
мёдётчины	нарядиться	отправиться
мёдны	желать	стать; отправиться
мукёд	некоторые	другие
нимётны (нимёдны)	вскрмливать	славить
нимавны	сосать	слить
нимкодъ	кличка	радость
нин	лыко	уже
нёйтны (нёйтны)	мять	избить
омён (вомён)	повсюду	поперёк
пеж	блестящий	гадкий
пессьины	бороться; маяться	биться; маяться

петкötлыны (петköдлыны)	выносить	показывать
пин्यöтны (пинёвтны)	искривить, вывихнуть	боронить; коробить
пиян	детёныш, наследник	сыновья
пода	скот	пешеходный
пöрччасыны (пöрччыссыны)	разуваться	раздеваться
руша (руш)	тепловатый	дряблый
садьмыны	протрезветь, прийти в себя	проснуться
сой	сестра	рука
чипа (чипан)	мужской половой орган	курица
чож	быстрый	дядя
чöйтны	снять, налить	бросить, кинуть
чулавны (чуавны)	проходить, миновать	бродить во время течки
шогмыны	родиться	получиться

Ряд «зырянских» значений указанных слов известны в севернoperмяцком наречии, ряд «permjaцких» не чужды некоторым зырянским диалектам. Однако современные региональные стандарты культивируют лишь одно из этих лексических значений (второе приводится в лучшем случае в словарях, но практически не употребляется). Произведение унификации здесь представляется, поэтому, очень проблематичным.

Что делать?

Понятно, что время для создания единого языкового стандарта у коми уже безвозвратно уплачено. Интеграцию можно было осуществить самое позднее на конференции Главнауки в 1929 году, но там слишком много сил было потрачено на борьбу по другим вопросам, а проблема permjaцко-зырянского единства осталась второстепенной. Гармонизация орфографии могла быть осуществлена самое позднее при переходе на современную графику (ленинградское совещание 1938 года), однако предложение о создании единого литературного языка не способствовало достижению согласия по всем моментам, где унификация была вполне достижима.

Теперь, при наличии двух языковых стандартов, которые воспринимаются комиязычным населением в том или ином регионе как «своя» норма, консолидация двух коми литературных «языков» на основе взаимного компромисса уже не представляется возможной. Причём это касается не только полной интеграции, но и осторожных шагов по гармонизации региональных стандартов (как, например, в вопросе об условных написаниях). Нормы уже закреплены в словарях и учебных пособиях, стали привычными для населения через газеты и журналы. Попытка реформы даже в мелких орфографических деталях, не задевающих привычное произношение, скорее всего, вызовет в обществе волну недовольства, как оно то было во время кампаний по очищению коми лексики от избыточных russких заимствований в зырянском ареале. И если за введением новых слов стоит всем понятное стремление к защите языка от ассимиляции, то перемены в орфографии ради permjaцко-зырянского единения в коми среде, скорее всего, вообще не будут поняты.

Путь навязывания одним из региональных стандартов собственных особенностей другому был бы эффективен лишь при административном доминировании носителей этого стандарта¹. В иных случаях речь может идти только о восприятии отдельных элементов (главным образом, лексических), которые не нарушают целостности второго литературного «языка», а способствуют росту его потенциала. Последнее на протяжении всей истории относительно свободного развития (в 1920–30 и с 1990 гг.) практикуют коми-пермяки, которые относительно активно осуществляют заимствования из зырянского регионального стандарта². При этом, однако, мы постоянно имеем массу недовольных из среды пермяцкой интеллигенции, с негодованием указывающей на зырянский источник того или иного решения. Это настороженное и подозрительное отношение к зырянам у пермяков воспитывалось и воспитывается через образовательную систему, последовательно внедряющую официальную идею о двух разных народах и двух разных языках. С другой стороны, вряд ли можно одобрить и зырянскую позицию, которая состоит в восприятии пермяков как «братьев наших меньших», чей литературный язык не более как диалект коми (т.е. коми-зырянского) языка³.

Нам кажется, что стоит отказаться от попыток неравноценного восприятия двух частей коми нации и двух региональных стандартов коми языка. При этом, поскольку единство коми языка (и коми народа) очевидно как для зырян, так и для пермяков⁴, представляется уместным рассматривать состояние нашего национального языка как ситуацию лингвистического плuriцентризма: один язык – два региональных языковых стандарта.

Не только язык коми оказался в подобной ситуации. По два языковых стандарта имеют румынский, албанский, корейский, малайский, каталанский, сорбский и др. языки. Появление областных (либо государственных) вариантов литературного языка во всех этих случаях оказалось неизбежным вследствие административно-территориального разрыва этнического континуума, и проблема поддержания этнолингвистического единства является там предметом постоянного обсуждения.

Обоюдное признание единства коми языка и равноправия обоих его региональных стандартов предполагает создание общего информационно-культурного и образовательного пространства коми, взаимное ознакомление со вторым языковым стандартом, проведение постоянных консультаций по координации работы при дальнейшем языковом планировании в обоих регионах и т.д. и т.п.⁵. Разумеется, всё это хлопотно и требует определённых затрат, однако это единственный

¹ Причём сие не зависит от «близкородственности»: приведём в пример русский литературный язык, с которым коми **должны** координировать свою орографию, терминологию, да и вообще всё остальное.

² Последний пример – внедрение в коми-пермяцкий литературный язык слов *аттьё* и *небёг*, остающихся пока, правда, неизвестными широкой массе пермяцкого (и как подозреваем, также и некоторой части зырянского) населения.

³ Существуют, правда, и некоторые пермяки, полагающие, что есть только один коми язык – и его зырянский диалект.

⁴ В этом мы имели возможность убедиться за последние десять лет, активно общаясь с коми в обоих регионах.

⁵ Нам остаётся здесь лишь перефразировать рекомендации первых конференций, посвящённых развитию коми языка (1929, 1934 годов), в надежде на то, что наша интеллигенция, наконец, приступит к их планомерной реализации.

путь демократического решения проблемы общности коми языка, альтернативой которому явилась бы болезненная интеграция двух региональных стандартов, которая, как было замечено выше, в настоящее время уже невозможна.

Третий путь – консервация современного состояния раздельного существования – будет иметь неизбежным следствием дальнейшую дефрагментацию и асимиляцию нашего языка и народа, к предотвращению чего коми, по идее, должны стремиться.

Литература:

Бараксанов Г.Г. История коми литературного языка и проблемы языковой нормы. Сыктывкар, 1986: Научные доклады Серия препринтов / АН СССР. Коми фил. Вып. 158.

Жилина Т.И., Бараксанов Г.И. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.

Лыткин В.И. (Илля Вась). Материалы по коми грамматике (обоих наречий). Москва, 1929.

Лыткин В.И. Очередные задачи строительства коми литературного языка // Сборник комиссии по сабиранию и изучению диалектов коми языка. Сыктывкар. 1931. Вып. 2. С. 5–14.

Лыткин В.И. Коми-зырянский язык // Закономерности развития литературных языков и народов в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки. М., 1969. С. 306–352.

Материалы Коми лингвистической конференции Главнауки в Сыктывкаре. С 15–21 июля 1929 г. Сыктывкар, 1930.

Резолюции первой об‘единённой коми (зырянской) и коми (пермяцкой) термино-орфографической конференции (29 августа – 2 сентября 1934 года). Сыктывкар, 1935.

Сидоров А.С. Пути развития коми литературного языка // Сидоров А.С. Избранные статьи по коми языку. Сыктывкар, 1992. С. 137–142.

Цыпанов Е.А. Перым-Коми гижёд кыв. Сыктывкар, 1997.

Александр Черных

Черных Александр Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН.

Коми-пермяки на фотографиях 1910–1915 гг. А.Ф. Теплоухова

Коми-пермяки – один из финно-угорских народов Приуралья. Коми-пермяцкий язык относится к пермской ветви финно-угорской группы Уральской языковой семьи. В 2002 г. в Российской Федерации коми-пермяками идентифицировало себя 125 235 человек. Из них в Пермской области проживало 103 505 человек, в том числе в Коми-Пермяцком округе 80 327 человек. Историческая территория формирования и проживания коми-пермяков – Среднее и Верхнее Прикамье. В административном отношении районами расселения коми-пермяков были западные волости северных Соликамского и Чердынского уездов Пермской губернии, а в советский период и в настоящее время – пять районов Коми-Пермяцкого округа (Косинский, Кочевский, Гайнский, Кудымкарский, Юсьвинский), расположенные на северо-западе Пермского края. Лишь одна этнографическая группа коми-пермяков – верхнекамские коми-пермяки расселена за пределами административных границ края – в Афанасьевском районе Кировской области [Черных, 2007. С.3–4; 79–88].

Так сложилось, что многонациональный Пермский край стал основной территорией проживания коми-пермяков. Именно этим он существенно отличается от других соседних регионов Урала и Поволжья. Именно этим можно объяснить и пристальный интерес пермяков к истории и этнографии этого народа. Не случайно, что значительную часть этнографических коллекций из Пермского края в музеях Санкт-Петербурга, Москвы, Тарту, Хельсинки составляют коллекции по

традиционной культуре коми-пермяцкого народа. Первые этнографические сборы Пермского краевого музея в конце XIX – начале XX в. также составили предметы культуры и быта коми-пермяков.

Не менее ценными представляются и коми-пермяцкие фотоматериалы конца XIX – начала XX в., переданные собирателями в музейные фонды. По широте тематики и географии, по составу и количеству коми-пермяцкие фотографии значительно преобладают над фотоматериалами, иллюстрирующими традиционную культуру других народов Прикамья – русских, башкир, татар, удмуртов, марийцев, манси. Большая часть фотографий сделана пермскими фотографами, исследователями этнографии коми-пермяков. Самая большая и самая известная коллекция фотографий принадлежит Александру Фёдоровичу Теплоухову.

Александр Фёдорович Теплоухов (1880–1943) происходил из рода известной династии крепостных служащих графов Строгановых. Его прадед Е.Н. Теплоухов, крепостной Строгановых, сельский приказчик и караванный, дед – А.Е. Теплоухов, получивший образование в Петербургской Строгановской школе сельскохозяйственных и горных наук и Тарандинской лесной академии в Саксонии, был назначен начальником Лесного отделения Главной Санкт-Петербургской конторы Строгановых, главным лесничим и главноуправляющим Пермским нераздельным имением Строгановых [Голохвастова, 2004, с. 138–139]. Его отец Фёдор Александрович Теплоухов окончил Пермскую гимназию, Тарандинскую лесную академию в Саксонии, Петровскую землемельческую и лесную академию в Москве со степенью кандидата лесоводства, после чего также с 1875 по 1905 г. работал главным лесничим Пермского нераздельного имения Строгановых [Гилева, 2000, с. 262–263; Трефилова, 1971, с. 197]. По пути своего отца и деда пошёл и А.Ф. Теплоухов, поступив после Пермской гимназии и окончив в 1909 г. Петербургский лесной институт. Вернувшись в Прикамье, А.Ф. Теплоухов стал помощником главного лесничего имений графа Строганова [Николаев, 2007, с. 168–175].

Интерес А.Ф. Теплоухова к истории и этнографии края также не был случайным, он продолжал дело отца и деда, активно занимавшихся историей, археологией и этнографией Пермского Прикамья [Теплоухов, 1892; Теплоухов, 1895]. Наиболее плодотворный период в сборе полевого материала и изучении этнографии коми-пермяков Пермского края приходится на период 1910–1912 гг., на материалах, как отмечает сам А.Ф. Теплоухов, «знакомства с пермяками Чердынского уезда, среди которых я жил три лета» (1910–1912) [Теплоухов, 1916, с. 133]. Интерес к этнографии коми-пермяков Александра Фёдоровича именно в этот период обусловлен несколькими обстоятельствами. По служебным обязанностям в это время А.Ф. Теплоухов занимался таксацией (оценкой) лесов на севере Прикамья, что давало возможность одновременно изучать и быт народов этого района, в том числе коми-пермяков [Николаев, 2007, с. 173–175]. Кроме того, с 1910 г. начинается активное сотрудничество Александра Фёдоровича с Этнографическим Отделом Русского Музея. В начале 1910 г. он обращается с предложением о сотрудничестве по комплектованию этнографических коллекций по Пермской губернии к сотруднику Этнографического Отдела А.Миллеру [Чувьюров]. Сотрудничество с музеем, видимо, и определили некоторые особенности собирательской работы А.Ф. Теплоухова среди коми-пермяков в этот период. По заданию Этнографического Отдела в 1910–1912 гг. А.Ф. Теплоуховым была приобретена

Охотники в промысловых костюмах. Чердынский уезд.

Женщина с ребёнком. Косинская волость Чердынского уезда.

Пермяки Верх-Язывинской волости Чердынского уезда.

Пермяки Чердынского уезда.

тена коллекция предметов традиционного костюма и быта коми-пермяков, поступившая в Русский Музей в 1912 г. [РЭМ №2895]. Существенным дополнением коллекции стали поступившие в 1914 г. в Этнографический Отдел музея 72 фотографии, иллюстрирующие многие явления традиционной культуры коми-пермяков начала ХХ в. [РЭМ №2794].

Однако хранящиеся сегодня в Российском этнографическом музее фотоматериалы А.Ф. Теплоухова составляют лишь часть его собрания, выполненного в 1910–1912 гг. среди коми-пермяков. Значительная часть стеклонегативов, в том числе и некоторые варианты тех снимков, что были переданы в Санкт-Петербург, поступили в собрание Пермского научно-промышленного музея [ПКМ №10820]. Поэтому только оба собрания фотографий – современных Российского этнографического музея и Пермского краевого музея позволяют во всём масштабе оценить сборы А.Ф. Теплоухова начала XX в. Полевые исследования были продолжены Ф.А. Теплоуховым и в 1915 г. Именно этим годом датируется ряд снимков, выполненных учёным в коми-пермяцких сёлах Большая Коча и Кочево Чердынского уезда. Материалы этого периода уже не поступали в собрание РЭМа и были переданы на хранение в Пермский музей. Несомненно, в настоящее время коллекция А.Ф. Теплоухова – самое большое (всего более 200 фото) и интересное по полноте и разнообразию представленного материала собрание снимков по традиционной культуре коми-пермяков.

Собрание А.Ф. Теплоухова достаточно разнообразно по тематике выполненных снимков. В нём мы находим виды поселений, жилых и хозяйственных построек. На снимках нашли отражения хозяйственные занятия коми-пермяков земледелием, охотой и рыболовством, средства передвижения, орудия труда. Наиболее

Пермяки Косинской волости Чердынского уезда.

Дружки. Чердынский уезд.

Женщины верхом на лошади. Чердынский уезд.

Езда верхом достаточно привычный способ передвижения в прошлом в северных районах Прикамья. Многие источники отмечают, что «дорогами можно проехать только верхом». Именно так снаряжали свадебный поезд, дружики ездили верхом за невестой, так гуляли рекрутты, так ездили в гости в соседние деревни. Так ездили не только мужчины, но и женщины, при этом в одних сарафанах. Старики ещё вспоминали, что раньше невеста и в церковь на венчание отправлялась верхом.

Пермяки Усть-Зулинской волости Чердынского уезда.

полно и детально раскрыты комплексы традиционного костюма коми-пермяков. Такое внимание к костюму обусловлено не только поставленными исследовательскими задачами, но и личным интересом автора. В дальнейшем именно традиционный костюм народа станет предметом изучения А.Ф. Теплоухова. Уникальными следует считать целый цикл фотографий, выполненных в селе Большая Коча Чердынского уезда в день Фрола и Лавра (18 августа по ст.ст.), во время которого в селе совершалось жертвоприношение быков.

Тематика снимков, особенности построения кадра, как и общие подходы к фотографированию, несомненно, были определены перед началом поездки. Существенное влияние в ходе этой подготовки, видимо, оказала Программа для собирания этнографических предметов Этнографического Отдела Русского Музея, которая в частности достаточно подробно расписывает тематику съёмки и объекты фотофиксации: 1) поселения, различные типы жилищ, хозяйствственные постройки; 2) одежда; 3) кустарные производства (отдельные моменты производства); 4) способы передвижения (сани, возы и т.д.); 5) занятия и промыслы (рыболовство – жилища рыбаков, рыболовные снасти; охота – снаряжение охотника, охотничьи избушки и снасти); 6) сенокошение; 7) земледелие (фотографии пахарей, отдельные этапы земледельческих работ) и т.д. [Программа, 1904, с. 15–21, 23, 28, 32, 39].

Широк и географический охват территории проживания коми-пермяков в Пермской губернии. Снимки сделаны в Чердынском уезде, на территории проживания северной этнографической группы коми-пермяков, и в Соликамском уезде, среди южных коми-пермяков. Однако фотографии из северных волостей, из Чердынского уезда, значительно преобладают над фотографиями из более южного Соликамского уезда. Успех и уникальность собранного материала обеспечили съёмки в разных этнографических группах и в труднодоступных районах, где сохранились многие не только архаичные, но и реликтовые формы традиционной культуры. Так, наиболее интересные изображения мужского традиционного кос-

Пермячки Верх-Язывинской волости Чердынского уезда.

тюма относятся к самой северной лупынской группе коми-пермяков (районы проживания которых на р. Лупья и в настоящее время остаются одними из самых отдалённых и труднодоступных в Пермском крае), в которой наиболее полно был представлен своеобразный охотничий промысловый мужской костюм, а праздничный костюм включал белый браный запон, надеваемый поверх рубахи.

Собранный материал по традиционной культуре коми-пермяков стал не только достоянием музейных собраний, но и нашёл отражение в публикациях А.Ф. Теплоухова. Самой известной и наиболее значимой из этнографических исследований учёного представляется работа «Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения», вышедшая в 1916 г., основанная на полевых материалах и наблюдениях [Теплоухов, 1916]. Это исчерпывающее изучение форм, особенностей бытования и ареалов распространения традиционных головных уборов коми-пермяков. По полноте описания, достоверности и скрупулёзности рассмотренного материала она и в настоящее время представляется образцом этнографического анализа и описания элементов традиционного костюма. Пожалуй, впервые в истории пермской этнографии работа была проиллюстрирована 43 фотографиями, в большей части теми, что выполнил сам автор во время своих разъездов по коми-пермяцким волостям и которые сегодня хранятся в музейных собраниях. В других работах А.Ф. Теплоухов обращается к проблемам этногенеза и этнической истории коми-пермяков и угорского населения Урала [Теплоухов, 1924; 1960], исследует особенности расселения коми-пермяков [Теплоухов, 1926; 1927], анализирует фамильный состав и особенности топонимики отдельных районов Прикамья [Теплоухов, 1925]. Целый ряд материалов по традиционной культуре коми-пермяков, собранный автором, остался неопубликованным [ГАПО. Ф. 613].

Непросто складывалась и личная судьба исследователя, в 1916–1918 гг. он находится на военной службе, непродолжительное время работает лесничим в

Пермячки Косинской волости Чердынского уезда.

Пермяки Гаинской волости Чердынского уезда (вид спереди).

То же (вид сзади).

Пермяки д. Лупянский Мыс Чердынского уезда.

Пермячки с. Гайны Чердынского уезда.

Пермской губернии. Участвует в гражданской войне, сначала – на стороне белых в армии Колчака, затем в Красной Армии. В 1920-е гг. А.Ф. Теплоухов был приглашён в облисполком огромной Уральской области, в котором стал учёным секретарём лесной комиссии при Уралплане. С тридцатых годов А.Ф. Теплоухов работал в Центральном научно-исследовательском институте лесного хозяйства в Ленинграде [Николаев, 2007; Овчинникова, 1998].

К этнографическому наследию А.Ф. Теплоухова, уникальным материалам по традиционной культуре коми-пермяков продолжают обращаться исследователи-

этнографы, а без уникальных фотографий А.Ф. Теплоухова не обходится ни одна из музейных выставок и экспозиций по коми-пермяцкой этнографии, ни одно иллюстрированное этнографическое издание.

Список используемых сокращений:

ПКМ – Пермский краевой музей (г. Пермь).

РЭМ – Российский этнографический музей (г. Санкт-Петербург).

ГАПК – Государственный архив Пермского края (г. Пермь).

УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания.

Список литературы:

Гилева С.И. Теплоухов Фёдор Александрович // Краеведы и краеведческие организации Перми. Пермь: Изд-во «Курсив», 2000. С. 262–263.

Голохвастова Н.В. Теплоуховы как представители служительской интеллигенции пермских вотчин Строгановых // Ильинский: Страницы истории. Пермь: Изд-во «Пушка», 2004. С. 138–148.

Николаев С.Ф. Лесоводы Теплоуховы // Летописец: Сборник памяти С.Ф. Николаева (1912–2002). – Пермь, 2007. С. 168–175.

Овчинникова Б.Б. У истоков уральской археологии: Теплоуховы / Б.Б. Овчинникова // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 08. С. 54–62.

Программа для сортирования этнографических предметов. СПб., 1904.

Теплоухов А. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губ. земства. – Пермь, 1916. – Вып. 2. С. 122–137.

Теплоухов А. О фамилиях и географических названиях б. Кунгурского, Красноуфимского и Осинского уездов // Кунгурско-Красноуфимский край. – 1925. – № 11–12. – С. 6–14.

Теплоухов А. Обзор данных о географическом распространении пермяков // Зап. УОЛЕ. – 1927. – Т. 40, вып. 2. Теплоухов А. Пермяки и зыряне // Пермский краевед. сб. – Пермь, 1926. – Вып. 2. – С. 113–124.

Теплоухов А.Ф. О происшедшем некогда смене угров пермяками на верхней Каме, коми на верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // Учен. зап. Пермского ун-та. – 1960. – Т. 12, вып. 1. – С. 270–274.

Теплоухов А.Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Зап. УОЛЕ. – 1924. – Т. 39. – С. 81–113.

Теплоухов Ф.А. «Кабала» или прошение лесному царю (из пермяцких суеверий) // Пермский край: Сб. сведений о Пермской губ., издаваемый Пермским губ. стат. комитетом. – Пермь, 1895. – Т. 3. – С. 291–299.

Теплоухов Ф.А. Народное празднество «Три Елочки» в Богородской волости Пермского уезда // Пермский край: Сб. сведений о Пермской губ., издаваемый Пермским губ. стат. ком. Пермь, 1892. Т. 1. С. 138–148.

Трефилова Л.А. Обзор семейного фонда Теплоуховых // Уральский Археографический ежегодник за 1970 год. Пермь, 1971.

Черных А.В. Народы Пермского края: История и этнография. Пермь: Изд-во «Пушка», 2007.

Чувьюров А.А. К истории формирования фотоколлекций по народам коми в собрании РЭМ [электронный ресурс] // <http://www.komi.com/pole/publ/museum/2.asp>

Артур Артееев

Артееев Артур Борисович. Родился в Сыктывкаре. Закончил филфак КГПИ и аспирантуру ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Журналист. В 2009 году стал лауреатом премии М.Кастрена в области журналистики. Дважды был в списке победителей республиканского конкурса СМИ «Признание». С 2001 по 2009 годы – корреспондент республиканского еженедельника «Молодёжь Севера». В 2001 году победил в международном конкурсе прозаиков, пишущих на языке эсперанто. Участник VIII, IX, X международных конгрессов финно-угорских писателей. Участник всех четырёх прошедших фестивалей «Камша». Руководитель съктывкарского отделения международного научно-исследовательского объединения «Космопоиск».

Путешествия в Кудымкар и в Пермь

Мистическое и реальное сердце Пармы

Когда-то в средние века коми народ разделился на Пермь Великую и Пермь Вычегодскую. Судьбы народов сложились по-разному. Коми-пермяки называют свой округ просто – Парма. Кудымкар (произносится с ударением на «ы» – Кудымкар) – столица Коми-Пермяцкого округа – сердце Пармы. Когда-то в этих краях побывал наш известный учёный, писатель, философ Каллистрат Жаков. В этнографическом очерке «По Иньве и Косе (У пермяков)» он отметил бедность жизни пермяков. По словам Жакова, типичного пермяка характеризуют такие черты, как недоверие, упрямство, пессимизм. «Вид его унылый, черты лица выражают мрачность и неподвижность, – пишет Жаков. – Пермяк грустен и угрюм. Ростом ниже русского и зырянина. Слаба речь пермяка, нет здесь ни смелости, ни отваги – всё говорит о том, что забита душа народа. О, грустные пермяки! Одна печаль на вас глядеть!» Я решил проверить, так ли оно на самом деле, и отправился в Кудымкар.

В «медвежьем» kraю

Судя по картам, от Сыктывкара до Кудымкара «рукой подать»: если направлять через леса – около трёхсот километров. Но пришлось добираться целые сутки. Ночь на автобусе до Кирова, затем пять часов до удмуртского райцентра Балезино (там просидел до вечера), оттуда пять часов на поезде до Перми и последние 200 километров до Кудымкара на автобусе. Есть, конечно, и прямая

дорога, но она так хорошо затерялась в лесах, что только редкие смельчаки иногда совершают по ней «авторалли». Возможно, в будущем наконец-то появится долгожданная трасса Сыктывкар – Гайны – Кудымкар – Пермь и железнодорожный «Белкомур»: Архангельск – Сыктывкар – Кудымкар – Пермь. В столицу округа я попал на попутке – два коллектива коми-пермяков возвращались с международного этнофутуристического фестиваля «Камва». Бабушки всю дорогу пели коми и русские народные песни. Временами шальных старушек пробивало на неприличные частушки: «Ох, Паранья, ты, Паранья, ты закрой свою маланью, да ладонью, да ладонью...». На границе Коми-Пермяцкого округа автобус сделал остановку у родника. Чистейшая вода текла из раскрытой пасти чугунного мишкы. Так я попал в «медвежий» край. Второго точно такого же мишку я встретил на берегу водохранилища в самом Кудымкаре. А по соседству с похоронным бюро и кудымкарским автовокзалом, расположенным на бывшем кладбище, я наткнулся и на живого представителя местной фауны. Молодая медведица была выставлена на потеху публике в маленькой клетке во дворе привокзальной кафешки. В городе есть и святой источник, оформленный в виде медвежьей головы. Неудивительно, что и кудымкарский герб украшает медведь. Кудымкар – город южный. В садах здесь растут вишни, сливы, яблони. Без теплиц и парников зреют помидоры. В полях довелось увидеть даже бывшую «царицу полей» – кукурузу. На небольшом рынке торгуют в основном грибами и ягодами. А чтобы затовариться одеждой или техникой, народ едет в Пермь. Средняя зарплата кудымкарцев – невелика. Крупных предприятий в городе нет. Был электромеханический завод, где трудилась треть всего кудымкарского пролетариата – 1 тысяча 200 человек. Но сейчас и он закрылся. Поэтому, где работает основная масса горожан, остаётся загадкой. Из небольших промышленных предприятий есть мясокомбинат, хлебокомбинат и артель по изготовлению валенок. Ещё здесь выпускают настоящий «советский» лимонад и добывают «Иньвенскую» минералку. Неудивительно, что население города тает прямо на глазах – все, кто может, уезжают в крупные города. За «длинным рублем» сюда никто не едет. Сейчас в Кудымкаре осталось около 30 тысяч жителей (в лучшие времена их число доходило до 35 тысяч). Из округа выезжают лучшие представители интеллигенции, молодое поколение. Из тех, кто уехал учиться, домой возвращается только пятая часть.

Остановиться можно было бы и в гостинице «Парма», где арестовали нашего известного земляка Михаила Коданева. На всякий случай, я решил не рисковать. Для экономии, а также более глубокого внедрения в жизнь коми-пермяков я «снял» диванчик в доме у живущей на рабоче-крестьянской окраине и почти не говорящей по-русски бабули. В комнате оказался и постоянный квартирант, но он как истинный пермяк отнёсся к моему вторжению спокойно. Как-то я проснулся часов в пять утра, вышел во двор полюбоваться восходом солнца. Когда через минут пять вернулся, то кровать была уже заправлена и диван сложен. Видимо, хозяйка решила, что я ни свет ни заря отправился по делам. Когда я рассчитывался со старушкой, она жаловалась на дорогоизнну и небольшую пенсию. Подкинул немного сверх оговорённого.

Вообще же, снять здесь жильё – было удовольствие не из дорогих. Не знаю как сейчас, но пару лет назад, благоустроенная однокомнатная квартира в центре – одна-полторы тысячи в месяц. Купить такую квартиру можно за пятьсот тысяч.

Цены на всё вполне доступные. Пообедать или поужинать в ресторане с национальной кухней можно за 50–100 рублей. Любопытно, что в этом ресторане в любое время я почему-то оказывался единственным посетителем. Проезд на городском автобусе стоил 5 рублей 50 копеек. Невольно обратил внимание на любовь коми-пермяков к «двойным» числам в ценах: 55, 22, 44, 66... 99 рублей стоили лапти, которые местный люд по праздникам носит вместо тапочек в баню. При виде всех этих цифр вспомнился пермский оракул Сергея Тетерина – «двойняшки».

Иное измерение «Пермский край – страна чудес», – писал наш классик Каллистрат Жаков. А те, кто читал книгу Сергея Тетерина «Двойняшки – пермский оракул», хорошо знают, что Кудымкар – город... мистический. «На карте оккультной России, если такая когда-либо увидит свет, этот скучный провинциальный городок был бы заметен сразу, – пишет автор. – Его особую энергетику и мифологический background почувствовать нетрудно, это разлито в воздухе. Это глубоко провинциальный уральский городок со всеми плюсами и минусами и сонными обывателями. Некая вязкая и глухая территория духа, где ощущаешь себя не то незваным гостем, не то откровенно чужаком. Это очевидно не русский город, здесь всё по-иному, по-своему...»

Даже время в Кудымкаре идёт по-своему – на два часа вперёд по сравнению с Сыктывкаром. Поэтому и день здесь получается длиннее. Кажется, что жизнь в этом городке замерла, и один «день сурка» мало отличается от другого. В одном из дворов я с удивлением обнаружил памятник... гуманоиду. На пузе выкрашенного серебрянкой гипсового мужика была нарисована физиономия пришельца. Другой пришелец, каменный гость – метеорит – уже не первый век покоятся в нескольких километрах от города, в селе Ошиб. Коми-пермяки называют своё «чудо» Ен из (Божественный камень) и относятся к нему, как правоверные к своему метеориту – Каабе. До революции серому камню поклонялись – кормили черинянями, на Троицу веселили песнями и танцами. Лечились, прикасаясь к камню, и откалывали от него кусочки для банных печей. Сорок лет назад ошибские школьники пытались выкопать камень, но тщетно. Ен из с каждым годом всё глубже проваливается – сейчас он ниже уровня земли на 70 сантиметров.

Другое прикудымкарское чудо живёт в деревне Пармайлово. Чудак-человек уже много лет подряд ставит во дворе своего дома вырезанные из цельных брёвен тотемные столбы – статуи. А еще ложки делает, туески, лапти. Любопытно, что все об этом умельце говорят, но никто из местных к нему не ездил.

Коми, которых мы потеряли

Напомним, что Коми-Пермяцкий автономный округ стал первым субъектом РФ, на котором решили проверить идею укрупнения регионов. В феврале 2004 года Президент Путин внёс в Госдуму проект закона «Об образовании в составе РФ нового субъекта в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа». Уже через месяц закон был принят. Незадолго до этого, в конце 2003 года, в области и округе прошёл референдум. По официальным данным, за объединение проголосовало 89,69% жителей КПАО (при явке 64%) и 83,81% в Пермской области (при явке 62%). Но все жители Кудымкара,

с которыми мне довелось пообщаться, в один голос утверждали, что они голосовали против утраты своей автономии. Ничего хорошего от «слияния» эти люди не ждали и не на шутку опасаются, что сейчас национальная культура и язык совсем «захиреют», и коми-пермяки вымрут вслед за чудью. Причём, жители округа винят в происходящем отчасти и власти нашей республики, которые не поддержали братский народ и не похлопотали о том, чтобы КПАО стал частью республики Коми. Ведь в округе 60% коренного коми населения. Да и идея объединения разделившихся в средневековье двух коми народов далеко не нова. Именно этого добивался в начале 20-х годов прошлого века известный борец за коми автономию, председатель Коми представительства при Наркомате по делам национальностей РСФСР Дмитрий Батиев. В единую республику предлагалось войти и близкородственным удмуртам. Если же вспомнить историю, то округ уже не раз приобретал и терял самостоятельность. Так, в 1925 году Президиум ВЦИКа постановил: «Считать целесообразным выделить Пермяцкий край в особый национальный округ». В 1938 году в связи с разукрупнением Уральской области Коми-Пермяцкий национальный округ автоматически оказался в составе Пермской области. А с момента принятия последней советской Конституции в 1977 году округ стал именоваться Коми-Пермяцким автономным. Окончательное разделение произошло в 1991 году. С 1 декабря 2005 года округ перестал быть автономным.

История одного города

Город богатыря Кудым-Оша Кудымкар расположен на обоих берегах притока Камы реки Иньвы и частично на левобережье её притока Кувы. Впервые город упомянут в писцовых книгах в 1579 году. Но археологические исследования показывают, что поселение на берегу реки Кувы возникло на девять столетий раньше. В те времена здесь находился металлургический центр, хорошо укреплённое владение одного из коми-пермяцких племён. В 1472 году Кудымкар вместе с Пермью Великой вошёл в состав Русского государства. В XVII веке он превращается в центр Пармы. В 1925 году Кудымкар стал административным центром Коми-Пермяцкого автономного округа, в 1938 году получил статус города.

Железобетонный мост через Иньву появился в 1979 году. В основном в городе частные деревянные одноэтажные дома. Немного двухэтажных бараков и двух-пятиэтажных кирпичных строений. Высотных зданий в городе нет. Пятиэтажки больше возводиться не будут, а только двух-трёхэтажные, так как в 1990 году Кудымкар был отнесён к разряду малых исторических городов России и включён в государственную программу возрождения, реконструкции и реставрации. Архитектурных памятников немного: здание бывшей строгановской конторы и Никольский собор XVIII века. Самое живописное место – Кувинский пруд. С его высокого берега виден весь город. До революции на Кuve работала мельница графов Строгановых. В районе пруда расположен памятник археологии – средневековое городище Красная Горка. В 1988 году в Кудымкаре открыт Коми-Пермяцкий научно-исследовательский отдел общественных наук Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. В городе есть свой вуз,

национальный театр, окружные детская и взрослая библиотеки и расположенный в двух зданиях окружной краеведческий музей. Часть экспозиции расположена в половине Никольского собора (другая половина храма возвращена церкви). В музее удивили фотография местных людоедов с останками их жертв, времён первых советских пятилеток, и стенд «Трофеи Великой Отечественной войны». Под стеклом висела рваная подмётка от немецкого башмака. «Да, любопытный трофеи привёз солдат с фронта», – мелькнула мысль. Основная экспозиция развернута в здании, в котором раньше располагался горком партии, здесь же и художественный отдел (мини-галерея). Здесь я увидел великолепные картины местного художника Владимира Онькова. Его выставка была дополнена черепами добытых им медведей и головами пойманых щук. Другая часть экспозиции расположена в Никольском соборе. Здесь же, в парке, во дворе церкви, я неожиданно наткнулся на... пивнушку. Население города на 64% состоит из коми-пермяков. Но детей в семьях, особенно в городских, коми-пермяцкому языку не обучают. Среднее поколение владеет лишь разговорным языком, диалектами – только старшее. В сельской местности коми-пермяцкий язык звучит значительно чаще, на нём общаются между собой и дети. А что касается слов Жакова, то пермяки за последние сто лет всё-таки заметно выросли и повеселели. Из Кудымкара я направился в Пермь.

«Дальняя земля» Пермь близка нам по духу. Немногие жители Коми подозревают, что по соседству с республикой находится второй по площади после Москвы город России. Это Пермь. Она вытянулась вдоль берегов Камы почти на 70 километров и по протяжённости занимает третье место среди российских городов. С давних времён у коми народа существовали близкие связи с Пермью. Коми делились на Пермь Великую (предки коми-пермяков) и Пермь Вычегодскую (предки зырян). И сейчас в Перми живёт много выходцев из нашей республики, многие съктывкарцы заканчивали пермские вузы, ездят в гости к родственникам. Известно, что название Пермь имеет финно-угорское происхождение. Бытовало мнение, что это видоизменённое коми слово «Парма» – возвышенная местность, поросшая еловым лесом. По другой версии, «Пермь» происходит от имени коми-пермяцкого богатыря Перы. Но легенда о Пере сравнительно недавняя, а слово «Пермь» в русских летописях встречается уже в конце XII века. Есть версия происхождения от названия легендарной Биармии. Наиболее достоверной представляется версия известного финно-угроведа Дмитрия Бубриха. По его мнению, название «Пермь» пришло от финно-угорского народа весь, населявшего некогда обширные территории на Северо-Западе современной России. На языке вези дальние окраины назывались Пэрэ Мaa – «дальняя земля». Русские переняли от вези это название и переделали его в Перемь, а затем в Пермь. Да и сейчас, кому доводилось ездить из столицы Коми в соседний регион, могут назвать эти земли дальними. Ехать на автобусе приходится почти двадцать часов, на машине чуть меньше. Но обычно в Пермь ездят с пересадкой через Киров. Много говорилось о постройке шоссе и железной дороги, которые соединили бы столицы регионов, но вряд ли это произойдёт в ближайшем будущем. Интересно, что при желании от Сыктывкара до Перми можно доплыть по рекам – притоки Вычегды и Камы с конца XVIII века соединяет Екатерининский канал. Но этот путь не использовали уже с 1838 года, и канал превратился в канаву.

Пермь Великая

Пространство к западу от Урала до рек Печоры, Вычегды, Камы и Волги носило в разные времена разные названия: в глубокой древности – Биармия, в древних русских летописях и договорах – «Пермь», «Перемь», «Пермия» (коми: Йджыт Переем). Впервые в русских документах «Перемь» упоминается в «Повести временных лет», как народ, дающий дань Руси. Название «Пермь Великая» встречается и в житии святого Стефана Пермского. В центре современной Перми стоит церковь Стефана Пермского. Неподалёку от неё – большая мечеть. Есть в городе синагога, немецкая кирка, польский костёл и т.д. Усть-Вымь некогда называли Пермь старая, или Вычегодская. С XVI века Пермь Великая начинает возвышаться над Пермью Старой Вычегодской. Известно было государственное образование коми-пермяков – Великопермское княжество со столицей в Чердыни. Ситуация изменилась после того, как к пермским землям проявила интерес Москва. Финно-угорское население постепенно сменилось русским. Сейчас коми-пермяки составляют только один процент от населения Перми. Это пятый по численности народ после русских (88 процентов), татар, украинцев и башкир. У жителей Перми около 75 тысяч фамилий, наиболее распространённые из них это Поповы, Кузнецова и Ивановы.

Сравнивать Сыктывкар с Пермью всё-таки сложно: масштаб городов разный. Скажем, население Перми превышает население всей нашей республики. Сейчас здесь проживает около одного миллиона ста тысяч человек, но так как город большой по площади, то такого скопления людей, как в Москве, здесь не увидишь. Даже в разгар дня центральные улицы города поражают своей безлюдностью. Как и в Европе, дорожки для велосипедистов здесь обозначены разметкой. Есть и специальные стоянки для велосипедов. Пермякам есть куда пойти: несколько современных кинотеатров (фильм уровня 4D можно посмотреть за 100 рублей, остальные вдвое дешевле), построенный в 1920-х годах на старинном кладбище зоопарк, цирк, оперный театр, театр кукол, галерея, театр драмы и т.д. Праздники в городе проходят почти ежедневно: дни тибетской культуры сменяют оперные фестивали, а ролевики устраивают в музее «Хохловка» баталии времён гражданской войны. Кстати, именно в Перми был расстрелян родной брат Николая Второго царевич Михаил, успевший несколько часов побывать «последним императором России» между отречением от престола Николая Второго и своим собственным отречением.

Царь-пушка

Своему рождению Пермь обязана медным рудам. «По открытии в здешних местах медных руд начат строить медеплавильный завод по именному повелению великого государя императора Петра Первого... Прежде же того на сем месте был лес, почти никем не обитаем, в котором тогда нередко укрывались разбойники, которые производили различные грабежи, как плывущим то вниз, то вверх по Каме, так и подле оной путешествующим», – так описывает рождение города

«Первая летопись города Перми». В 1723 году в месте слияния рек Камы и Егошихи началось строительство медеплавильного завода. В ноябре 1780 года Екатерина II подписала указ: «Уважая выгодность Ягошихинского завода и способность места сего для учреждения в нём губернского города, мы повелели ...город губернский для Пермского наместничества назначить в сем месте, наименовав оный город Пермь». Под другим именем город пребывал с 1940 по 1957 годы. Тогда его переименовали в Молотов в честь председателя Совета Народных Комиссаров (к тому же паровой молот в течение многих лет был символом Перми). Ныне Пермь – один из крупнейших городов Урала, самый восточный европейский город с миллионным населением (одиннадцатый по численности в России). Мегаполис расположен у подножия Уральских гор, на двух берегах Камы, крупнейшего притока Волги. Сами пермяки уверены, что Волга – это приток Камы. В старой части города – Мотовилихе – сохранились дореволюционные районы деревянных домов рабочих завода. Рядом с ними – музей Мотовилихинских заводов. Наиболее интересный экспонат здесь – пермская царь-пушка. Она была отлита на местном заводе в 1868 году, вес её ствола – 45 тонн, что на 6 тонн больше знаменитой московской Царь-пушки. На испытаниях пушка сделала 314 выстрелов ядрами весом почти в полтонны. Однако в боевых условиях её не использовали: слишком мала оказалась дальность стрельбы. Ещё несколько интересных фактов. В I мировую войну мотовилихинские заводы поставили русской армии пятую часть артиллерийского вооружения, во II мировую войну в Перми изготовили четверть всех арт-систем Красной Армии, установленные на крейсере «Аврора» три боковые пушки также родом отсюда, а первый выстрел по территории нацистской Германии был произведен из гаубицы, сделанной в Перми. Первый выстрел по Берлину тоже совершили из пермской пушки.

Пермские бренды

Фото Артура Артесева.

Жители Коми считают, что Стефан Пермский, чудь, парма, медведи – это «наше всё». В Перми же уверены, что это их историческое наследие. Тамошние бренды – пермский звериный стиль, чудь, парма, медведи и знаменитая церковная деревянная скульптура XVII–XIX веков. Сегодня в одном из залов Пермской художественной галереи можно увидеть более ста деревянных скульптур. Смотрильщицы наблюдают, чтобы туристы их не фотографировали. Пермский звериный стиль можно увидеть везде, даже на вешалках в магазине и на уличных клумбах. Слово «Парма» встречается на местных вывесках чаще, чем в Сыктывкаре. Есть и местный колорит – памятник «Пермяк – солёны уши». Это бронзовое кольцо с большими ушами. Туристы охотно фотографируются, просовывая в круглую рамку свои лица. Исторический

«смысл» ушей заключается в том, что когда-то в Пермском крае добывали соль, и коми-пермяки переносили мешки с ней на плечах, соль просыпалась, поэтому волосы и уши грузчиков были вечно солёными. Ещё один неизменный атрибут Перми – медведи. Каменные, бронзовые, они встречаются в городе на каждом углу. Неудивительно, ведь и на городском гербе изображён медведь с Евангелием на спине. Существует здесь и культ Стефана Пермского, которого пермяки считают своим святым и называют Стефаном Великопермским. Другая культовая личность – известный художественный и театральный деятель, антрепренёр, организатор выставок художников, «Русских сезонов» и труппы «Русский балет Дягилева» в Париже – Сергей Дягилев. Современные пермяки гордятся своим балетом и оперой. Крупнейший Пермский академический театр оперы и балета имени Петра Чайковского был основан в 1870 году и известен тем, что он – единственный в мире осуществил постановку всех опер Чайковского. А пермский балет считается одним из лучших в России наряду с балетом Большого театра и Мариинки.

Городские легенды

Пермяки, как, впрочем, и сыктывкарцы, любят давать «народные» названия памятникам и мемориалам. Самые популярные объекты для глумления – это памятник героям фронта и тыла. Его из-за меча и щита называют памятником трём толкинистам. А скульптура доктора Граала известна как памятник Доктору Жабе. Говорят, что когда-то на центральной площади города был расположен памятник НЛО – три тарелки на длинных тонких ножках. Его настоящее название – «Памятник комсомольцам-первоходцам».

Построенную в 1952 году башню областного управления НКВД называют Башней смерти. Говорят, что с неё сбрасывали «врагов народа». Некоторые местные эзотерики считают её центром мирового зла, другие – наоборот, приписывают ей охранные функции. В Перми есть подземелья и туннели, ведущие из подвалов в центре города на набережную Камы, которые якобы были прорыты купцами в XIX веке, чтобы катать бочки с вином с пристани прямо в подвалы магазинов. Не понятно только, зачем рыть туннель, когда можно было прокатить бочку по поверхности. А вот метро в Перми строить не стали, отдав приоритет Челябинску. Из-за отсутствия метрополитена горожане комплексуют и рисуют разные карты пермского метро – каким бы оно могло быть. Официально строить метро не стали из-за плохих грунтов, а неофициально – потому, что под городом очень много секретных туннелей КГБ. А ещё в Перми протекает река... Стикс. Это название река получила в XVIII веке в честь реки Стикс из древнегреческой мифологии, поскольку отделяла город от основанного в то время Егошихинского кладбища. Стоит напомнить, что в честь Перми Великой названа целая геологическая эпоха – Пермский период. Термин придумал шотландец Мурчисон, делавший раскопки на территории нынешней Республики Коми. Видимо, ему показалось, что Коми и Пермь – это очень близко.

Татьяна Голева

Голева Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории этнопедагогики народов Прикамья Пермского краевого института повышения квалификации работников образования (ПКИПКРО). Около 10 лет занимается изучением этнографии коми-пермяков, опубликовано более 30 работ по традиционной духовной культуре народа, основанных в первую очередь на полевых экспедиционных материалах и наблюдениях.

Поездка на Язьву¹

На возвышенностях среднего и частью верхнего течения реки Язьвы, в южной части Красновишерского района Пермского края располагаются деревни и сёла язывинских пермяков. Формирование данной финноязычной группы связано с процессом освоения Прикамской территории русскими, которые в XVI–XVII вв. оттеснили древнее коми население Камско-Колвинско-Вишерского поречья на восточные земли. Вероятно, значительное влияние на их сохранение оказало старообрядчество, распространившееся на данной территории в XVIII – начале XIX в. и способствовавшее поддержанию традиций.

В статистических источниках и научных исследованиях XIX – начала XX в. жители Верхнеязьвинской волости назывались пермяками вместе с остальным коми населением Пермского края и не выделялись в отдельную группу. Судя по исследованию А.Ф. Теплоухова, о пермяках, проживающих на реке Язьве, было известно уже с начала XIX в., они упоминаются в «Историко-географическом описании, сочинённом для атласа 1800 года»². В.И. Лыткин в составе Верхнеязьвинского куста деревень в середине XX столетия называет шесть сельсоветов (Бычинский, Верхнеязьвинский, Тимино-Бельковский, Талавольский, Антипинский, Ваньковский), включающих 54 населённых пункта. Знание коми языка жителями этих деревень было разным, по степени владения им автор подразделяет язывинцев на четыре группы³. Е.М. Сморгунова в 1990-е гг. называет уже только два сельсовета Верхнеязьвинского куста, включающего семь деревень: Ванькова, Ванина, Антипина, Паршакова, Коновалова на левом берегу Язьвы и Пьянкова, Пудьва на р. Пудьве⁴. Сейчас коми-язьвинцы, сохраняющие языковую, куль-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ «Народное мировоззрение и религиозные традиции коми-пермяков» №10-01-82108а/У.

² ПГКА. Ф. 613, оп. 3, д. 91. л. 4.

³ См.: Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. – М.: АН СССР, 1961. – С. 4–6.

⁴ Сморгунова Е.М. Старообрядцы Верхней Язьвы: особая языковая ситуация // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1992. – С. 157.

Вид на реку Язьва (2009). Фото И.А. Подюкова.

Вид на деревню Антипину (2009).

турную идентичность и историческую память, проживают в селе Верх-Язьва, деревнях Антипина, Паршакова, Ванькова, Заполье, посёлке Северный Колчим, в который переселилась часть язывинцев из соседних деревень.

В советский период (после 1926 г.) язывинцев записывали русскими, сами же они называли себя пермяками, отличая свой язык от коми-пермяцкого. По переписи 2002 г. в Красновишерском районе 198 человек записались коми-пермяками, 688 – коми. Исследователи считают, что в их число и в число русских попали коми-язывинцы, испытывающие затруднения с самоидентификацией¹. В современной этнографии неоднозначно определяется место язывинцев в структуре народов коми. Одни называют их одной из этнографических групп коми-пермяцкого народа, другие

склонны считать их самостоятельным этносом².

¹ Чагин Г.Н., Шестакова Е.Н. Современное состояние этничности у коми-язывинцев (По материалам социологического исследования). – Пермь: издательский дом «Пресстайм», 2006. – С. 27.

² См.: Чагин Г.Н. Язывинские пермяки: История и традиции. – Пермь, 1993; Чагин Г.Н. Проявление самосознания коми-язывинцев в ситуации «своё-чужое» // Г.Н. Чагин. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии. Избранные труды. – Пермь, 2002. – С. 113–115; Чагин, Шестакова, указ. соч.; Шабаев Ю.П. «Новые идентичности» у финно-угров как политические инструменты // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 1. – С. 13–27.

В язьвинских деревнях мне удалось побывать в осенние периоды 2005, 2008 и 2009 гг. Это были краткосрочные поездки с разными научными и образовательно-методическими целями. Во время каждой из них открывались новые стороны жизни язьвинцев, история их прошлого и самобытный народный характер. В этом небольшом очерке хочется передать свои воспоминания и впечатления, наблюдения и размышления о жизни и своеобразных обычаях язьвинских пермяков.

Дорога на Язьву. Начало декабря 2005 года. Вдвоём со студенткой Пермского педагогического университета и коренной язьвинкой Ольгой Паршаковой мы отправились в путешествие на её родину собирать фольклор. Пять часов в автобусе Пермь–Красновишерск и ещё чуть больше часа на районном рейсовом транспорте пролетели за разговорами незаметно. Хотя на дорогу ушёл весь день, только вечером мы добрались до деревни Ваньковой, самой отдалённой от районного городского центра среди современных язьвинских поселений. Ещё Ванькова славится как один из религиозных старообрядческих центров, с 1924 года там действует древлеправославный Никольский храм. Именно в этой деревне лучше сохраняется на бытовом уровне общение на родном языке.

Что же касается собственно дороги и средств передвижения по ней, то, по услышанным мной рассказам, рейсовый автобус иногда с трудом взирается на некоторые встречающиеся по пути возвышенности, особенно во время обильных осадков как летом, так и зимой. Поэтому местная школа для перевозки детей приобрела не обычный автотранспорт, а большой КАМАЗ. На нём можно попасть почти куда угодно даже по самым непроезжим дорогам.

Язьвинская семья. Хозяйство, занятия. В Ваньковой нас радужно встретила большая Олина семья. Мы жили в доме её бабушки Пелагеи Яковлевны. Отец Оли, Александр Андреевич, самый младший из пяти братьев в семье, к тому времени почти уже закончил строительство рядом с родовым гнездом своего большого дома, но всё равно основную часть времени семья проводила в старой избе. Александр Андреевич уже несколько лет работает в исправительной колонии заключённых за р. Язьвой в п. Красный Берег Соликамского района. Многие жители деревни только там нашли возможность устроиться и заработать средства для жизни. Мама Оли, Татьяна Николаевна, в тот год ухаживала на ферме за телятами, сейчас она работает продавцом в местном магазине. Фермы в деревне теперь уже нет. Младшая сестра Настя из-за болезни не учится в школе, поэтому днём она помогает Пелагее Яковлевне по хозяйству, а вечером водится с братишками – Артёмом и Мишой. Быт семьи – обычный для сельского обывателя, равномерный и гармоничный. В нём учёба и работа плавно перетекают в хозяйствственные заботы по дому, вечерний отдых, детские игры и разговоры. Каждое утро Пелагея Яковлевна топит печь и печёт несколько больших караваев хлеба, готовит обеды. Вместе с Татьяной Николаевной она управляет с коровой, овцами и курами¹. Александр Андреевич увлекается охотничим промыслом, на

¹ Кур семья держит не постоянно. Во многих хозяйствах выращивают свиней. Лошадей в язьвинских деревнях сейчас практически нет, тогда как во многих других местах Пермского края после исчезновения совхозов и колхозов их начали держать в частных хозяйствах. У Александра Андреевича двенадцать лет была своя лошадь, после её гибели он пытался завести новых жеребят, но они ко двору не приживаются.

д.Антипина. Екатерина Евсеевна Собянина стряпает пельмени (2009). Фото И. А. Подюкова.

который изредка ему удаётся выбраться с лайками – Шубеем и Зорькой. Летом к хозяйственным делам прибавляется забота и уход за огородом и за пчёлами на небольшой семейной пасеке.

Природа. Народный менталитет. Сразу по приезду почувствовался контраст климата. Здесь уже стояли двадцатиградусные морозы, и земля была покрыта достаточно толстым слоем снега, тогда как в Перми ещё было тепло и сыро. Только утром следующего дня при солнечном свете взгляду открылись живописные местные пейзажи. Здесь совершенно иной рельеф. Местность относится к зоне уральских предгорий. Вокруг большие холмы, поросшие высокими елями. Кажется, что ели достают до самого неба. А когда стоишь на вершине одной из гор, смотришь на открывающиеся внизу виды деревни, леса, реки, возникает ощущение, что небо

очень близко. Иначе воспринимается пространство, мир... А каким его видят язывинские пермяки? После более тесного общения с местными жителями мне показалось, что есть в них что-то общее с другими «горными» народами, какая-то сила, стать и гордость. А ещё им присуща основательность, которая отражается в их мировоззрении, делах и материальной культуре, в том числе в жилище.

Поселения, постройки. Во всех деревнях вместе с поздними типичными строениями из кирпича или деревянных брусьев сохраняется много старых архитектурных построек. Жилые избы также удивляют своими размерами: они кажутся более высокими, чем в русских и коми-пермяцких деревнях западной части Пермского края. Может быть, это ощущение возникает от более «объёмного взгляда», возможного при наблюдении не только по прямой линии, но с верхних и нижних точек просмотра. Изначально во всех населённых пунктах преобладала беспорядочная застройка, она до сих пор заметна по витиеватым улицам и разбросанным в разных концах селений домам. При выборе места для жилища учитывался рельеф и близость к источникам воды. Усадьбы язывинских пермяков двух видов: однорядные с пристроенным «Г» или «Т»-образно двором и двурядные – с параллельно расположенным скотным двором под отдельной крышей. Жилой комплекс обычно двух или трёхкамерный (изба-сени, изба-сени-клеть; изба-сени-изба). В некоторых дворах ещё можно встретить погреба. В каждом хозяйстве есть баня, часто устроенная по традиции с открытой каменкой (по-чёрному). В огородах стоят деревянные срубы рассадников. Жилые строения последнего десятилетия сильно отличаются от традиционных домов, в них из-

д.Ванькова. Ольга Паршакова в сарафане (2005).

Часто они бывают из пёстрой ткани. Особой привязанности к цвету не наблюдается. Ольге сшила сарафан матушка – жена священника. Сарафан очень длинный, почти до пят, из однотонной голубой ткани. Сарафаны обязательно подпоясываются. Кто не имеет сарафана, посещает церковь (на местном наречии – *молебна*) или молится дома в длинной юбке. Платок не завязывается, а перевязывается ниткой у подбородка. Некоторые старушки, которым после венчания одели *моршень* – матерчатый чепец, собираясь на церковную службу, обязательно убирают волосы под ним, а сверху одевают платок. В ежедневном быту моршень теперь редко кто носит. Мужчины во время службы должны быть в кафтанах. Если их нет, то приходят в рубахах.

Кухня. Пищевой рацион местного населения главным образом состоит из натуральных продуктов домашнего хозяйства – овощей, молока, мяса. Существенное место в нём занимают также лесные ягоды, грибы и травы. Дополнитель-

начально предусмотрены хозяйственная часть, несколько комнат, центральное отопление и т.п.

В планировке и интерьере жилища сочетаются современные и старинные элементы. Почти в каждом доме стоит большая битая печь, её расположение бывает разным: либо она находится в углу рядом с порогом, либо посередине избы, разделяя её на хозяйственную и парадную части. В доме Екатерины Евсеевны Собяниной из д. Антипиной с боковой стороны печь имеет достаточно больших размеров (примерно 40x30 см) печурку – углубление, которое обычно делалось для просушки разных вещей. В данном случае основа печурки оказалась металлической. Своей боковой стеной ниша примыкает непосредственно к очагу, и используется она в качестве плиты. Перед устрем печи устраивается кухня, от остальной части избы она отгорожена дощатой стеной.

В каждом доме в переднем углу есть полочка для икон. Если дом делится на комнаты, то божницы бывают в нескольких из них. У многих они украшены яркими искусственными цветами и гроздями винограда, подаренными священником во время пасхальных богослужений. В домах старшего поколения стоит мебель советского периода: диваны, шифоньеры, комоды; у молодёжи – более современная.

Одежда. Народный костюм сохраняется как комплекс обрядовой религиозной одежды. Женская половина язывинцев обязательно посещает церковь в сарафане и платке. Сарафаны шьют для себя сами или заказывают местным мастерам.

д. Ванькова. Пелагея Яковлевна Паршакова показывает моршень (2005).

ное значение имеют речная рыба, мясо дичи и лесных зверей. У старообрядцев не принято есть медвежье и заячье мясо. Но, несмотря на запрет, некоторые всё же, по их собственному признанию, употребляют в пищу мясо этих зверей. Прежде охота и рыболовство играли важную роль в народном хозяйстве. Сейчас же, по словам рыбаков, рыба в реках убавилась, а охотничьим промыслом продолжают заниматься только любители.

Первое моё посещение язьвинцев как раз пришлось на Рождественский пост. Поста придерживается почти всё старшее население. Пелагея Яковлевна с Настей тоже употребляли только скромную пищу, а всем остальным членам семьи по общему согласию было разре-

шено есть молочные продукты. Отход от обычая объясняют тем, что детям приходится обедать в школе и детском саду, где религиозные правила не распространены, а на взрослых лежит тяжесть работы, поэтому мясная пища им необходима.

Однажды вечером Пелагея Яковлевна сварила *шёма колобокъез* ‘кислые колобки’. На тарелку из кипящей воды она достала небольшие сваренные лепёшки, сверху мы их посыпали по вкусу – кто тёртой редькой, кто квашеной капустой или порубленными грибами и добавили растительное масло. Блюдо оказалось вкусным и сытым. Для *шёма колобокъез* Пелагия Яковлевна взяла остатки заквашенного хлебного теста, загостила его, затем раскатала сочень и вырезала небольшие квадратики. Эти готовые колобки (наверно, их можно назвать вариантом домашней лапши) бросают в кипящую воду и варят несколько минут, пока они не всплынут на поверхность.

Ещё одним из открытий народной кухни, уже в последней поездке на Язьву, были пельмени из *пистиков* (весенних всходов полевого хвоща). Их нам приготовила Екатерина Евсеевна Собянина. Вообще она любительница стряпать пельмени с разной начинкой: мясной, капустной, грибной, редечной. Несмотря на солидный возраст, в её руках всё спорится, кажется, что все предметы летают и каким-то невероятным образом приземляются в необходимом месте и в нужном положении. Также ловко получается у неё лепить пельмени. Пистицкие пельмени, обмакиваемые в сметану, тоже получились очень вкусными.

Из напитков среди старшего поколения популярен травяной чай. Наверно, одной из главных его составляющих является душица, по-местному её назы-

д.Верх-Язьва. Божница в доме Галины Макаровны Собяниной (2009).

вают горным чаем или бушиником. Екатерина Евсеевна оказалась знатной «брежницей» и «пивоваркой». Из своих закромов она выносила то один, то другой популярный в народе традиционный напиток. Среди местного населения, особенно мужского, популярна и самогонка. Нужно сказать, что проблема алкоголизма не прошла язывинские деревни стороной. Здесь она, конечно, меньше заметна, чем в других северных районах Пермского края. Но, тем не менее, наряду с крепкими семьями и большими хозяйствами встречаются опустошённые дома и сильно выпивающие мужчины...

Религия и мифология. Старообрядчество наложило отпечаток практически на все стороны жизни язывинских пермяков. Выше уже говорилось о его влиянии на комплекс обрядовой одежды и на систему питания. Ни разу не пришлось наблюдать исполнение запрета на использование общей посуды, о котором пишет Севери Нюман в своих путевых письмах¹. Даже среди старшего поколения уже почти никто не помнит подобных примеров.

Понимание Бога язывинцами во многом связано со священным писанием, историей об Иисусе Христе. В отли-

чие от коми-пермяков, они не называют Бога коми словом Ен. Для них ен – это только ‘небо’. Господь Бог – творец всего. Кроме материального мира он создал нормы, обычаи, он даёт жизнь, смерть, болезни и радости: «Господь даёт и человека, и детей, и бесов, и дьялов – всё»². Об этом даже говорится в народной колыбельной песне: «...Ещё бог тебя дал, да Кристос награждал...»³. На все вопросы о причинности жизненных явлений у язывинцев один общий ответ – «от бога», «богом велено». Господь слышит и сопровождает только добрых людей. Добродетель – один из главных принципов благочестивого человека. Образ Бога «нарисован в молебной». Человеку же Бог, Иисус Христос и Божья матерь не показываются, потому что люди грешны: «...Он и не покажется, пока не придёт нас, грешников, судить. <...> Божью матерь не нашими глазами видеть, нашему брату, грешникам-то», – говорит Пелагея Яковлевна.

Тема греха среди верующего населения очень актуальна. Грешно любить кошку и собаку, «захматничать» (то есть верить различным приметам), смотреть телевизор, фотографироваться, стричь волосы и бороды. Грехом считалось записываться в колхозы, курить табак и т.д. Границ греховных деяний в понимании народа сейчас заметно размыты, некоторые провинности кажутся в современном мире менее опасными или зловредными. Знание о грехе всё равно часто сопровождается его нарушением. Затем следует покаяние и исполнение епитимии – определённых «дел благочестия», предписанных духовником. Однозначность греховной природы человека утверждается в народных пого-

² 2005 г., д. Ванькова, зап. от П.И. Антипиной, 1935 г.р.

³ 2005 г., д. Ванькова, зап. от Е.А. Антипиной, 1925 г.р.

¹ Чагин, Шестакова, указ. соч., с. 46.

ворках: «У человека столько грехов, сколько на берегу песка»¹; «Грех-от полон, до Соликамска протяну, а добро-то всё равно – с ноготь не сделаю»².

Строгость нравов язьвинцев заметна в народном языке. Например, из употребления исключаются уменьшительно-ласкательные формы слов, особенно религиозные понятия – «крест», а не «крестик». Это же правило заметно в использовании собственных имён. Однажды в деревне Ваньковой нам повстречался мальчик лет семи с деревянными резными санками. «Как тебя зовут?» – спросили мы. «Павел Александрович», – ответил он учтиво и солидно. Традиционной формулой приветствия является фраза «здраво живите», вместо «здравствуйте».

Во время крещения тело ребёнка обвязывается нательной повязкой (поясом), которую он носит всю жизнь. Часто поясок представляет собой простую нить. Говорят, что он оберегает человека от колдунов, а также «отделяет душу от скверноты». Как оказалось, прежде такой пояс носили не все (или вовсе никто не носил?), пока в деревне не появился преосвященный епископ, научивший людей этому правилу.

Некоторые язьвинцы не бреют бород, а язьвинки не стригут волос, как полагается по вере. Бородобрейцев не допускают к венчанию, только отрастив бороду, молодой человек может освятить свой брак. После ритуала многие из них снова бреются. Исключение при венчании делается лишь для военнослужащих. Оля Паршакова, уехав учиться в город, сохранила свою длинную косу, но постригла чёлку. На родине, когда она посещает церковь, чёлку

прячет под платок, чтобы не увидел и не отчитал отец Никанор. Соблюдая традицию, одновременно язьвинцы-староверы достаточно спокойно относятся к её нарушениям. Например, осенью 2009 года мы побывали у Ивана Ивановича Антипина. Голова его была пострижена почти наголо, но борода была не брита. Он тоже говорил про обычай и о том, что стричься нельзя, но вот внук постриг его, а батюшка ругает за это. Чувствовалось смирение с этой ситуацией и понимание одинаково как действий внука, так и слов святого отца, и казалось, что раскаиваться ему вроде бы и не в чём.

Прежде местным старообрядческим центром была Пудьвинская лавра³. Когда-то туда отправляли учиться грамоте подросших детей, увозили стариков, которые готовились к своему «последнему пути». В советское время вера сохранилась, в избах держали старинные книги, иконы, лестовки и подрушиники, родители обучали детей читать «начал» и т.д. Сейчас в Никольской церкви д. Ваньковой службы проходят каждые субботу и воскресенье, в праздничные и поминальные даты. В дни памяти умерших обычно устраиваются обеды. После службы все переходят в соседнюю избу, своеобразную «сторожку», где наряжаются столы. Как раз такой обед проходил в день посещения деревни в последней моей поездке. Почти всё старшее население Ваньковой находилось там после службы. На улице остались внуки отца Никанора. Они расчищали снег и ждали, когда после общего обеда их пригласят к столу.

Местоположение церкви заметно влияет на отношение к службе и под-

¹ 2005 г., д. Паршакова, зап. от М.Е. Паршаковой, 1939 г.р.

² 2005 г., д. Ванькова, зап. от П.Я. Паршаковой, 1934 г.р.

³ См.: Чагин Г.Н. Пудьвинская лавра // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург, 1997. – С. 168–173.

держание религиозных обычаев. Больше всего в культовую сферу включены ваньковцы. Чем дальше от церкви находятся другие деревни, тем меньше у их жителей возможности посетить храм, и в них чувствуется большая свобода интерпретации религиозного богоопочтения. Отпечаток на религиозные настроения язывинцев наложил советский атеизм, межэтническое и межкультурное взаимодействие, современные культурные процессы. Может быть, некоторые особенности религиозной приверженности лучше передать через портреты встреченных мною людей.

Старообрядец, по моим первоначальным представлениям, должен быть строг, даже суров, замкнут в своей вере от остального мира. Позже, познакомившись ближе с разными носителями этой идеологии, оказалось, что данный стереотип не совсем верен. Вера не мешает им быть восприимчивыми к новым веяниям и открытыми людьми. Примером же типичной старообрядки тогда для меня стала Елизавета Савиновна из деревни Антипиной. Всё в ней – одежда, голос, движения, – казалось, связанны с мыслию о боге. В воздухе дома чувствовалась отрешённость от окружающего мира и тихий покой. Говорить о повседневных делах, прошлой жизни ей как будто было совсем не интересно, зато рассуждения о старообрядческой и никонианской вере, о молитве и боге, о добре и зле превращались в длинные волнующие монологи: «Никонианская вера ведь она не истинная. Потому что в Никона патриарха вселился дьявол, и он надумал вот так издеваться над людьми и переделать всю эту веру истинную на неправильную веру. Люди-то были некрещёные. Люди-то, которые остались, так и остались жить. А которые не выдержали испытаний от его, испугались от смерти, всё уклонились в неис-

тинную веру. Многие ведь не испугались, так и говорили, что здесь мгновенная жизнь, а на веки-вечную пойти, лучше перетерпеть здесь. Наши-то вот только сохранились. Но и как сохранились, всё равно мы всё не соблюдаем счас, как надо. Она, истинная вера, очень крепкая такая, чтоб заповеди все исполнять. А мы не исполняем ведь. Это всё трудно кажется, так легче. И живём только земным, не хотим думать, что ожидает нас будущая веки-вечная жизнь. Какая она будет, на это нам есть обещание, что будет незащенная радость веки-вечная... Там не будет никакой не болезни, не отдыхания, не вздохания, если кто только заслужит этого. А кто не заслужит – муки вечные, нас сожжёт за муки вечные, не исполняем заповедей божьих, не делаем добра, а делаем зло только. Всё же зависит от того, сколько человек на земле делает добра...»

В последний день моего первого путешествия я познакомилась с Екатериной Евсеевной, о которой уже немного писала выше. Её дом стоит на окраине деревни Антипиной, дальше тянутся поля и леса. Её мне рекомендовали как знатную песенницу. Я доходила до конца деревни несколько раз, её дом весь день был на замке. Потом оказалось, что каждый раз мы встречались по дороге, но никак не могли познакомиться. Екатерина Евсеевна в тот день разносila и продавала православные календари, взяв на себя такую миссию по поручению духовного отца. Эта роль, явно свидетельствующая о её религиозной приверженности, никак не вязалась с её причёской – очень коротко подстриженными волосами, при этом, конечно же, укрытыми под платком. Екатерина Евсеевна тоже держала пост, поэтому на обед у неё были только ка-пустные пельмени. Несмотря на строгое время, она спела мне пару весёлых

д.Верх-Язьва. Заколодка Анна Николаевна читает молитву (2009).

песен и частушек. Екатерина Евсеевна – очень живой и задорный человек. При воспоминании о прошлом в её памяти прежде всего всплывают различные юмористические случаи. Например, такая история: «А бабушка у нас тёмна была. Она в Верх-Язьве ни один раз не была в жизни. И вот одна Ваньковская пришла в тапках. И пьяна-то тапки потеряла куда-то. На завтра-то ходит и ишшет. Ходит и ишшет: «Где тапки?» А бабушка наша говорит: «Может, собака съела?!» Она не представляют, чё тапка-то! Раньше же коты носили да и всё». Церковь Екатерина Евсеевна посещает только по некоторым праздникам. В её жизни сочетается поддержание религиозных норм с народными суеверными обычаями и современными формами жизнедеятельности. Зная о греховности гаданий, она всё же посетила «экстрасенса» в городе Крас-

новицкое, а после исповедалась священнику и отмолила епитимью. Свообразны её рассуждения о просмотре телевизора и об употреблении спиртных напитков: «Я говорю, я безобразные-те картины да чё не смотрю. Я смотрю новости, вести. Ну, и картины, которые интересные, смотрю. А не велит бы. А как я буду? Если я никуда не пойду, я дома сижу. Мимо меня никто не ходит. Я иногда и не смотрю, но включу, да там слышу, что боргают, чё-то делают. Спросил же сё годы: «Телевизор смотришь?» Я говорю, смотрю, куда я деваюсь, не буду смотреть. А ругивал, а сём году только спросил и всё. А спросил: «Пьёшь?» А раньше-то и пила, не спрашивал. А я говорю, я теперь уж шибко старая. Но, говорю, где-то пойдёт, мало ли, где-то соберёмся чё ли ко, стопарик-от я выпью». Долгое время религия была под запретом. Многие и теперь приходят к ней только в зрелом возрасте. Но чувство веры у язывинцев как сейчас, так и прежде впитывается с раннего детства. Так же было и в жизни Екатерины Евсеевны: «А мы уж как учились, тогда шибко запрещали божественно-то. Отец нам никогда не говорил, а он дома-то мало и находился. А мама поставит нас всех, и вот твердит этот начал-то, а мы за ней повторяем, делаем».

Интересное сочетание пореформенного православного течения и древлеправославной веры сложилось в жизни Анны Николаевны Заколодкиной из села Верх-Язьва. Население села неоднородно по религиозной приверженности. До 1930-х гг. в Верх-Язьве стоял православный Христорождественский храм. В православии был крещён её муж, а затем их уже взрослые дети. Себя Анна Николаевна считает старообрядкой. Это была вера её родителей, проживавших в близлежащей у Верх-Язь-

вы деревушке Пановой. Хотя, как она сама говорит, ещё двадцать лет назад была атеисткой, верить тогда было запрещено. Сейчас Анна Николаевна посещает древлеправославную церковь, когда случается возможность – и «никонианскую», в последней поминает умершего мужа. Имена всех умерших знакомых она записывает в две тетрадки, в первую – старообрядцев, во вторую – «иноверцев». Поминает тех и других в известные православные родительские дни. Она знает и понимает разницу между двумя течениями, в своих действиях разделяет их ритуальные сферы, но одновременно сама собой становится субъектом их сочетания и объединения.

Ещё хочется отметить, что среди язывинцев широко бытуют различные рассказы о нечистой силе, обитающей в доме, на реке, в лесу, представления о колдунах и порче. Прежде в деревнях проживали старушки, которые «со словами» лечили людей от различных недугов. Многим из пожилых коми-язывинцев известны календарные и хозяйствственные магические ритуалы. Например, при пропаже скота в лесу, нужно прокричать рано утром его имя в печную трубу, тогда он вернётся домой. Неспокойного, сильно ревущего ребёнка сбрызгивают водой над печной заслонкой. От глаза ребёнка кадят дымом подстриженных у него же волос. Хотя встречаются некоторые люди, отрицающие существование нерелигиозных обычаем и поверий или не желающие говорить о них, считая эти разговоры проявлением греха.

Коми-язывинский язык. В современный период, в начале XXI века, коми-язывинский язык сохраняется в бытовом употреблении преимущественно среди старшего поколения. В семье Оли Паршаковой на родном языке общают-

ся бабушка Пелагея Яковлевна со своим сыном Александром Андреевичем. Татьяна Николаевна и дети язык понимают (среди младшего поколения лучше всего Настя, которая больше времени проводит с бабушкой), но не говорят. Родители с детьми общаются только на русском языке.

В течение нескольких лет в школах д. Паршаковой, с. Верх-Язва и п. Северный Колчим проводятся факультативы и уроки коми-язывинского языка. На уроках заметен сильный отрыв молодого поколения от старшего во владении родной речью. Детям приходится изучать не только фонетические, орфографические и грамматические правила, но и запоминать лексику, учиться произносить отсутствующие в русском языке звуки. Для них он уже кажется незнакомым и чужим. При этом некоторый интерес к языку заметен у детей, но применение его ими ограничено школьной программой. Вне школы, среди сверстников и в семье они общаются только на русском языке. Совершенно противоположная картина была несколько десятков лет назад, когда дети приходили в школу не зная русского, а на родном говорить им запрещали¹. «Мне стало семь, пошла я в школу, в холшовом платье и в котах, слово русское не знала, с коми-язывинским в устах» – говорит о своём детстве Анна Николаевна Заколодкина.

Язык коми-язывинцев, несомненно, очень своеобразен и красив. Интерес представляет как их коми наречие, так и русское. Кажется, старшему поколению одинаково легко говорить на обоих из них. В язывинской речи используется много русских слов. И большинство населения в настоящее время отдаёт предпочтение русскому. Их акцент русского языка, кажется, менее вы-

¹ См.: Чагин, Шестакова, указ. соч., с. 29–30.

разителен, по звучанию мягче, чем у жителей Коми-Пермяцкого округа. При этом им присущи те же фонетические особенности (замена букв «ф», «х», «ц» на «п», «к», «ч»), путаница рода слов.

В первой моей поездке, целью которой был сбор фольклора на родном языке, возникли небольшие трудности при его записи. Язьвинское наречие отличается от коми-пермяцкого не только звуковым строем, но и системой ударений и несколько отличительным словарным составом (например, кёч – коми-пермяцкое, нимол – коми-язьвинское ‘заяц’). Одной из сложностей было понимание. Язьвинские старушки не понимали моего коми-пермяцкого, а я в первые дни не разбирала, наверно, одну четвёртую часть их речи. Видимо, подобные попытки общения с язьвинцами были у моих предшественников коми-пермяков. Об этом повествует один из эпизодов жизни Ефросиньи Терентьевны Паршаковой из д. Антипиной: «...Коми-пермяк он был, из Кудымкара. Тоже посадили его. Ну, и бабушка приехала туда. К нам она пришла на квартиру-то жить. Мы стали чё-то разговаривать, у нас мясо – косок, а у вас – яй. Вот она и спрашиват: «Почём у вас яй?» Мы: «Яйца что ли?» Ничё не умеем. Потом чё-то раскумекали. Неделю что ли она пожила у нас. А мы не понимали, что это». Похожая история была у Анны Архиповны Паршаковой из д. Ванькова: «А вот кудымкарцы раньше, я помню, ремесленники здесь работали, моего возраста тоже были. Начнём чё-то балякать. И такое чё-то будет говорить ишибко быстро тараторит, и я ничё не понимаю».

Нелегко было также заставить некоторых старожилов говорить на родном языке. По привычке, а также, видимо, считая, что я плохо их понимаю, их речь постоянно с коми-язьвинского

перетекала на русский язык и обратно. Собственно коми-язьвинский фольклор представлен в основном прозаическими жанрами. Песниются ими русские. Сохраняется на родном языке только несколько текстов частушек. На русском проговариваются многие детские прибаутки, заговоры и произведения малого жанра.

Межэтнические взаимоотношения. Долгое время межкультурный и межэтнический диалог у коми-язьвинцев проходил в большей степени только с окружавшим их русским населением. Уже в конце XIX в. Севери Нюман пишет о том, что в Верх-Язье проживало только несколько пермяков и те уже были почти полностью обрусевшие¹. Редкие встречи во время дальних охотниччьих промыслов в верховьях рек Вишеры и Язвы случались с vogulами (манси)². Контакты с ними продолжались и в начале XX в. Иногда манси сами заезжали в язьвинские деревни к своим знакомым. Дружил с ними и отец Екатерины Евсеевны. С детских лет она помнит об их приезде: «К нашему папе приезжали. Два оленя остановились. Сани у них как нарты, лёгкие. Одежда сшита из оленьих шкур. Да всё красиво шито. Приходил к нам на квартиру». Связи с родственными народами коми, по-видимому, были слабо устоявшимися, примеров общения с ними в течение XX в. немного. При этом, случайные встречи с близкими по языку людьми, по-видимому, для язьвинцев были значимы, они всегда о них помнят.

В XX столетии на северных территориях Пермского края были сосредоточены поселения и лагеря раскулаченного и ссыльного населения. В язьвинских деревнях в тот период появляются смешанные в национальном составе се-

¹ См.: Чагин, Шестакова, указ. соч., с. 44.

² См.: Лыткин, указ. соч., с. 11–13.

мы. Так, по рассказам Анны Ивановны Антипиной, в девичестве Оганович, 1936 года рождения, её деда-белоруса выслали вместе с семьёй в северные края, отцу в то время было всего четырнадцать лет. Современный состав жителей в основном представлен потомками прежнего местного населения.

Этническая самоидентификация. Об особенностях самоидентификации коми-язывинцев уже написано немало. Отправляясь к ним в первый раз, я имела глубокое убеждение, что еду к родному народу, к его группе, которая только проживает чуть-чуть в стороне, говорит несколько иначе и по-другому исполняет религиозные обычаи. Последний из перечисленных пунктов казался тогда наиболее важным по степени неизвестности, так как с вариантами коми языка мне приходилось встречаться и прежде в разных районах Коми-Пермяцкого округа и у зюздинских пермяков. Но расспросы язывинцев об их этничности и попытки говорить на родном языке всё больше и больше противоречили моей точке зрения: они отрицали общность с коми-пермяками, не стремились понять мой и показать свой язык. Из тринадцати опрошенных мною бабушек в разных деревнях девять человек называли себя русскими, двое – пермяками, одна – коми-пермячкой и одна – коми-язывинкой. Главным критерием идентификации они считают запись в официальных документах: «Нас всегда русскими писали, русские и есть». Некоторые затрудняются определить свою этничность и называют её с оговоркой: «Мы коми-язывинцы. А по национальности записывают русскими. А кто мы, сейчас у нас коми-язывинцы если?»¹ Свой язык многие называют пермяцким, а кроме этого единичными ответа-

ми были – русский, коми и коми-пермяцкий. Порой отмечают смешанный характер языка: «А кто его знат, какой у нас язык-от. Половина по-русски. По-пермяцки говорим. Некоторые слова не скажешь по-пермяцки»²; «Только у нас какой-то смешанный язык такой, не поймёшь. А много есть русских слова-то в нашем-то разговоре»³. Или указывают на билингвизм: «Родители все по-русски говорили у нас и по-пермяцки говорили. Как и дети сейчас у нас все: и по-русски говорят, и по-пермяцки»⁴.

Разговаривая с местными учителями о понятии идентичность, я провела с ними небольшой тест, посвящённый народному менталитету, социальным, психологическим качествам народа. Причём, я попросила отметить качества, присущие как коми-язывинцам, так и русским. В результате оказалось, что они отметили много отличительных между ними и собой черт. То есть, несмотря на язык, они себя с русским народом полностью не идентифицируют. В отличие от русских для язывинцев, по их ответам, характерны терпимость, низкая самооценка, коллективизм, а для русских – недоверчивость, высокая самооценка, талантливость, национальная гордость. Тот же тест написали бывшие в то время со мной преподаватели Пермского педагогического университета относительно коми-пермяков. Получилось, что коми-язывинцам и коми-пермякам присуще много общих качеств (простота, терпимость, закомплексованность, гостеприимство, коллективизм и другие). Характерными язывинцам и русским, но не свойственные коми-пер-

² 2005 г., д. Антипина, зап. от А.И. Антипиной.

³ 2005 г., д. Ванькова, зап. от А.А. Паршаковой, 1939 г.р.

⁴ 2005 г., д. Ванькова, зап. от П.Я. Паршаковой, 1934 г.р.

¹ 2005 г., д. Паршакова, зап. от М.П. Паршаковой, 1939 г.р.

мякам, оказались такие качества, как смелость и смекалка. Эти результаты, конечно, относительны, так как количество опрошенных было небольшим, тем не менее, они отражают воззрения части народа.

Уже перед отъездом в последней поездке с моими коллегами Иваном Алексеевичем Подюковым и Екатериной Сваловой мы общались с Иваном Ивановичем Антипиным. Беседовали об охотничьем промысле и других местных традициях. В этот раз я уже не задавалась вопросом о его этническом самоопределении, но всё равно мы на него вышли. Говоря о языке, Иван Иванович сказал нам: «Мы коми-язьвинцы. Смешанный язык. Точно никто не знает, откуда мы произошли...» Рассказывая об охотничьих приметах, он не мог вспомнить слово «мягкий» на родном коми наречии (так характеризуют «неурочливого», «лёгкого» человека). «У нас мягкий – небыт», – сказала я. «Вот, нибёт! Ты коми что ли? У нас Мальцев учился в Кунгуре, тоже с Кудымкара...» – тут же вспомнил он. Глаза его сразу загорелись. Потом он рассказал, как со своим знакомым коми-пермяком они сравнивали слова, и, оказалось, что «как у вас, так и у нас тоже» говорится. Затем в ходе разговора он то и дело проверял сходство наших слов. «Лок татчё – что это?» – «Иди сюда». – «Во-о! Правильно! Всё сходит-ся!» – почти с детским восторгом радовался Иван Иванович. Слова обычно совпадали, и он каждый раз, не различая звуковых отличий (например, озягёд

д. Ванькова. Иван Иванович Антипин показывает шкурку норки (2009). Фото И.А. Подюкова.

и ўрсягёд ‘землянику’), весело подтверждал: «Правильно! Правильно!» Правда, один раз всё-таки отметил: «Буквы все те же, но ударение у тебя не так». А когда не знал варианта слова на своём языке (например, названия морошки), предполагал, что, наверно, в прошлом тоже было собственное коми-язьвинское слово, похожее на коми-пермяцкое.

Перед расставанием с язывинской землёй было приятно осознавать, что всё-таки у местных жителей сохраняется любовь к своему языку, интерес и любопытство к родственным народам. На самом деле это только начало знакомства с их народной культурой, которую нужно изучать и о которой можно ещё много чего рассказать. Большое спасибо всем язывинцам, уделившим мне внимание и доверившим свои мысли, воспоминания и истории жизни, а также всем участникам наших общих путешествий на Язьву (О. Паршаковой, А. С. Лобановой, О. А. Поповой, И. А. Подюкову, Н. Б. Лапаевой, Е. Сваловой).

Список информантов

д. Антипина. Антипина (Органович) Анна Ивановна, 1936 г.р.; Паршакова Парасковья Гавриловна, 1935 г.р.; Елизавета Савиновна, 1925 г.р., родилась в д. Паршаково; Чеботарёва Анастасия Петровна, родом из д. Заполье; Паршакова (Белькова) Ефросинья Терентьевна, 1928 г.р., родилась в д. Аксёново; Антипина Анна Ивановна; Собянина Екатерина Евсеевна, 1928 г.р. (2005 г.).

д. Антипина. Ванькова Надежда Мартемьяновна, 1938 г.р. (2009 г.).

д. Ванькова. Паршакова Пелагея Яковлевна, 1934 г.р.; Антипина Евдокия Апполинаровна, 1925 г.р., родом из д. Егорова, Антипина Антонина Ивановна; Полина Гориновна, 1933 г.р.; Антипина Наталья Власовна, 1926 г.р., родом из д. Бетлянская; Антипина Татьяна Макаровна, 1934, родилась в д. Федково; Паршакова Анна Архиповна, 1939 г.р.; Антипина Полукея Ивановна, 1935 г.р. (2005 г.).

д. Ванькова. Антипин Иван Иванович, 1938 г.р. (2009 г.).

с. Верх-Язъва. Заколодкина Анна Николаевна, 1936 г.р.; Кичигина Елена Мартемьяновна, 1938 г.р.; Собяннина Галина Макаровна. (2009 г.).

д. Заполье. Паршакова Параксавья Егоровна, 1928 г.р., родом из д. Антипиной. (2005 г.).

д. Паршакова. Паршакова Марфа Петровна, 1939 г., Паршакова Ксения Петровна; Ваньков Евгений Григорьевич. (2005 г.).

Источники и литература:

ПГКА – Пермский государственный краевой архив. Ф.613, оп.3, д.91. А.Ф. Теплоухов. Обзор данных о географическом распространении Пермяков. Материалы для составления этнографической карты Уральской области // Оттиск из Записок Уральского общества любителей естествознания. – Т. XL. – Вып. II. – Екатеринбург, 1926.

Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. – М.: АН СССР, 1961. – 227 с.

Сморгунова Е.М. Старообрядцы Верхней Язывы: особая языковая ситуация // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1992. – С. 157–162.

Чагин Г.Н. Язывинские пермяки: История и традиции. – Пермь, 1993.

Чагин Г.Н. Пудьвинская лавра // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург, 1997. – С. 168–173.

Чагин Г.Н. Проявление самосознания коми-язьвинцев в ситуации «своё-чужое» // Г.Н. Чагин. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии. Избранные труды. – Пермь, 2002. – С. 113–115.

Чагин Г.Н., Шестакова Е.Н. Современное состояние этничности у коми-язьвинцев (По материалам социологического исследования). – Пермь: издательский дом «Пресстайм», 2006.

Шабаев Ю.П. «Новые идентичности» у финно-угров как политические инструменты // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 1. – С. 13–27.

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ. ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Марина Сизова

Сизова Марина Юрьевна. Выпускница Сыктывкарского государственного университета финно-угорского факультета, обозреватель краевой газеты «Пермские новости», лауреат всероссийских журналистских конкурсов.

Тематика публикаций – политика, права и свободы человека, скандалы, расследования, судебные репортажи, криминал, краеведение.

Василий Климов: «Ме шуда морт»

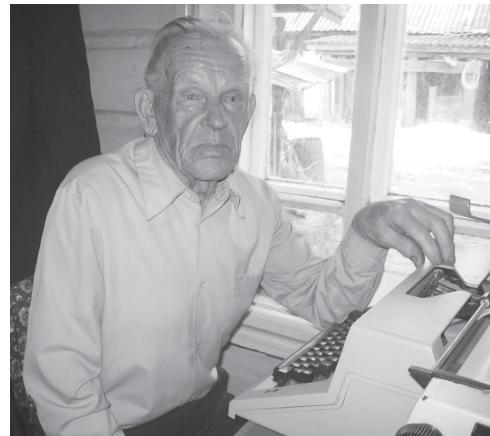
*Жизнь! Ты душу мою обжигаешь:
Нынче – радость,
А завтра – беда.
Всё торопишь меня,
Погоняешь.
А – куда?*

Весёлый оранжевый дом, словно заигравшись в прятки, затаился на краю деревни Заречный Пешнигорт, возле самой опушки леса. От новой поленницы во дворе веет чудным запахом свежеколотых дров. В окончке, за белыми шторами, в чистой и опрятной горнице, щурится от весеннего солнца и мурлычет от удовольствия Чыско, подставляя свой полосатый живот длинным пальцам хозяина – худощавого седовласого старика с прямой спиной и тёплым взглядом.

Хозяина Чыско называют живой легендой коми-пермяцкой литературы, но старик лишь смущённо разводит большими мозолистыми руками: «Ну разве я похож на легенду? Вы посмотрите на меня – обычный деревенский мужик!»

Среди жителей села Пешнигорт Кудымкарского района, к которому примыкает деревня, раскинувшаяся по другую сторону реки, бытует красивая легенда: между тремя высокими, могучими и древними соснами, раскиданными по селу, якобы зарыт богатый клад. Не один человек嘗試ался найти этот клад в заколдованным треугольнике. Однако спрятанные богатства никому не давались в руки. Возможно, эта легенда зародилась после того, как в мае 1853 года житель села

Егор Зубов при вспашке поля наткнулся на сокровища – большое серебряное ведро с серебряными сосудами. Но клад не принёс крестьянину большого счастья: он продал вещи неизвестным людям за бесценок и спился. Но вот ежели кому заветный клад – нет, не с серебром, богаче, дороже, ценнее! – точно дался в руки, так это коми-пермяцкому писателю и этнографу Василию Климову, который уже в течение полувека собирает сказки и предания родного народа.

Василий Климов.

Так положено!

«Люди бывают хорошие и плохие, богатые и бедные, счастливые и бесталанные. А я какой-то иной, не из тех, внemerный, что ли», – говорит о себе Василий Васильевич.

И объясняет: «это, видно, потому, что был рождён в чёрной бане, «введён в жизнь по обряду чудских знахарей». Четырёхлетний Вася хорошо помнит, как родилась его младшая сестрёнка Маня. Мама в тот день работала в поле, и бригадир её насили у отослал домой: «Ты что, как корова хочешь родить в лесу? Беги давай быстрее отсюда». И только-только успела прибежать бабушка, за которой мама послала маленького Васю, из бани раздался писк.

Через какое-то время устроили «кашу». Новорождённую семь раз «выводили из бани» (мыли). Пригласили бабку-повитуху, подарили ей «кык гос сос» и сладости. Выпили квасу, съели молочную кашу, Вася точно не помнит какую – то ли яичневую, то ли пшёнку. И бабушка, поглаживая голову Васи, объясняла: а вот когда ты родился – пили вино, и повитухе дарили не ситец, а что погрубее – холщовый материал. «Почему так?» – удивился мальчик. «Так положено». Мальчик взросел, и свыкался с «так положено».

Так положено: если малыш капризничает и часто болеет, он считается «подменённым ребёнком», в таких случаях его уносят в баню или хлев (где он рождён), накрывают корытом для стирки белья и начинают топором постукивать по дну корыта, угрожая чудам, требуя, чтобы они вернули настоящего младенца. Так положено: чтобы лён рос высоко, при посеве хозяева заставляют ребят бегать по участку и прыгать как можно выше.

Так положено: если богатые родители невесты узнали, что их дочь собираются сватать за бедняка, то на воротный столб, где кольцо для коновязи, вешают рваную завёртку или лапоть, намёк сватам, чтобы не беспокоили.

Ну положено, так положено. Любопытно, занятно, но не важно, – считал в то время подросток. Тогда он ещё не предполагал, что сбор фольклорных и этнографических материалов станет делом всей его жизни. Делом, к которому его словно подталкивала сама судьба.

Горькая правда

Вообще-то, Вася с детства считал себя неудачником. Не везло ему катастрофически: «и тонул, и висел, истекая кровью, на обрубке суха, зацепившись под мышкой, и по лесу плутал».

В 11 лет остался без отца. Мама стала инвалидом. В семье шестеро детей, как прокормить такую большую ораву? Единственная радость – школа. Учителя мальчика хвалили, учился Вася на четвёрки и пятёрки. За отличную учёбу даже в единственный в округе в пионерлагерь в Куву отправили. Директор школы подарила мальчику тапочки (без них в лагерь не принимали) и трусы (Василий Васильевич подозревает, что она сама – ему, сопливому мальчишке, сшила их).

Уже в школе Вася пробовал написать свои первые стихотворения. Нет, не про любовь. Точнее, про любовь, но к родине. Отправил свои опусы в «Пионерскую правду», каждый выпуск которой зачитывал до дыр, особенно нравились ему детские стихотворения. Вскоре из редакции пришло письмо. «Помню, такое деликатное и вежливое. Содержание примерно следующее: замечательно, что я начал писать стихи, но не помешало бы немного подучиться. Один из главных недочётов: перепутан мужской и женский род. Я тогда не так хорошо знал русский язык, а в моём, родном, коми языке – нет «он-она-ono», нет родов», – объясняет, улыбаясь, Василий Васильевич. После того письма из «Пионерки» Вася долго ничего не писал.

Невезучий

После окончания восьмилетки в 41-ом снова – полоса неудач. Хотел стать трактористом – не вышло. Эта мечта сбылась лишь спустя полвека, когда Василий Васильевич купил себе трактор. Поступил в педучилище, и снова невезение! Мама купила сыну-студенту, всем на загляденье, новые валенки. Сын натёр мозоль, в рану попала инфекция, и Васе чуть было не отрезали ногу. Только стал идти на поправку, обнаружилось, что у первокурсника вдобавок ещё и скарлатина.

Позже от училища вообще пришлось отказаться. За учёбу надо было платить немалые для семейного бюджета деньги, сперва Вася учился бесплатно благодаря справке из военкомата, что он находится на иждивении старшего брата-фронтовика. В августе 42-го года брат погиб под Сталинградом, военкомат наотрез отказался выдавать какие-либо справки, платить за учёбу стало нечем.

Тогда Вася чуть было не стал артистом. Даже был принят в пермскую студию, да помешали... лапти.

«Я лихо прочитал перед комиссией пушкинского «Петра» и «Песнь о буревестнике» Горького. Изобразил рыбака. И меня приняли! Но на учёбу я не поехал, застыдился. Ни ботинок, ни красивой одежды у меня не было, одни лапоточки да шабур. С лица, говорят, воду не пить. Но тогда я этого не знал», – снова улыбается Климов. Пришлось ему вернуться в Пешнигорт, в колхоз.

Как министры кабалу лешему писали

«Придётся писать кабалу лешему», — однажды заявил дед Егор Васе после безрезультатных поисков пропавшей коровы.

Почти всю войну Вася проработал в колхозе. Зимой — на извозе. Фураж до ферм довезти, продукты и одёжу — до Менделеево, до железнодорожной станции для отправки на фронт. Летом — «министром», так в деревне шутливо называли пастухов. «Меня определили к деду Егору. Это был древний и дряхлый старик, весь заросший бородой и волосами, но удивительно крепкий духом. «Кык пай сыло добро тыс дёнзьёма», — с благодарностью вспоминает его Климов.

«А чем же мы писать-то будем? Ни ручки, ни бумаги», — удивился Вася. «Бери кочедык (шило для плетения лаптей) и пиши им на бересте буквы справа налево», — учил мальчишку неграмотный дед Егор.

Прощение составили в трёх экземплярах, две исписанные бересты повесили на сучках деревьев, третью положили на пень. И гостинец дед Егор не забыл: скрутил лешему цигарку табака. Надо бы, конечно, пирог с мухоморами или поганками оставить, так ведь где его возьмёшь, пирог-то?.. И ведь угодил дед Хозяину леса! Не сразу, но через несколько дней нашлась-таки бурёнка! Нашли её обезноженной и изголодавшейся. Чудное дело: она слизала вокруг себя всю траву, сколько смогла достать, сжевала даже веточки! По всему периметру вокруг неё оставалась лишь голая земля. Корову быстро погрузили на телегу и повезли откармливать на ферму.

С той поры старому и малому ещё не раз пришлось писать прошения лешему. Но помогал вэрись (леший) министрам не всегда. Бывало, что и теряли коров. А в военное время — за такую оплошность могли и посадить. Но, слава Богу, обошлось. Дед Егор научил смыслёного мальчишку многим жизненным премудростям: и лапти плести, и леса не бояться, и знать повадки чудов.

«Смотри-ка, парень, не зевай, а то в рот икотка залетит!» — добродушно дед покрикивал порой на своего подпаска. Подросток в испуге сразу закрывал рот рукой. А вдруг и вправду залетит?.. Будешь потом мужским басом материться на всю деревню или того хуже — женским голосом песни печальные голосить. Сраму не оберёшься.

Икоткой в Коми округе называют существо, которое может поселиться внутри любого человека. И тогда человек может говорить не своим голосом, совершать не свойственные ему поступки, реже — прорицать, предсказывать. Пока дед Егор не рассказал об икотке, Вася и не замечал: оказывается, в их Кудымкарском районе чуть ли не каждый второй с икоткой живёт.

«Если б знал, как это важно, ни одной побасенки деда Егора бы не упустил! Всё до словечка бы записал!» — жалеет сейчас Василий Васильевич. Один раз паренёк сам встретился с чудом. Спал в шалаше, проснулся, смотрит: дед Егор лапти плетёт на колодине. И в то же время вдруг услышал вдалеке «Тпру-тпру!», как тот же дед Егор погоняет коров и лошадей. Вася снова посмотрел на колодину, а деда и след пропал!

И вот что самое удивительное. Пройдёт лет пятьдесят-шестьдесят, не одну быличку, не один рассказ после этого услышит и запишет Василий Васильевич про чудов, а сам в них — не поверит. «Людям верю, что они их видели, а сам в то,

что есть ва чуддэз (водяные), вёрисьез (лешие), баня чуддэз – не верю. Для меня Бог – это природа. Я – атеист, но что-то языческое от прадедов всё-таки осталось. С баней, с деревьями, с ветром порой разговариваю. Может, старческое?...» – подтрунивает над собой писатель.

Через несколько лет, уже после смерти деда Егора, Василий напишет повесть – «Гавкалён бедь», пожалуй, своё единственное на сей день автобиографическое произведение – о жизни своей деревни во время войны, о голодном детстве, о «министерских» подвигах. Одним из главных героев своей повести он сделает своего односельчанина Егора Михайловича Зубова – деда Егора, и включит в повесть девять его сказок и преданий. «Эн мызд, дак кывзы нё, чожажык кадыс кытас. Вот кывлі ме сэтшом висыт...», – через года словно снова он слышит вкрадчивый и спокойный голос своего наставника.

И вот уже не один Вася, несколько поколений школьников взахлёб зачитываются Егор дедлён висыттэён (рассказами деда Егора). Дед Егор продолжает жить на страницах книги. Так и кажется, что вот-вот увидишь в Пешнигорте старика, как он, «чукылькодь кока», идёт «съёкыта да валькыта — мёссэзсянь, тыдалё, велалёма», покусывая травинку, весь пропахший луговыми травами и запахом парного молока.

В лаптях – до неба!

Полоса невезения продолжалась. Василию страсть как хотелось поработать на конной жатке-самосборке (самая сложная в то время уборочная машина). Но в первый же выезд в поле, когда тридцать девушек проложили серпами проезд во ржи, почтальон вручил повестку – явиться на пункт отправки в воинскую часть.

«А потом восемь лет солдатчины – разве везение? Без меня бабушку и дедушку похоронили. Любимая девушка меня не дождалась. Сплошное невезение», –казалось тогда Василию.

Даже мелочи досаждали: кудымкарские новобранцы приехали в Пермь в лаптях, пока Климов дошёл от Перми-II до Бахаревки, где располагалась часть, пол-лаптя, как на грех, отвалилось. И всё же, верилось, что хоть одна мечта да сбудется: впереди авиаучилище, впереди – небо. Безумно мечталось стать лётчиком. В тридцатых годах в Кудымкаре открыли аэродром. Так мальчишки пешком бегали за несколько километров к лётному полю! И часами ждали, когда из Перми прилетят самолёты. Но и тут удача отвернулась от молодого солдата. «После войны вышел приказ – лётчик должен иметь среднее образование, а у меня всего восемь (на самом деле семь с половиной классов). В общем, лётчика из меня тоже не вышло. Из училища не отчислили, но перевели в автомеханики».

Не артист, не тракторист, не лётчик, словно судьба берегла его для не менее важного, но другого дела.

Не бывает худа без добра. Чёрная, невезучая полоса в жизни будущего писателя закончилась после возвращения домой из армии и... свадьбы.

Дотянуться до жены

Так вышло, что большую роль в его жизни сыграли женщины. Бабушка с мамой и жена. «По внешности я – копия отца. Он был спокойный, работящий. Эти качества я тоже от него перенял. По отцовской линии мне перешли плотничьи способности. Свой дом я построил сам. И многим в деревне помог отстроиться. До сих пор люблю плотничье дело.

А вот характер мой из-за ранней смерти отца сформировался под женским воспитанием, – не скрывает Климов. – Да и писателем я стал благодаря своей жене.

Наших невест фронтовики расхватали. Они раньше пришли. А я вернулся из армии в 52-ом. Нашёл такую, которую фронтовики забраковали, они своих ровесниц считали старушками, женились на молодых. Так и получилось, что они женились на наших ровесницах, а мы – на их. Жена меня старше на четыре года», – посмеивается Василий Васильевич, глядя в сторону своей жены, Клавдии Ивановны.

Познакомился со своей будущей женой Вася, когда возвращался в часть из отпуска, в кузове попутной машины. Стояла зима с уральскими морозами, мела выюга, машина по бездорожью шла медленно, со скоростью ежа, было так холодно, что молодой солдат, чтобы хоть как-то согреться, вставал и, держась за борт, бежал за машиной. В кузове, возле самой кабины, сидела девушка, плотно закутанная в тулуп. Понравилась она ему сразу: он – белобрысый и синеглазый, она – чернявка. Клавдия Ивановна сохранила все письма, которые Вася ей прислал за несколько лет. Первый сын родился через год после возвращения из армии. Сегодня у Василия Васильевича и Клавдии Ивановны – два сына, четыре孙女, пять правнуков.

Клавдия сразу после возвращения жениха из армии настаивала: иди, учись: у неё – высшее образование, у мужа всего восемь классов.

Но «мужик должен кормить семью!» – решил двадцатишестилетний Василий и устроился на ответственную работу – председателем районной плановой комиссии при кудымкарском райисполкоме. Решал важные вопросы – сколько посеять в этом году, к примеру, ржи или пшеницы, сколько тому или иному леспромхозу леса вырубить. Но проработал недолго – полтора года. «Жена отдала меня в школу рабочей молодёжи, потом – в педучилище, из которого я уже вышел с дипломом и почти интеллигентом и ровней своей ладе», – рассказывает Климов. После учёбы сначала устроился в окружную газету, затем пригласили на радио.

Будучи корреспондентом, объездил с командировками весь округ вдоль и поперёк. Тогда и начал записывать первые сказки, обычай и предания. Со временем это занятие вошло в привычку. Любимые районы – Кочёвский и Косинский, жителям которых больше всего удалось сохранить традиции и обычай коми-пермяков. Подготовил к изданию первую книгу «Коми-пермяцкой народной устной поэтической творчества». Позже она была переведена на русский язык и вышла под названием «Ошпель – медвежье ухо». Тогда же вышли его первые художественные произведения. Через четыре года, в 61-ом, перешёл в издательство, сначала корректором, потом – редактором. До выхода на пенсию, с 1977 по 1987 работал литературным консультантом Пермской писательской организации по округу. И всё это время ездил в экспедиции и собирая-собирал народную мудрость.

«Пена изо рта Перы-богатыря? Фи, какая гадость!»

Подъём в семь часов. Печку перво-наперво затопить. Печь торопит: мясо в чугунок, кашу в кастрюльку. С болезнью жены Василий Васильевич взял на себя роль стряпухи. Щи и каша через полтора-два часа готовы. К полудню Василий Васильевич садится за пишущую машинку. Больше и лучше всего пишется где-то перед ужином: часов в пять-шесть. Пишется не каждый день. По дому то одни хлопоты, то другие.

Василий Васильевич – писатель двуязычный, пишет как на коми, так и на русском.

Серьёзные вещи писать начал, конечно, на родном – коми языке. Среди своих переводчиков особо выделяет Виктора Астафьева. Астафьев перевёл по подстрочникам два его рассказа: «Хлеб и кровь» и «Сломанный крест».

«Мои художественные тексты переводили многие, но более близко, точно, колоритно – Виктор Астафьев. Именно он находил хорошие дубликаты, яркие, сочные русские слова». Произведения Климова переведены на многие финно-угорские языки: финны больше интересуются фольклором, венгры просят детскую литературу, эстонцы – стихи.

Приходилось встречаться и с цензурой. Один раз посоветовали убрать эпизод из военного рассказа, где герой – русский солдат – очень жестоко обошёлся с пленными. Он один из взвода остался в живых после ожесточённого боя, и когда увидел шеренгу громко говорящих и смеющихся пленных немцев, не выдержал, схватился за автомат.

В другой раз Климов писал очерк о бывшем бригадире соседней деревни, который в Польше попал в плен и позже сбежал. Посоветовали убрать эпизод с пленением: советский солдат не сдаётся в плен. Когда стал собирать фольклор, органов контроля уже не было. Но и тогда возникали казусы.

Один из рассказчиков, Иван Ярков, поведал неизвестный эпизод о Пере-богатыре. Когда Пера стал умирать, собрал возле себя соплеменников и сказал: «Как помру, у меня pena изо рта пойдёт. Вы возьмите её мизинчиком, съешьте, и к вам прибудет моя сила. Но не жадничайте. Если вы возьмёте больше – у вас будет адская сила, и вы перебьёте друг друга». После критики редакционной коллегии (содержание примерно следующее: фи, какая гадость! Это же не эстетично!) предание пришлось исказить: Пера якобы завещал просто прикоснуться к его телу.

Взлёты и падения коми-пермяцкой литературы

В сороковые годы национальная литература была подсечена на самом взлёте. Все знаковые фигуры оказались репрессированы. Ещё одна крупная чёрная полоса пришла в 90-ые годы, когда в окруже книги практически не издавались.

После того, как Коми округ зажил отдельным субъектом федерации, книг на родном языке стало выпускаться не в пример больше. С объединением в Пермский край снова застой: окружная писательская организация прекратила своё существование: семинары и встречи с читателями стали большой редкостью, каждый писатель живёт сам по себе. Климов надеется, что всё опять изменится. По

крайней мере, говорит он, писательское движение в последнее время активизировалось: Сыктывкар помогает в проведении семинаров и в продвижении коми-пермяцких писателей в литературное пространство финно-угорских народов, да и Пермь стала проявлять интерес.

Ещё больше Василий Васильевич надеется, что не наступит третья чёрная полоса. По всему краю закрываются ясли и детские садики, малокомплектные школы. Для Коми округа такая политика гибельна. «Надо с пелёнок рассказывать про культуру, прививать любовь к родному языку, в больших по численности школах и садах, где есть русскоязычные дети, коми язык почему-то уже не изучается. А без молодой «прививки» культура наша глухнет», – обеспокоен он.

И сам торопится жить. Жить для него – это писать. Писать не из-за денег. Какие тут деньги... Если будешь жить на одни писательские доходы – протянешь ноги. Гонорары – мизерны. И расценки практически одинаковы – что для начинающих писателей, что для «легенды коми-пермяцкой литературы». Выбирать гонорары для себя Василий Васильевич так и не научился, и уже, наверное, не научится. Если писать по молодости, где тщеславие вынуждало, где слава манила, сейчас движет мысль – успеть бы.

Цветные сны

«Очень часто я вижу цветные сны, – говорит Василий Васильевич. – Чаще всего снится, как я летаю. Разбегаюсь с горы и бросаюсь к Инъве, перелетаю через реку и назад – домой». (Хоть и во сне, но, получается, что всё же сбылась его мечта о полётах!)

Нынче, когда летал, Василий Васильевич заметил в лесу подснежники, такие хрупкие, такие нежные, с синевато-голубоватым переливом, казалось, что они тихо звенят от морозной весенней свежести. Проснулся с улыбкой на губах. Поворчал на себя, наяву – сам подснежник бы увидеть, не то что переливы, пение птиц бы расслышать – ни слуха, ни зрения, «износился» как старый пестерь. Далеко летать не тянет. Как только взметнётся за Парму – крылья становятся тяжёлыми. Тянет обратно к себе земля-матушка. А ему дальше и не надо. Он нашёл себя здесь – на родной земле.

«Несколько раз во сне видел горные массивы, рудники. И мы, почему-то с пермским писателем и моим покойным другом Николаем Домовитовым ищем драгоценности. И находим. Я просыпаюсь, а у меня перед глазами всё ещё стоит невероятно светлый и лучезарный блеск бриллиантов».

Сон, вероятно, вещий: свой клад Василий Васильевич уже нашёл. Искрится и играет в его стихах, рассказах, повестях, романах сочный коми язык. Лучезарной россыпью в ожерелье коми-пермяцкой литературы сверкают записанные им и переданные для других поколений легенды и предания.

«Только сейчас я начинаю понимать, что я – везунчик, – говорит Василий Климов. – Мне повезло с женитьбой. Мне повезло с работой. Я нашёл свою цель в жизни. Мне везло на хороших людей. Ме – шуда морт, я – счастливый человек!»

Василий Климов

Климов Василий Васильевич родился в д. Заречный Пешнигорт Кудымкарского района Пермской области. Работал в колхозе, в окружном радиовещании, книжном издательстве. После окончания Высших литературных курсов при Литературном институте (1967–71 гг.) работал литературным консультантом, возглавлял Коми-Пермяцкое литературное объединение. Член СП с 1966 года. Путь к сердцу читателя нашёл через устную народную поэзию. Его сборники «Коми-пермяцкое устное поэтическое творчество» (1960), «Сизимок» (Семилеток, 1965), «Ошпель – медвежье ухо» (1960), «Юкмёсын тэсь» (Толокно в проруби, 1976), «Кытчо тийё мунанто» – итог неутомительной собирательской деятельности. В.В. Климов — поэт, прозаик, фольклорист, автор романа «Гублян».

«Ме шуся коми...»

Тэ олан бы дыр

Тэ кывзан кёкёс – лёнь, кыдз мыр –
И лыддян, мымда кольччё овны,
А лыдыс кузь, и немись повны:
Эшё жыкруйтан дырся-дыр.

Тэ дыр бы олан, он бы кув,
Но кадлён тёлыс kortö-кисътö,
И вичку заптö ни масисsez,
А плотник – пёввез да кёртув.

Радейтан биок

Мыйсянь жё вына, мылаа да пёт
И мунас мича
горт миян – держава?
А сысянь, что дышётчытёг уджалам
И тэ, и ме
и донтамё, кыдз мамёс,
и ыбсянь, и заводсянь – пыр отсёт.

Радейты, донтны – юны чёсқыт шог –
Некин оз вермы тшёктыны:

Эд эстён –

Съёлёмат мамыт кольём зарни места,
Кытён поздісь радейтан биок.

Ме не философ – деревенской дед,
И юр шёрокё волькыт ни, дзик дыня,
Быдёс меряята аслам дзор аршинён
и шуа:

кин горт мусё оз радейт,

Оланыс сылён –
пёлабока, джыння.

Тулысся Микола

Микола чикнялёр:

туруныс –
Куканьлёр пидзёсви ни топ,
А чёжнас, дзодзогнас, туринас
Ошшасьё быд нюр и быд нёп!

А льёмпуыс!..

Эмёсь я кыввез,
Мед ошкыны льёмпулісъ выв?
Видзётан – и вывтырыт сылёр:
Не пу, а дзоридззеza ныв!

Природа тэрмасьё да пизьё:
Эд тулыслё дона быд час!
Мый сылёр, что каррэзын кризис,
Что бырсис Европын газ,
Что округлён ним мёдкодъяліс,
Что эз ло серпаса Оньков?!

Микола горалёр, югъялёр,
Вынсыётё быд ловъялісъ лов.

Поэзия йылісі кыв

Поэзия...

Кылыс – дзик бур сыланкыв.

Поэзия – мый сія лоö?

Съёлёмлон да ётёрлон ётласа кыв?

А может, – тёждом чизыр сола?

Да, сэтшомкодь правдаыс этаын эм,

И темаыс сія не учёт.

Поэзия – это олан радейтөм,

Мый шондісіянь тә пытшкө рудзё.

Поэзия – майлён дзоридза орсан,

И зарниа аррэлён гажыс,

А разумлён

ныжмытөм пурта нярьян,

Мый корзьём строкаэсö няжйö.

Поэзия – может, и мыйкё мёдік –

Дзирытжык да шонді кодь гажа,

Кинлökö – дзик лайкыт дютяннэзлён чывк,

Кинлökö – и нянься донажык.

Мам

Ботаси мамös: сувтіс одзам

Том мортён, дзик рисуйтөм ен:

Чужомыс зарни биён сотч...

– Ме локті. Тә видзчисин? Эн?.. –

А вовліс сія не мыччасыны –

Видзётны, тёдны, кызд да мый:

Уджала я? Ог я шогасылы?

Эз я нуждалён везыс кый?

Не пыр ме мамös берегиті...

И сія асьсо – тожё эз:

Эд мийö, дзез кынöммез, витён

Каттисим бердас, топ сирвеz!

Войнаыс мамös пурис-песіс,

Быд лёкнас вёвлі горшви пёт,

Майтчис няньтöг, совтöг, песттöг –

Эд трудоденъыс эз жольёт...

Вётаси.

Думанам мичами,
Дзик ёзийис син одзам масісь.
Кытчёдз тэ олан, олёр мамыт,
А сія – ловнымös шонтісь.

Быдсён я коми?

«...Скиффез сайын, ойланяс, олісö
гелоннез, будиннез, йирккез...»

Геродот

Ме шуся коми. А дед-бабö – киннез?
Висътасьё тай кузь кыла Геродот,
Что Кама пöлён олёмась будиннез,
Дак, может, ме – не чиг жё коми морт?
Эж ежели дед-бабö ны коласісь,
Сæk вирам олёр и будинской воть.
Не весь жё, натътö, менö рыт и асыв
Саридзö ыскöвтötлö вöрдлён додь!

Кызд вöлi, сiйö Шондi-айным тöдö^{и некöда}
Да скифской лыя мусыс – Камадор,
Но Му да Шондi – гозъя,
Оз осытö тайнасö, көть Еныс кор!

Тулыслö букет

Тулыс голльё!
Кылат? Одö?
Ме стариk, да кыла:
Лов ордалё, яндзим содё,
Но оз тырмы мыла
Шондi югöрсö видзчиcыны,
И югдандор чечча
Да лёз асывлісь дзоридззез
Тулыс одзё тэча.

Анна Истомина

Истомина Анна Юрьевна родилась 17 февраля 1964 г. в г.Кудымкаре.

В 1991 г. окончила Московский литературный институт им. А. М. Горького.

Печататься начала с 1981 года. Её стихи публиковались в советско-болгарском журнале «Дружба», еженедельнике «Литературная Россия», областных газетах «Звезда», «Молодая гвардия», удмуртском республиканском журнале «Кизили», Кomi республиканских газетах и журналах «Войвыв кодзув», «Коми му», «Бикинь»; литературно-художественных сборниках; в антологии «Современная литература народов России».

А.Истомина – член Союза писателей России. С 1993 по 2005 гг. работала главным редактором детского журнала «Силькан». С 2004 г. по 2007 г. – председатель Кomi-Пермяцкой писательской организации.

А.Истомина – автор четырёх поэтических книг:

«День рождения» (1986), «Корни и крылья» (1991), «Белые птицы» (1994), «Они придут...» (2003); двух книг для детей: «Страна Абу» (1997), «Мальчик из зеркала» (2008); исследовательской книги «Загадка чуди, или О чём рассказывают коми-пермяцкие предания и лексика, географические названия и фамилии Урала» (2005).

В 1997 г. за сборник стихов «Белые птицы» А.Истомина удостоена литературной премии общества М. А. Кастрена (Финляндия) за творческий вклад в развитие коми-пермяцкой литературы.

Биармия никуда не исчезала – это наша Парма

Книги известной коми-пермяцкой писательницы Анны Истоминой можно найти разве что на её родине – в Кудымкаре. Но, благодаря Интернету, сейчас их можно прочитать в любой стране. И всем тем, кто интересуется происхождением коми народа, его историей и языком, тайной племени чудь, хорошо известно творчество этой исследовательницы. «Как рождаются языки и народы?», «Загадка чуди, или О чём рассказывают коми-пермяцкие предания и лексика, фамилии и географические названия Урала» – эти и другие её работы я нашёл и прочитал во всемирной паутине. Связался по электронке с автором, познакомился, а, позже, приехав в столицу Кomi-Пермяцкого округа встретился с Анной Юрьевной на главной площади Кудымкара. Здесь, в сердце Пармы, на земле легендарного Кудым-Оша мы и поговорили о древних тайнах коми народа, об ариях и чуди...

– Анна Юрьевна, на родине вас знают хорошо, но в Республике Кomi вы не столь известны. Поэтому разрешите начать нашу беседу с несколько банального вопроса. Расскажите немного о себе. Кто вы, современный классик коми-пермяцкой литературы?

– Я себя классиком не ощущаю. Родилась я в 1964 году в Кудымкаре. После окончания школы работала в Перми – рабочей на заводе, и в Литве – рабочей в совхозе. Параллельно писала стихи и совсем немного рассказы, которые публиковались в местной прессе. В 1985 году поступила в Московский литературный институт, который закончила в 1991 году. Полтора года была корреспондентом газеты «Парма», затем организовала издание детского журнала «Силькан», в редакции которого проработала главным редактором 12 лет. Затем три года была председателем Коми-Пермяцкой окружной писательской организации. Сейчас, видимо, могу считать себя безработной, так как окружная писательская организация решила сливаться с краевой писательской организацией.

В Кудымкарских издаельствах вышло несколько моих книг: сборники стихов, повесть-сказка для детей и одно исследовательское эссе о чуди. Стихи публиковались также в разных СМИ, коллективных сборниках, антологиях в Сыктывкаре, Перми, Ижевске, Москве, в Эстонии и Финляндии. В 1997 году за сборник стихов «Белые птицы» стала одним из лауреатов литературной премии общества Матиаса Кастрена.

Со студенческих лет главным увлечением в жизни стали этимология и топонимики, в последние годы к ним ещё присоединилась этнография. Вообще, интерес этот заключается в попытке понять, как образовались языки и этносы вообще, и коми-пермяцкий язык и этнос в частности.

– Наверное, не ошибусь, если скажу, что ваш главный интерес – это чудь и арийцы.

– Чудь и арии – это «побочная» любовь, которая появилась из вышеназванного увлечения. Правда, тема чуди волновала меня всегда. Дело в том, что в Коми-Пермяцком округе существует огромное количество преданий о народе чудь, где говорится о том, что раньше чудь проживала в наших местах. О внешности чуди чаще говорится, что они были темноволосые и смуглые, невысокого роста. Иногда предания говорят, что чудь – это «наши предки», но чаще говорится о том, что у чуди был свой, не коми, язык. Из этого противоречия в преданиях я сделала вывод, что чудь – это одновременно и «наши предки», и в то же время – другой этнос. Ведь по Льву Гумилёву, этнос, так же, как человек, рождается от двух родителей. Видимо, чудь и стала одним из родителей. Интерес к ариям (в последнее время я стала умышленно избегать применение этого названия, так как в науке хотя и принято называть так индоиранцев, но нередко ариями называют индоевропейцев вообще) вырос также из моего увлечения этимологией и попыткой понять, как образовался мой родной коми-пермяцкий язык.

Не секрет, что нередко имеется множество общих черт фонетических, грамматических, лексических, в языках, относящихся к разным языковым семьям, в то время как эти самые общие черты отсутствуют в родственных языках. Например, слово нянь – хлеб, урожай – почти одинаково звучит в коми, китайском, фарси, хинди, курдском, казахском и киргизском языках. А эти языки из совершенно разных языковых семей. Поэтому я пришла к выводу, что представление о формировании языковых семей, которое нам даёт официальная наука, не совсем соответствует истине. В поисках собственного представления о формировании языков я решила сделать словарь лексических параллелей коми-пермяцкого языка. При

работе над ним выяснилось, что больше всего лексических параллелей коми-пермяцкий язык имеет, конечно же, в родственных финно-угорских языках. А далее следуют индоиранские языки. Лексических параллелей – одинаковых или схожих по звучанию и значению слов – в коми и индоиранских языках огромное количество! Больше всего меня поразил хинди. В хинди и коми языках некоторые слова звучат совсем одинаково, например, глаголы: «делать» в коми-пермяцком – «керны», в хинди – «карна»; «ковать» в коми-пермяцком «дорны», в хинди – «джорна»; «пахать» в коми-пермяцком – «гёрны», в хинди – «гарна» и ещё множество подобных примеров. Кроме того, в хинди и коми языках очень и очень много общего в фонетике и грамматике. Вообще, в финно-угорских и индоиранских языках очень много общего, а в коми языках особенно много. Здесь необходимо вспомнить и опубликованную несколько лет назад вашу версию о том, что коми письменность имеет индийские корни. Кроме того, многие географические названия, где, по преданиям, проживала чудь, не расшифровываются при помощи финно-угорских языков, зато их можно понять при помощи индоиранских. Поэтому, на основании языковых и фольклорных данных, я сделала вывод, что чудь была близкородственна индоиранцам.

– Во время переписи 2002 года несколько человек назвали себя «чудью». Любопытно, что этнонимом «чудь» называют себя как коми-пермяки, так и живущие от них на большом расстоянии вепсы. Так сохранилась ли сейчас чудь?

– Вообще-то коми-пермяки называют себя просто «коми», а если в разговоре назвать его «чудь», то он может принять это как оскорблениe. А в науке сейчас чудью принято считать всех финно-угров. И в этом есть доля истины. Считаю, что чудь действительно принимала участие в формировании финно-угорских народов, хотя и в разной степени. Посмотрите на типаж финно-угров: среди них есть очень тёмные и смуглые, а есть совсем светловолосые и «бледнолицые». Судя по территориальному распространению светловолосых людей, они сформировались и издревле проживали на севере или северо-западе Европы. Археологи считают, что примерно в третьем-первом тысячелетии до нашей эры с востока пришли новые племена. Видимо, это и была чудь. Ведь этот народ был, как подчёркивают предания, темноволосым и смуглым. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что это были племена, а не единый этнос, соответственно и язык их не был един, видимо, уже тогда они говорили на разных, хотя и родственных, языках. Придя в Европу, племена чуди перемешались с племенами светловолосых праевропейцев. Так образовались новые этносы. Если мы сравним коми языки с романо-германскими языками, то найдём тоже немало общего.

О том, что чудь принимала основное участие в формировании финно-угорских народов, говорит и восточный характер этих языков, основным показателем которого являются послелоги. Кстати, если ещё раз вспомнить о хинди, то в этом языке, хотя он и относится к индоевропейской семье, совсем нет предлогов, одни послелоги. В других индоиранских языках есть и предлоги, и послелоги, что также может говорить об их смешанном характере.

Интересным фактом, подтверждающим восточные корни чуди, может служить также большое количество лексических параллелей в китайском и коми языках.

По количеству лексических параллелей в коми языках, после финно-угорских и индоиранских, китайский язык занимает третье место. Это такие слова, как «инь» – в коми-пермяцком языке означающее «женщина», в китайском – «женское начало»; «ен» в коми языках означает «бог; небо», в китайском «ян» – «небо»; «нянь» – в коми языках «хлеб; урожай», в китайском – «урожай» и так далее.

Далее возникает вопрос о происхождении языков вообще. Был ли ностратический язык? Ведь к общему, ностратическому происхождению относят только шесть языковых семей: индоевропейскую, уральскую, алтайскую, кавказскую, симтохамитскую, дравидийскую.

А здесь я говорю о большом количестве лексических параллелей в коми и китайском языках. Но сино-тибетские языки лингвисты не относят к ностратической семье. Что это может означать? И что вообще может означать то огромное количество лексических и не только параллелей в разных языках, часто относящихся к разным языковым группам и семьям? Я сравнивала происхождение ста пятидесяти слов – названия основных частей тела, крайних точек пространства и времени, названия водоёмов, женское и мужское начала и так далее – примерно в сорока языках и пришла к выводу, что в Евразии в древности было два языковых полюса. На северо-западном языковом полюсе, условно назовём его так, корни слов преимущественно строились на звуках [в], [л], [б] – в глубокой древности, не исключаю, это мог быть вообще один звук, а на юго-восточном языковом полюсе корни слов преимущественно строились на звуках [н], [м], [нг] – и это был один звук. Что было между этими полюсами – языковой вакуум или лингвистическая непрерывность – язык, плавно видоизменяющийся на протяжении континента, когда все соседи говорят на одном языке, а крайние точки континента – на разных, пока твёрдо сказать затрудняюсь, но пытаюсь это исследовать.

– Существует мнение, что праотцом всех языков является санскрит. Вы согласны с этим?

– Действительно, с помощью санскрита мы можем расшифровать происхождение многих слов не только в индоевропейских, но и в финно-угорских, тюркских и других языках. Лексические параллели в коми языках: коми «турун» – трава, санскр. «таруна» – растущий; коми «гу» – яма, пещера, санскр. «гу» – пещера; коми «ныр» – нос, санскр. «нарка» – нос, коми «дыр» – долго, санскр. «дырга» – долго, коми «ан» – челюсть, санскр. «ану» – челюсть; коми «куньны» – закрыть глаза, санскр. «кань» – зажмуриться, закрыть глаза; коми «кор» – когда, санскр. «кари» – когда и много других примеров.

Но я не пытаюсь ни опровергнуть, ни подтвердить это мнение. Я исхожу лишь из того, что, чем древнее язык, тем он ближе по своей сути к праязыку человечества, если такой существовал. В этом плане санскрит для меня интересен тем, что в нём очень много синонимов и очень много омонимов и многозначных слов. Как появились синонимы, и что вообще лежит в основе появления новых слов – в санскрите это видно очень ярко. Например, санскритское «acīva» означает беда; плохой; «asī» – конь; быстрый; «arbhā» – мальчик; ребенок; маленький; «arusa» – заря; огонь; солнце; красный; «ayu» – человек; жизнь; живой. Здесь мы видим, что слово «человек» появилось как «живой», слово «конь» как

«быстрый», слово «ребёнок» как «маленький». То есть, в основе появления новых слов лежит признак. А признаков, как известно, у любого предмета или явления может быть очень много.

Многозначность, когда одно слово выражает совершенно разные понятия, часто даже противоположные, говорит о том, что изначально само по себе каждое слово, или корень, было практически всеобъемлющим. А причина этого в том, что изначально крайние точки пространства и времени обозначались одним словом. Это явление мы можем увидеть и в некоторых современных языках. Например, в коми языках корень «пон», «пом» означает и начало («пондытны» – начать), и конец («помавны» – закончить), а также вершину – «кероспон» и крайние точки предметов – «пызанпон». А вот причину того, зачем требовалось огромное количество синонимов при том, что один корень мог образовать все необходимые понятия, понять сложнее. Если заглянуть в современные языки, то наличие синонимов выглядит как след от разных языков, принимавших участие в формировании данного языка. Например, в коми-пермяцком языке есть глаголы «кайны» и «лэбны». Оба означают «подниматься» – только смысловые оттенки разные. В коми-пермяцком языке есть слово «кай» – птица, в марийском птица – это «кайык», в чувашском – «кайак». В коми-зырянском языке «птица» – это «лэбач». Как видите, здесь оба слова: птица и подниматься – имеют по два корня: «кай» и «лэб». Думаю, что это следы двух древних языков, существовавших на этой территории. Кстати, в одном из коми-зырянских диалектов слово «кай» означает «мужской половой орган». Ясно, что и здесь тоже не случайный омоним – это название связано с понятием «начало, рождение»...

– Скорее уж, с понятием «подниматься вверх», «взлетать»...

– Да, такая расшифровка более поэтична, но всё-таки я считаю, что это связано с многозначностью одного корня; сравните, например, китайское «ян», означающее и «небо», и «мужское начало». А если уж мы затронули эту щекотливую тему, то вот вам ещё один интересный омоним: в коми-зырянском есть слово «чипан», означающее «курица», а в коми-пермяцком это слово означает «мужской половой орган». А если верить поговорке, то «курица – это не птица», по крайней мере, она не летает. Если же вернуться ксанскриту, то напрашивается вывод, что санскрит всё-таки тоже несёт в себе признаки «смешанного» языка, и по своей сути находится ближе к современным языкам, нежели к праязыку человечества.

– А можно ли, исходя из лингвистики, установить, где находилась прародина коми народа?

– Считаю, что понятия «прародина» не существует вообще. Например, если ваш дедушка с Алтая, бабушка из Карелии, то где ваша прародина?.. А вот родина известно где – там, где вы родились. Так же и с этносами. Поэтому и Биармия никуда не исчезала – это наша Парма. Правда, судя по скандинавским сагам, биармийцы были народом более энергичным и воинственным – так же, как и чудь, судя по преданиям. Но это тоже понятно. Видимо, в те времена «чудской крови» в наших предках было больше. Затем её разбавили более пассивные светловолосые европейцы.

Беседовал Артур Артееев.

Анна Истомина

«Локта зэрён тэ дынё...»

* * *

Югыт керкуат ётпирись мыздём
старушка пырас
И гусьоник порог дорат пуксяс.
Ләчыт синнат казялан: пасъём сылён
важ и бырём.
Повзян: эз бы нёбёт мыйкё гусьён.
Сія корас ваок – только тә он вежörtтөг
сылісь кывсö.
Поди, тёдлін? – вунётсис ни важын.
Мыйкё пондас байтны – вежörtтөг
быдös сылісь кывзан.
Пернапас пуктас, бёр мунас гажтём.
Эн думайт, кин пыраліс – чожжык,
чожжык бурötтөг ассит нывтö.
Кылан, горзö кыдз зыбкаас ётнас?
Сія тóдö быдös, сія эз на вунёт сійö
кывсö.
Только кужан я нывтö вежörtтны?

* * *

Шытём морт ветлётö му вылёт,
Шытёг олö, шытёг горзö.
А шыннёвтан сылö мунтённят, –
Съёлём ванийöв паныт оссёö.

Шытём отир олö му вылын,
Шытёг быдыслö веритö.
Шытёг ен видзётö вылісянь,
Дös вежörtтö и терпитö.

* * *

Кинкё лёсйём этё туйсö ныж черён,
И тэрмасьём сийо му вылас лэдзны.
Натьтö, сы вылын чужъяся ме не первой,
И не первой, натьтö, сы вылын ме пезьда.

Быд тшупётыс эстён зubyтсянь горзö.
Быд чукильыс эстён юр пиньётны кёсий.
Тi виль туй вылё, мунисsez, ёддьон корсят?
Но ныж черыс – кылат? – вильё туй ни лёсий.

Нiя локтасö...

Видчисяям гёссезёс ми кортёмöсь.

O. Мандельштам

Нiя локтасö, томёсъ и басёкёсъ,
Нiя локтасö, смелёсъ и вынаёсъ,
И строитасö керкусö югытö,
И строитасö керкусö вылынö.

Нiя лоасö шудаёсъ, мичаёсъ,
Сöдз сьёлёмаёсъ, югыт синаёсъ,
И мияnlise проститны кужасö
Вынтём ловвез, кёстисём спинаэз.

Нiя локтасö, томёсъ и басёкёсъ,
И строитасö керкусö югытö.
Миян челядьным!

* * *

Ме юрбитны эшё эг мыдз
Тэ пондаисъ, ёрт.
Но сьёлёмам мыйкё чегис –
Оз лэб сэсся борд.

Öнi ог горзы и ог бёрд,
Борддэз ог пасъкöt.
И сьёлёмё – рытся шондi,
Жагывв кусö од.

Онтём ойез сэсся абу,
Абу гажтём лун.
Лёз саридзö кывтö кадыс –
Токо синнэз кунь.

Ме юрбитны эшö эг мыдз
Тэ пондаись, ёрт.
Но съёлёмам мыйкö чегис –
Оз лэб сэсся борд.

* * *

Ме локта зэрён тэ дынö,
Рамыник лöнь зэрокён.
И чышка мыдзö съёлёмсит,
Гывийшта бусось коккез.
Котёрта чож туёк вылёт
И сыла вёрас.
Тэ чернат вёрас, ой, эн лок –
Ме пүö пörма.

* * *

Муыс быд годён крепытжыка видзö.
Годдэз — кыдз пуын кытшшез.
Быд годён донажык и вёрыс, и видзыс.
И ог некытчö ни бы пышши.

И пу моз сулала бы – вына и крепыт,
Горт му пытшкын буджжезён видзся.
И радён примита и тёввез, и зэррез,
Поклон пукта вёрлö и видзлö.

Пётр Шахов (1931–2006)

Пётр Федотович Шахов родился 22 января 1931 года в деревне Кекур Усть-Куломского района. Учился в Ухтинском горно-нефтяном техникуме, позднее окончил Сыктывкарское педагогическое училище. В молодости привелось быть воспитателем и директором детского дома. Работал в редакции газеты «Югыд туй», был редактором Коми книжного издательства. В течение ряда лет занимал должность главного редактора журнала «Войвыв кодзув». На пенсию вышел с должности председателя правления Союза писателей Республики Коми.

Автор рассказов «Тёлыйс бара вёлі кёдзыд», «Уна и колё», повестей «Олёмыс сёмын заводитчё», «Ӧксинь тъёт», «Лёз патефон».

Синий патефон

Повесть

Начало в № 3 и № 4 2009, № 1 2010 годов

Глава шестая

1

...В воскресенье встал на лыжи. Вышел утром, когда ни солнышко, ни человек ещё не тронули лыжню, припорошенную лёгким, словно иней, снежком. Поначалу было вроде бы и прохладно и невесело, нехотя поскрипывала, похрустывала лыжня. А когда побежал, всё размашистей, всё шире, когда сильнее стал отталкиваться бамбуковыми палками, да когда вошёл по широкой просеке в настоящий лес – понял, что бежать стало гораздо легче, чем прежде. И дышится свободно, и нигде ничего не ёкает, не ноет. «Вот ведь, что значит табак проклятый. Стоило не покурить месяц и 29 дней, и – пожалуйста!»

А когда уже в глубине леса свернул на едва заметную, уводящую куда-то вправо, лыжню, скатился по длинному спуску, легко и красиво отталкиваясь палками, когда выехал на поляну с жиценьким кустарником вдоль прихотливо петляющего ручья, и когда, наконец, перекрестили лыжню и сияющий нетронутой белизной снег заячьи следы – тогда что-то хорошее, доброе проснулось в Василии, наполнило его радостью, словно настал большой праздник: и всё вокруг прекрасно, светло, возвыщенно; и все вокруг – прекрасные, желанные лица; и никому ни перед кем не надо ни хитрить, ни изворачиваться; никого не нужно цеплять, бранить, обвинять; солнца – для всех; голубого мартовского неба – для всех, и вот этих таинственных, весёлых следов на снегу – для всех!..

И Василий ещё сильнее заработал палками, по-молодому, щедро вкладывая силу в каждое движение, и запел-закричал, как не раз прежде случалось в такие моменты, бесконечную свою песню: «Всем, всем! Всем людям – солнца, всем людям – счастья!.. Эй, друзья! Товарищи! Не вешать носа! Грудь колесом! Эй, кто там не хочет всем? Эй!..»

Было это 19 марта. В городе праздник: проводы Зимы. Василию проводы казались преждевременными, но когда он вышел из лесу (а был третий час) и взглянул на город, сразу же отметил: город изменился. Что-то в нём напомнило очень близкого, знакомого человека. И, уже торопливо шагая по улицам, понял: город похож на молодую женщину, которая весь день прибиралась в доме, мыла полы, окна и, всё закончив, присела возле восхитительно чистого окна... Немного устала, чуть впали её щёки, мягкая тень легла вокруг глаз, чуть склонилась её голова, слегка затуманился взор.

На деревьях расселись бесчисленные, вездесущие воробы. Мокрые, словно после бани, они, как чёрные яблоки, болтались на всех ветвях и беспрерывно, без устали трещали. То ли беседовали, то ли просто радовались, мол, смотрите, смотрите – весна пришла, зима-то кончилась...

Голодный, но с лёгким сердцем пришёл Василий домой, где уже у порога его встретила Лена и строго отчитала:

– Ну, папа! Что ж ты делаешь! Сто раз звонили, сто раз! Приехала какая-то делегация, я не знаю. В доме книги у них встреча. В пять часов. Теперь посмотри – сколько времени. А тебе там надо выступать. Прочитать что-нибудь своё. Папа! – ещё строже взглянула дочь на отца. – Только, пожалуйста, если будешь читать – не читай про любовь. Пожалуйста! Очень тебя прошу. Ведь мама говорит, что в любви ты ничего не понимаешь! И вряд ли когда-нибудь поймёшь!

Василию оставалось только молча согласиться, тем более, что и руки и всё нутро дрожало от нетерпения – требовало пищи. Немного перекусив и сделав паузу, Василий наконец продолжил разговор (про себя) с дочерью: «Интересно получается: в пятнадцать лет писал стихотворения о любви – отговаривали: ещё молодой, разбираешься в этом деле слабо и лучше об этом не писать. Пиши о рыбальке, об учёбе. А теперь дочь-третьеклассница говорит, что снова в любви ничего не понимаю?! Интересно... Выходит: в этом деле у меня всё впереди?!»

С удовольствием посмеивался Василий над собой и строгой Леной. Потому что в теле – приятная сытая усталость, в доме – тепло и уютно...

На вечер Василий Вадоров опоздал. Расположившись вокруг приземистых столиков, за самоваром, гости и хозяева горячо беседовали, даже пощучивали весьма свободно. Гости оказались из Карелии: лесорубы, животноводы, партийные и профсоюзные работники. Приезжали познакомиться, проведать, как поживают в соревнующейся с ними республике. Сегодня, в воскресный вечер, гостей приветствовала творческая интеллигенция республики: артисты, музыканты, художники, писатели. С улыбкой прислушивался Василий к разговорам друзей-приятелей, понемногу входя в атмосферу вечера, загораясь от жара чужих речей и собственных мыслей, и наконец решил, что в этот прекрасный первый весенний вечер он будет читать или рассказывать об одном прекрасном берёзовом парке, о городе Северогорске, о любви, которая белой свечкой светит в глубине его памяти.

— Слово предоставляется писателю Василию Вадорову,— объявил ведущий, тоже писатель.— Надо сказать,— с многозначительной улыбкой продолжил он,— что Василий Александрович, насколько я знаю, армейскую службу проходил в Карелии, может, и — (а по молодости все мы — молодцы) — может, и провожался там. Это с девушками-то.... Да... Но об этом он сам расскажет... Если, конечно, есть о чём. Извини, Василий Александрович, если что не так сказал....

Но Василий был готов к такому разговору. Он потому и опоздал на вечер, что спешно переводил на русский главу из повести, где говорится о берёзовом парке Северогорска, о молодой весёлой речке, о танцплощадке и девушке Дине.

Читая о любви, он то и дело прерывался, что-то добавлял, на ходу придумывал, сочинял. Рассказ пришёлся. Гости смеялись, шутили, смело подавали чашки для новой порции горячего, душистого чая.

— Василий Александрович! — обратился к нему симпатичный, представительный мужчина, как потом оказалось, работник обкома профсоюзов Карелии.— Я коренной карел, как говорится — абориген. Знаю в Карелии, не то что любой город — любую деревню. Города Северогорска у нас нет. Но! — как только вы начали читать — у меня перед глазами тут же встал городок, который, я думаю, был прототипом Северогорска. Есть прототип Северогорску?

— Есть,— ответил Василий.

— Значит, есть прототип и девушке Дине? — тут же продолжил он под дружный смех в зале и с улыбкой склонился к сидящей рядом женщине в тонком, брусничного цвета, костюме и белоснежной кофточке.

— Василий Александрович! — пошептавшись о чём-то с дамой, продолжил товарищ из профсоюза.— Рядом со мной сидит,— не скажу — девушка, но молодая симпатичная женщина из города, который, как мы думаем, стал прототипом вящего Северогорска. И зовут её не Дина, как у вас, а Зина. И, как утверждает Зинаида Трифоновна, она не прототип вашей Дины. Слово предоставляется секретарю райкома партии Зинаиде Трифоновне Петровой.

— В рассказе Василия Вадорова,— встала и негромко заговорила женщина,— я увидела свой родной город, город нашей юности. Сегодня он, конечно, сильно изменился, вырос вширь и ввысь, но мне приятно сообщить Василию Вадорову, что берёзовый парк сохранился и не стареет. И маленькая речка всё так же бежит по камням. Только танцуют в парке уже другие. Танго и фокстроты, краковяк и польку там теперь не увидишь. И я очень рада, что наш город остался в памяти писателя светлым и радостным. Я не прототип Дины, но Василий Александровича знаю и помню. Он и в самом деле служил в нашем городе, я ещё тогда почему-то подумала, что станет Вадоров поэтом или артистом, не знаю почему... и вот... писатель. Я очень рада... Вы узнали меня, Василий Александрович?

— Конечно же! — восхликал Вадоров.— Здравствуйте, Зинаида Трифоновна!

— Здравствуйте, Василий Александрович! — ответила Зинаида Трифоновна и под аплодисменты села.

— Вот уж действительно, как в кино,— сказал руководящий вечером писатель.— Думаю, Зинаида Трифоновна и Василию Вадорову есть о чём поговорить друг с другом... потом, а сейчас слово предоставляется...

— И в самом деле — как в кино,— сказала Зинаида Трифоновна в тихом, безлюдном в этот час сквере.— Я уж и думать забыла, что где-то есть вы, ведь

шестнадцать лет прошло. А вот – есть, оказывается, да ещё и писатель. Значит, правильно я тогда подумала.

– Да, вроде бы, и не с чего было так думать.

– Было с чего. Вот как сейчас вижу – идёте вы по пустынной улице. Идёте и что-то всё время напеваете тихонечко, и не замечаете никого. И всегда один...

– Да у меня одного был постоянный пропуск в город.

– Не в этом дело.

– Пожалуй. Я и теперь люблю быть один.

– А помните письма, которые вы мне из дома присылали? Они ведь были, как стихи.

– Забыл, – устыдился Василий.

– А я помню.

– От чего же не ответили?

– А я телеграмму послала, о которой вы в рассказе написали.– И Зинаида Трифоновна чуть сильнее сжала его согнутую руку, лукаво взглянула на него снизу вверх.– Значит, я – прототип?

– Да.

– Спасибо. Вы многое точно описали, так оно и было. Теперь я ещё больше верю, что в книгах не одни только выдумки, но и из жизни кое-что взято. И ведь курсанта не забыли!

– Так я же ревновал.

– Это мой двоюродный брат. Теперь майор, в Петрозаводске служит. Я его на танцы водила, чтобы ты, извините, вы... ко мне не подходили.

– Зинаида Трифоновна, ведь можно же и на «ты»?

– Не нужно, – перебила она.– На ты можно говорить с близким другом, которого каждый день видишь. А между нами – шестнадцать лет! Присядем, Василий Александрович.

Вечерние сумерки надёжно отделили их от окружающего мира, оставили для глаз только густую синеву неба с мерцающими угольками.

– Я помню, вижу каждое наше свидание в то лето, – говорила Зинаида Трифоновна, неподвижно глядя в звёздное небо.– Ведь тогда я впервые полюбила и была такой счастливой... А вы, моя первая любовь, ни разу меня не поцеловали. Я тогда так ждала!..

– Вы же сами не хотели видеть меня. Почему?

– Василий Александрович! – возмутилась Зина.– Вы что, забыли?!

– Я помню, что очень хотел встретиться с вами после командировки. А вы всё время вдвоём, с курсантом.

– Тогда было уже поздно. До этого вы уже сделали мне больно, не пожалели. Извините, что я так, Василий Александрович, может – не будем об этом?..

– Да нет, что вы! Говорите, пожалуйста.

– Так вот. Ваш рассказ о любви хорош. Я серьёзно. Как сказка. Но, если я прототип Дины, а вы – тому парню, сержанту, тогда рассказ должен бы быть не только красивым, но и в чём-то горьким, поближе к жизни. Знаете, когда сгорела, обуглилась первая любовь девочки Дины?

– Когда?

– Когда Дина повела сержанта, свою любовь, в парк, на танцы. Да, Дина

видела, понимала, что парень к ней холoden: танцует и в сторону смотрит, ищет, выбирает... Но Дина на это не сердилась, главное – он с ней... И вот, пригласила парня другая девушка, белый танец... И вот он пошёл, даже не взглянув на Дину, с которой пришёл на танцы на весь вечер... И вот белый танец кончился и – Василий Александрович – этот парень, сержант, не вернулся к девушке. Не было его и среди парней на площадке, как Дина ни высматривала. Тогда она выбежала на улицу и увидела: парень, сержант этот, выходит из парка с девушкой. «Вася!» – крикнула ему вслед Дина. Но Вася только съёжился, не отозвался, не остановился. Дина крикнула и в другой раз, потом вдруг заплакала от стыда и горя да так и пришла домой в слезах. Дома ещё покричала, поплакала на груди у сестры, била кулаком по стене и кричала, чтобы не смел он приближаться к ней, чтоб ноги его не было в нашем доме... А потом тот парень уехал в командировку...

А ведь этим парнем были вы, Василий Александрович, или ваш прототип?.. Ой! Совсем запуталась, где тут «тип», а где – «про»! – рассмеялась Зинаида Трифоновна. А потом взглянула на Василия хитро и ласково, и опять – снизу вверх, и спросила: – Отчего же вы в рассказе об этом не написали? Ведь в жизни бывает не только красота, но и горечь.

– А что, это и в самом деле было?

– А что, не помните?

– Не помню.

– Что ж, может быть, – как бы поверила Зинаида Трифоновна. – Вы ведь не любили меня тогда, могли и забыть. А у меня сгорела первая любовь. Говорят, первая любовь никогда счастливо не кончается. У вас была первая любовь?

– Была.

– Да? – оживилась вдруг Зинаида Трифоновна. – И как?

– Я ещё мальчишкой был, дураком. А девушка была постарше. Я уехал учиться. Начал стихи о любви писать, а писем девушке не писал. Она вышла замуж за моего друга детства.

– Интересно! – задорно, как шестнадцать лет назад, заявила Зинаида Трифоновна. – И что, так всё и кончилось? Только не врать!

– Нет. Первая любовь осталась во мне на всю жизнь. Как весеннее солнце.

– А потом, потом вы любили?

– А потом... У вас, в Карелии, после командировки, я так хотел встретиться с вами! Встретились бы – это и была бы, наверное, моя вторая любовь.

– Спасибо. А чем отличается первая любовь от других, остальных? Можете ответить?

– Могу, – усмехнулся Василий Александрович. – Первая любовь – как солнце.

– А остальные?

– А остальные – лучи этого солнца. Они тоже чисты и прекрасны, и тоже помогают человеку оставаться человеком.

Разговор прекратился, уступив воспоминаниям, разговорам и свиданиям тех, давно прошедших лет их молодости.

– А второй раз... второй раз вы любили, Василий Александрович?

– А со второго раза я женился. Двоих детей расти. А вы, Зинаида Трифоновна? Если не секрет...

– Как я горела тогда, в первый раз... Смешно вспомнить... Долго горела...

Потом остыла, как заледенела. Потом... Потом, после ваших писем что-то снова затеплилось, проснулось... И я забыла тот ужасный вечер, хотела написать вам... Не смогла, послала новогоднюю телеграмму... Извините, Василий Александрович, проводите меня до гостиницы. Прожладно стало...

Уже перед входом в гостиницу Зинаида Трифоновна как-то странно взглянула на Вадорова и спросила:

— Василий Александрович! А вам фамилия моя ничего не напоминает? Петрова?..
— Эхе-хе! — по лбу стукнул себя Василий. — Значит, вы...

— Да, — быстро продолжила она. — Мой муж — Коля Петров, ваш армейский товарищ. Мы поженились осенью того года, с которым я поздравила вас телеграммой. После службы Коля остался в нашем городе, работает в депо, бригадир слесарей. Коля — очень хороший человек и муж. Я другого такого человека не знаю. Он много помогает мне... Ничего, что жена так расхваливает собственного мужа?

— Я знаю, — тихо ответил Василий. — Коля и в самом деле — очень хороший человек.

— Я передам Коле привет от вас. Вот удивится! Шестнадцать лет прошло! До свидания! — подала руку Зинаида Трифоновна. — Будете в Карелии — не проходите мимо. Всего вам хорошего, Василий Александрович! Будьте счастливы!..

Глава седьмая

1

Эта встреча поставила точку в ещё одной сказке Василия Вадорова. Будто частичка души его улетучилась, оставив после себя пустоту: «Пора кончать эту «сказочную жизнь» и сказку под названием «Синий патефон» — заодно». И после майских праздников, когда весна только-только брызнула на городские газоны, скверы, парки, на пригородные леса и лужайки первой, робкой, нежной зеленью — Вадоров купил билет и погрузился на теплоход, чтобы подняться по реке Вычегде на встречу со своим первым учителем.

В Юдорском райкоме партии сообщили, что Степан Сергеевич ещё не вполне оправился после инсульта, чувствует себя неважко, говорит с трудом, так что, может, и не следует лишний раз беспокоить человека. И что самое неприятное, бывший учитель живёт сам по себе, один, переезжать ни к кому — ни к родным, ни к знакомым — не желает. Ни жены, ни детей он не завёл. Видимо, хватало ему и чужих детей, с которыми почти не расставался Степан Сергеевич, пока не одолела его болезнь.

И всё же Вадоров пошёл. Знал — близится конец ещё одной его сказки.

Ему не пришлось долго разыскивать нужный дом. В райкоме объяснили: иди по улице, что вдоль ручья, перейди мостик, поднимись ещё чуть-чуть, будет там огороженный штакетником, большой, как сад, двор. В этом дворе и будет дом Степана Сергеевича о восьми окнах.

Двор Василий узнал сразу. За невысоким штакетником колыхалось, шуршало на ветру широкое зелёное полотнище — это лопнули набухшие почки на

черёмухе, берёзах, рябинах, что двумя стройными шеренгами выстроились на просторном дворе, красуясь и радуясь весеннему солнышку. Вадоров открыл калитку, ступил на деревянные мостки и встал, внимательно рассматривая и двор, отгородившийся от мира зелёной листвой, и дом, многооконный, но порядком уже поблёкший, съёженный. Долго стоял. И увидел, услышал, как открылась в доме дверь, но на крыльце никто не вышел. Значит, заметили Вадорова, открыли дверь. Входи, раз уж пришёл и стоишь, оглядываешься. И Вадоров шагнул. Потом, уже в сенях, постучал для приличия в дверь и, хотя никто и не отозвался — открыл, встал у порога.

— Здравствуйте, — негромко произнёс Василий.

За столом, на лавке сидел старик. Заметно дрожала старческая рука на столе и слегка склонённая набок голова. И всё же Вадоров сразу узнал этого человека: Степан Сергеевич. Первый учитель. Василий помнил его подчёркнуто аккуратно, а по тем временам — даже изысканно, одетым, а теперь на учителе была несвежая рубашка, спортивные штаны и стоптанные валенки с широкими голенищами.

Вадоров поставил у порога сумку, приблизился к столу.

— Здравствуйте, Степан Сергеевич...

Влажными, выцветшими глазами старик долго смотрел на гостя, потом спросил:

— Не признал... Ты чей будешь?

— Василий Вадоров. Из Шутема. Вы меня учили. Помните, Вадоров Гриша, Муза, Игорь, Юрик...

Степан Сергеевич вспомнил. Он ничего не сказал, только переменилось,искривилось лицо, а потом и слеза скатилась по щеке. Вытер слезу рукавом и, наконец, заговорил:

— Этой зимой заболел... Но ёлку с маскарадом ещё я готовил... Школьники вот заходят... Молодёжь... Дров занесут... полы моют... Да и еду они же готовят... — потом помолчал и продолжил: — В другую комнату пойдём, в горницу. Здесь не прибрано, да и темно к тому же... Ты погоди, я первый пройду. Позову, когда надо.

За дверью долго было тихо. Наконец Василия позвали. Горница — светлая, просторная комната с шестью окнами, обращёнными на юг и восток. На каждом окне — занавески тюлевые и длинные, так что узорчатым воздушным краем касаются пёстрых, весёлых половиков, устилающих всю комнату. У противоположной стены — два красивых, ручной работы, шкафа и древний, того же мастера, комод с множеством отделений. За столом, застеленным вышитой льняной скатертью, на стуле с высокой спинкой теперь сидел совсем другой Степан Сергеевич. Наверное, нелегко ему было непослушными руками надеть чёрные суконные брюки, застегнуть множество белоснежных пуговиц на синей косоворотке, молодецки подпоясаться белым шёлковым пояском с кистями. Будто добрый десяток лет скинул Степан Сергеевич вместе с убогим, неряшливым платьем. Вот только валенки на туфли он всё же не сменил. Да и какие, в самом деле, туфли, если и у валенок подошвы тащатся по полу, словно лыжи у неумелого ходока. Но комната сразу напомнила Василию то, давнее, жильё учителя. И запах одеколона, и цветы на окне в красивых горшочках, и, как много лет назад, приятно постукивал на комоде будильник. Бывало, шутемские ребятишки специально заходили в учительскую квартиру, чтобы послушать это завораживающее тиканье. Войдут,

сядут возле печки и, затаив дыхание, слушают, приговаривают, что-то весело рассказывают, как стихотворение. Каких только диковинок на заводах не делают! А Степан Сергеевич за столом проверяет тетради и красными чернилами проставляет оценки. Кому «отл», другому «хор», третьему – «пос», а кому-то и «плохо» поставит. А закончив работу, приветливо рассмеётся и скажет: «Ну, сейчас мы, ребята, самовар поставим да чайку попьём!» Так оно и будет. Вскипятит самовар, угостит чаем с конфетами или печеньем, загадки загадает. А сам почему-то весело смеётся. Конечно же, потому, что жить на свете, если не болеешь, очень даже неплохо...

– Как у вас красиво, Степан Сергеевич! – похвалил Василий, оглядевшись.

– Теперь я редко сюда захожу, на кухне живу.

Степан Сергеевич встал и, досадливо отмахнувшись от просившего не беспокоиться Василия, прошаркал до комода, выдвинул несколько ящиков, доставая оттуда тяжёлые, толстокожие альбомы и папки, и с трудом перенёс их на стол.

– На, смотри, – сказал он, усевшись на свой стул.

Альбом за альбомом просматривал в молчании Василий, лишь изредка поглядывая на учителя. Степан Сергеевич на фотографии не смотрел. Он, видимо, и так знал каждый лист этих альбомов. А смотрел Степан Сергеевич на небывалого гостя, который был в пору его молодости доверчивым пацаном и, кто знает, что думал, что вспомнил он из пролетевших с того времени лет. Альбом за альбомом просматривал Василий и молчал, говорить не хотелось. Словно живые, смотрели на него уже подзабытые лица. Среди них – молодые ещё его дядья, которым и позже не довелось состариться, с серпом на плече молодая и весёлая мать – этой фотографии, сделанной, видимо, в качестве премии за хорошую работу, Василий никогда раньше не видел. На общей фотографии увидел и узнал среди школьников себя – первоклассника Васю Вадорова, и этой карточки дома у Василия не было. Рядом с альбомами – высокая стопка папок. Оказалось, всё это – Почётные грамоты. Районные. Областные. За добросовестный труд по воспитанию подрастающего поколения. А самая увесистая и красавая – от Президиума Верховного Совета РСФСР. Василий долго держал в руках эту, последнюю, потом поднял глаза на первого учителя:

– А ведь вы, Степан Сергеевич, герой, молодец...

Степан Сергеевич ничего на это не ответил, только голова задрожала чуть заметнее, с усилием встал и снова потащился к драгоценному комоду. Добрался и положил руку на прикрытый кружевной салфеткой ящик и молча посмотрел на Василия. Вадоров приблизился. Степан Сергеевич стащил салфетку и строго спросил:

– Ну, что? Узнаёшь?

На комоде, сверкая никелированными замками, лежал синий патефон.

– Она?.. Премия? – почему-то шёпотом спросил Василий, опасливо дотронувшись до шершавой поверхности коробки, потом уже смелее провёл рукой по крышке, коснулся упругих замков, так же удивлённо, как и много лет назад, в городе, когда впервые разглядывал полученную премию.

– Он. Олимпиадный патефон, – подтвердил Степан Сергеевич. И после некоторой паузы добавил: – Я всегда молодцом был, Вася. И ученики мои всегда были молодцами... Ты вот писателем стал, а сколько инженеров, учителей да и

просто хороших работников из моих учеников вышло... Я день и ночь мечтал, чтобы стали мои ученики хорошими людьми, и артистами даже, и писателями. Я и сам поэтом был в жизни, хоть стихов и не писал, — и снова слеза скатилась по старицкой щеке.

— Как же патефон к вам попал, Степан Сергеевич?

И поглаживая дрожащими пальцами края патефона, Степан Сергеевич рассказал, как три года назад, весной, пока ходили теплоходы, онъезжал деревни и посёлки, в которых учительствовал ещё до войны. Шутем был последним.

— Думал, никто меня и не узнает, старики-то уж поумирали, — негромко говорил учитель, — а не успел в деревню войти, как первая встречная окликает: «Никак Степан Сергеевич?..» Лужикова Саня оказалась, твоя одноклассница. Потом и другие. Все узнают, все зовут к себе, шагу одному ступить не дают, пойдём да пойдём в гости. И пожалел тогда, что после войны в Шутем не вернулся, родней родного, оказалось, меня принимали. Тогда и сказал я, мол, давайте заглянем в нашу, когда-то весёлую школу, откроет ведь сторож-то. А они и говорят: «Степан Сергеевич! И без сторожа открыта наша весёлая школа. Неизлечимый грибок нашу родную школу поедает, всю утварь уже вынесли, кругом всё нараспашку, скоро сожгут её, чтобы другие дома не заболели». И пошли. Застал ещё обречённую на костёр школу. Все комнаты обошёл, каждому углу до земли поклонился, мол, прощай, прощай, мой дорогой Дом, многим ты глаза открыл, многих развеселил, многих от горя горького пробудил. Прощай. Потом на чердак поднялся — туда я прежде классные тетради относил и складывал в фанерный ящик. Поднялся. Цел ящик. И тетради все на месте. После меня туда уж никто ничего не складывал. Только вот патефон кто-то поднял и сверху положил. Хороший человек. Ведь не выкинул в мусор, хотя ни мембранны, ни пружины в том патефоне уже не было. И я его забрал, нельзя сжигать память о счастливом, хорошем времени. Мембранию один знакомый принёс, пружины нет пока. Возьми и почини. Или в музей сдай... В музей Шутемской школы. Теперь там большая школа... И детям будет память о нашем времени. Новым людям... И тетради забери... Мне уж не понадобятся... Недолго осталось... Пусть память будет...

Пора и уходить. И обговорили всё. И вспомнили. Но попробуй — уйди! Пришёл к дорожному для тебя человеку. Тяжело ему. А помочь не можешь. Вот и скажи тут что-нибудь... На прощание...

Тебе, Вася, наверное, некогда. Иди. Спасибо, что навестил, — понял учитель, заговорил первым. И, взглянув в окно, оживился: — А вот и «шефы» мои идут, золотые ребята...

Обернувшись, Вадоров увидел, что по мосткам чинно выступают двое подростков лет четырнадцати, — в простой рабочей одежде, в резиновых сапогах-бронднях с подвёрнутыми голенищами. И девочка, тоже в серой, будничной куртке и юбке, но в аккуратных зелёненьких сапожках.

— Восьмиклассники, картошку в совхозе сажали, прямо с поля и идут, — как-то особенно тепло добавил Степан Сергеевич.

Ребята вошли в дом с дровами. Один остался хозяйничать возле печки на кухне, а другой прошёл к печке в горнице, открыл дверцу, заложил дрова. Девочка так в дом и не зашла, с вёдрами на коромысле легко заспешила по мосткам к колодцу.

— Каждый день заходят. Одного не оставляют, — сказал старый учитель, и снова торопливо, чтоб никто не заметил, скатилась-проскользнула по правой щеке круглая слезинка.

И Вадоров не ушёл. При виде спокойно хозяйствничавших парней разом пропали куда-то неловкость и неуверенность, уступив место какой-то весёлой деловитости. Василий быстро разделся и принялся помогать ребятам, подшучивая и, между делом, рассказывая о себе. Потом сбежал в магазин за продуктами. А когда вернулся — стол в горнице уже был застелен, чашки-тарелки расставлены, весело гудел нарядный самовар. Когда чай был разлит по чашкам, Вадоров встал и, обращаясь к застеснявшимся ребятам, сказал:

— Степан Сергеевич — мой первый учитель. Когда-то я так о нём писал: «Если придётся когда-нибудь зажечь свечки дорогим моему сердцу людям, то свеча Степана Сергеевича будет одной из самых ярких. Он всегда казался мне необыкновенным, единственным человеком, который, увидев меня, жил одной только заботой: как сделать меня счастливым!..»

Дети, обхватив чашки ладонями, дули на горячий чай, не пили, ждали ещё чего-то.

— Вася! Ты — счастлив? — спросил Степан Сергеевич.

И дети вопросительно повернули головы в сторону стоящего с горячим чаем и красиво излагающего дяди. А дядя передохнул и ответил коротко:

— Счастлив!

А двое парней и девушка за столом всё смотрели на человека, который называл себя писателем, и недоверчиво улыбались. Они, наверное, как и Василий Вадоров в детстве, не могли взять в толк, какое такое счастье может быть у этого всё уже пережившего человека?.. О чём это он?..

2

Счастлив...

Вадоров вернулся домой через неделю. Дверь открыла дочь. Она тоже только что пришла из школы и теперь раздевалась. Как-то неуверенно сообщила:

— Мама приехала... Уже неделю назад... Ты... не рад?

— Рад. А где бабушка?

— Как только мама приехала, бабушка к себе домой собралась. Говорит, огород садить надо.

— Мама где?

— В деревне, здесь, неподалёку. К подруге поехала. Сказала — завтра будет.

Уже возле зеркала, развязывая белые бантики, Лена обернулась к отцу искаённым страдальческой гримасой лицом, вот-вот готовая расплакаться:

— Папа! Я тебя очень прошу. Когда придёт мама — не ругайся. Пожалуйста. Очень прошу. Будете кричать — мне стыдно будет от подруг, от соседей.

— Мама говорит, что ты будешь кричать и драться. Мама говорит, что лучше бы ты ушёл.

— Куда?

— В отпуск.

— В какой... отпуск? — чуть не выкрикнул Василий.

– Творческий.

– Творческий? – не сдержался Василий, крикнул. От удивления, от неожиданности.

– Не кричи, папа. Пожалуйста. Я же просила. Мама говорит, что писателям дают такой отпуск. Книги писать. И чтоб никто не мешал, нужно уходить в лес или ещё куда-нибудь. Мама говорит, что мы отпустим тебя в творческий отпуск.

– Ну... спасибо, – выдохнул Василий Вадоров.

– И куда пойдёшь? В лес? – спросила Лена.

– Надо подумать.

– Мама говорит, что далеко уходить не надо. Чтоб на время её отпуска или командировок быть дома, она ведь не может нас с Сашей одних оставить. Как съездил, папа, повидал учителя? – уже спокойно спросила Лена.

– Повидал.

Вечером Ленка, Саша и отец сидели в комнате с телевизором. Василий Вадоров уже рассказал детям о поездке, о встрече с первым учителем. На низеньком журнальном столике лежал и свидетель, и «вещественное доказательство» – синий патефон. И о нём уже многое переговорено и, вроде, всё уже сказано. И вот после продолжительного молчания Саша потянулся, выпрямил уставшую от долгого сидения в глубоком кресле спину, потёр пальцами мочку уха и заявил:

– Ну что, папа? Похоже, ты теперь «Синий патефон» уже не напишешь?

– Это почему?

– А что писать-то? Вот он – патефон – на столе лежит. Дома. Перед глазами. Пока ты его не видел – он казался чем-то большим, значительным, почти легендой или сказкой. Теперь так думать – труднее. Ведь ты его видишь воочию. И я вижу. И Лена видит.

– Ну и что, что видим? – спросила Лена. Спросила обиженно, сердито.

Саша взглянул на сестру и рассмеялся:

– Ну, ну, Ленка... Не вздумай кусаться.

– А ты не смеяся над папой!

– А я и не смеюсь, – всё ещё улыбается Саша. – Ведь сказано же: «Лицом к лицу – лица не увидать...» Легче понять и рассказать то, чего нет перед глазами, что осталось далеко в прошлом.

– Что же мне делать, Саша? Книга-то – в плане издательства. Как же мне теперь быть? – как бы растерянно и огорчённо спросил отец.

– Ну, в основном, ты уже всё написал, – важно и озабоченно объяснял Саша. – Что готово, отнеси в издательство. А вместо концовки – вот этот патефон: сфотографируют, напечатают... Очень интересная глава получится. Читать не надо. Смотри на фотографию и думай, думай, думай...

– Саша! – хлопнула по столу маленькой ладошкой Лена. – Как тебе не стыдно! Как ты смеешь над папой смеяться! Вот возьмёт папа творческий отпуск, уедет подальше, и книга получится! И патефон будет играть! Правда, папа? Будет патефон играть? – тихо спросила Лена, прижавшись к отцу.

Василий Вадоров мягко прижал к груди русую, кудрявую головку и также тихо ответил:

– Будет, Ленка. Пружину поставим и – будет играть.

– Ну, я – сдаюсь! – Саша поднял руки вверх и пошёл включать телевизор.

3

Утро следующего дня Вадоров провёл в ожидании жены. Проводил в школу детей, убрался, пора бы и самому на работу, но он ждал, ждал женщину, которая считалась ещё его женой. Хотя, похоже, что между ними всё кончено. Если смотреть правде в глаза, не пытаться себя обманывать... Но!.. Но вот – ждал! Хочется посмотреть. Как поживает тридцатирёхлетняя женщина, новоиспечённый инженер-экономист с высшим образованием? Ждал и даже волновался, как мальчик, Василий Вадоров, мужчина сорока лет. Не раз переменил он рубашку, пиджак, галстук, то такой оденет, то другой. Посмотрит в зеркало – снова сменит. Хотел, чтобы всё на нём было хорошо, красиво. Ни одной грязной рубашки в шкафу или в ванной. Все висят на плечиках. Выстиранные и выглаженные. Тут попробуй, скажи жена: «Если бы не я – давно бы пропал». А ведь есть такие. Выйдут замуж. За самого порядочного человека. А потом, глядишь, уже объявила: «Я его человеком сделала. Если бы не я – давно бы пропал».

Стоя у окна на кухне, принарядившийся Вадоров услышал металлический щелчок замка и вздрогнул, напрягся, прошёл в прихожую. Наконец дверь открылась и вошла долгожданная, хорошая и красивая жена. С высокой копной волос соломенного цвета над белым лицом. Такой причёски Вадоров у жены ещё не видел и тут же подумал: это, конечно же, она – московская причёска. Давно это было. В первые годы после женитьбы. Когда в деревне ещё жили. Тогда сшила себе Нина платье, да такое, что без посторонней помощи сверху донизу его и не натянем. Василий и помогал одеваться. Платье, действительно, как перчатка обтягивало все прелести молодой красавицы, и когда она осматривалась возле зеркала, Вадоров не удержался, приобнял её сзади: «Хороша! Ох, хороша!» Вот тогда, с сожалением перебирая разбросанные по плечам соломенные волосы, она и сказала: «Теперь бы ещё московскую причёску!..» И это слово тут же запомнилось Василию на всю жизнь. Так что теперь, увидев высокую копну на голове жены, он сразу понял: вот она, московская причёска, заветная мечта Нины...

Лёгкий светло-зелёный плащ... Зелёные туфли на высоком тонком каблуке...

Вошла. Мельком взглянула на нарядного, хорошего мужа, стоящего словно на сцене, и, опёршись рукой о стену, наклонилась, снимая туфли, и бросила чуть слышно:

– Привет.

– Привет, – эхом откликнулся Василий Вадоров и отчего-то так славно потеплело в груди! Почему-то вдруг показалось, что вот теперь снимет Нина туфли, расстегнёт плащ, станет напротив, улыбнётся, и Вадоров приблизится, прижмёт к груди по-прежнему ещё пригожую и красивую жену, закружит её возле порога, балуясь, как с ребёнком, и всё семейное счастье будет у них впереди.

Но почему-то долго не снималась туфля с левой ноги, долго Нина оставалась наклонённой, опёршись о стену. А когда поставила туфли на место, быстро выпрямилась, поправила плащ и, не взглянув на мужа, прошла в среднюю комнату, где обычно спала и готовила уроки Лена, плотно прикрыла за собой дверь. Привет...

Стало тихо, как на кладбище. Минута, другая... Вадоров не мог уйти вот так, обменявшихся одними приветами. Надо было поговорить. Ведь и дальше под одной крышей... И Вадоров осторожно нажал на ручку двери, звонко щёлкнула

магнитная присоска, дверь открылась. Жена, как была, в плаще сидела на кровати и при виде мужа быстро вскочила, отошла к стене, напряжённо следя за каждым его движением.

- Чего тебе надо? – спросила Нина Вадорова, нервно теребя поясок плаща.
 - Как это – чего? – поразился муж.
 - Да – что надо? – уже твёрже уточнила жена.
- И Вадоров понял: всё, не жена она уже. Во всяком случае – ему.
- Я думаю, нам не мешало бы переговорить, – спокойно пояснил Вадоров.
 - Всё уже сказано.
 - Когда это? – поинтересовался Вадоров.
 - Я тебе написала.
 - Куда?
 - Не придуривайся. Письмо лежит в столе.
 - В столе я ещё не успел посмотреть.
 - Вот и посмотри. Отойди от двери, мне нужно идти.
 - Иди. Никто тебя не держит.
 - Сказано: отойди!
 - Да ты не дрожжи... Никак, решила, что я тебя бить буду?
 - Я не дрожу. И ничего я не решила. Ты оставайся. Почитай. И чтоб к вечеру духу твоего в доме не было!
 - Ого-го! – только и смог сказать Василий Вадоров.
 - Да! Ого-го! – наконец-то пришли к единому мнению супруги, и жена вышла, крепко хлопнув входной дверью.

Побежали по стене трещины, посыпалась на пол штукатурка. Вадоров молча посмотрел на дверь, потом прошёл в свою комнату, сел за стол, выдвинул верхний ящик и увидел: да, высказалась Нина Вадорова. Письменно. Крупные, размашистые буквы, сложенные из них слова и строчки, накренившись словно яростно атакующая цепь, вот-вот готовая сойтись в рукопашной с невидимым врагом, окончательно и бесповоротно подводили невесёлый итог семейной жизни Василия Вадорова:

«Привет!

Считай, что это письмо – последний с тобой разговор. Пришлось написать, так как с глазу на глаз ты меня бы не понял, впрочем, и никогда не понимал, может, и возражать бы решился, а мне с тобой не то что спорить – говорить противно. Ты мне совершенно, абсолютно безразличен, и случись сегодня что с тобой – умрёшь или под машину попадёшь – ничто во мне не вздрогнет, не отзовётся. Так ты мне безразличен. Удивляюсь, как вышла за тебя! Ведь и тогда я тебя не любила, любила другого, ты знаешь – кого, а он – далеко. А ты – рядом, всё ластишься, теребишь восемнадцатилетнюю дуру по-всякому, и это, наверное, меня с толку и сбило. Бабой захотелось стать, по мужику стосковалась. Да ещё жужжат во все уши: «Ах, ах! Вася, Александров сын, Василия внук! Род Пера! Самый лучший род...»

Я тебя не любила. Можешь сказать: вру. Тогда вспомни, как однажды утром, первый год жизни, я тебе при отце с матерью, при дяде в лицо плонула. Снова скажешь: враньё, мол, виноват был, пьяным пришёл под утро, да и характер у меня такой. Эх, Василий, Александров сын! Род Пера! Любимому человеку, пусть

он хоть как виноват, женщина никогда в лицо не плонет. Знай это, писатель, инженер человеческих душ. Я в тебя при всех плонула, а ты в сени вышел, унижаешься, прощения просишь. Знай: женщины таких тряпок не любят, не уважают, им нужен сильный, строгий, им хозяин нужен... Ах, опять враньё! Ты никогда никого пальцем не тронул, и не тронешь! Ты идеальный, добрый, гордый! Вот и проспал и жену, и семью, добрый идеальный. Ты давно прекрасно знаешь, что у меня есть человек, что другого я хочу видеть и знать, а ты, мужик, муж, язык проглотил, ни слова не сказал, ничего не сделал, чтобы вернуть жену! Ни одного слова, ни одного поступка! Ужасно! Какой же ты мужчина после этого, какой муж! Ах, опять враньё! Ты никогда кричать и драться из-за женщины не будешь? Тебе не нужна такая любовь? Ты не птица, не тетерев на току, не зверь дикий, а – человек?

Прекрасно! Вот и оставайся со своим прекраснодушием и гордостью! Нам под одной крышей не ужиться. Уйти надо тебе. Ведь ты – идеальный, ведь ты всю жизнь мечтал быть добрым. Вот и соверши хоть один поступок, мужчина, – уйди из дома. Немедленно. Лене и Саше скажу, что ты вышел в творческий отпуск. Мы даём тебе творческий отпуск, но знай, когда мне понадобится уехать в командировку, в отпуск – чтоб был здесь, с детьми. Вот такие дела, Вася, Александров сын – Василия внук. Я тебя не люблю, и с тридцати лет сохнуть не собираюсь. И ты ещё не старик, найдёшь себе пару, хотя... Но это уж не моя забота.

Всего».

Надо заметить, что Вадоров прочёл всё это спокойно, не краснел и не бледнел. И, наверное, потому же, почему Василия не подмывало ни на драку, ни на поступки, чтобы вернуть жену. Нина права: надо совершить поступок, надо уйти. Только недосказанное «хотя» задержало ненадолго его внимание: что хотела сказать и не сказала жена? «Хотя...»

А вечером, уже в восьмом часу, Нина Вадорова вернулась с работы и обнаружила, что в доме – никого. Первым делом она решительно прошла в комнату мужа, торопливо выдвинула ящики письменного стола – застеленные газетами ящики были пусты, только несколько белых листов бумаги, огрызки карандашей, сломанная шариковая ручка, несколько скрепок, деревянная линейка... Распахнула платяной шкаф – сиротливо болтались плечики, пять штук, заметно опустели полки. Нина Вадорова вернулась к столу, снова выдернула жалобно скрипнувшие ящики... Не обнаружив того, что искала, долго, задумчиво стояла, подбоченившись между шкафом с распахнутыми створками и сиротливо разорённым столом. Потом едва слышно поды托жила:

– Гад! Ни слова в ответ! Что за человек?!

Вскоре пришла и Ленка. Торопливо раздеваясь, с порога крикнула:

– Есть охота, проголодалась – жуть!

– Где была?

– Во Дворце пионеров. На репетиции. В район собрались ехать с кукольным театром. А где папа?

– Уж не знаю, где вы ходите, – уже из кухни отозвалась мать.

– Ты выгнала папу?

– Мда. Начинается. И когда, интересно, всё это кончится, – бормотала Нина Вадорова, нарезая хлеб.

– Ты выгнала папу? – уже в кухне допрашивала мать Лена.

– Никто его не выгонял, – не глядя на дочь отвечала мать. – Я тебе говорила, что отец уйдёт в писательский отпуск, книгу писать.

– Куда ушёл? В лес?

– А ты его спроси. Когда вернётся.

Лена быстро прошла в отцовскую комнату и уже оттуда сказала:

– Патефон здесь.

– Какой... патефон? – тут же очутилась Нина Вадорова.

– Ты что, не видишь? – указала Лена на лежащий на столе синий ящик. – Из командировки привёз. Премия. Ещё до войны папе дали.

«Как же я не заметила?» – подумала Нина, затем порывисто подскочила к столу, схватила ящик за ручки.

– Мама! – закричала Лена. – Что ты делаешь?

– Отойди! Выкину эту дрянь через балкон, чтоб и духу его не было в доме!.. Ещё и на стол поднял!..

– Мама! – Лена загородила дорогу матери, выставила руки, не выпуская её из комнаты. – Если ты это сделаешь – ты будешь не человеком! Тогда я уйду от тебя!

– Кем же я тогда буду? – Нина расширившимися от удивления глазами смотрела на стоящую в дверях дочь.

– Если выбросишь – скажу. И уйду от тебя! В интернат уйду! Чем в такой семье жить!.. Что вы за люди! Зачем я в такой семье родилась!.. – и бросилась на диван, отчаянно, навзрыд заплакала. Ленке, пионерке, выросшей без войны, девчонке, которая учится в двух школах и бегает на два кружка, горькое горе перебило всё остальное, даже голод. – Что вы за люди! Зачем я в такой семье родилась!..

– Успокойся, – опомнилась, наконец, мать.

Когда Лена успокоилась, тщательно, с мылом умылась, мать снова напомнила:

– Лена! Как же ты хотела меня назвать?

Девочка грустно, с укором посмотрела на мать совсем взрослыми глазами и тихо попросила:

– Не спрашивай, мама! Это очень плохое слово. Если скажу – я уйду из дома. Я тогда не смогу с тобой жить. Никогда об этом не спрашивай.

И легла Ленка, с головой укрывшись тонким одеялом.

Оставшись одна, Нина Вадорова долго сидела в задумчивости.

– Мда... – вырвалось у неё наконец. Видимо, далеко завели поиски того единственного слова, которым хотела наградить её собственная десятилетняя дочь.

– Привет, – вот и Саша вернулся со своего «самбо», вошёл в дом вместе со своим всем известным «приветом».

– Тсс, – предостерегающе подняла палец мама. – Потише. Ленка спит. Устала.

– А где папа?

– До сих пор? – удивился сын.

А позже, когда и сын уже выключил телевизор и укрылся с головой одеялом, Нина Вадорова приглушённым голосом беседовала по телефону с подругами и знакомыми, загадочно улыбаясь своему отражению в большом овальном зеркале. А тема для всех была одна:

– Ты представляешь, ненормальный-то ушёл куда-то. А я и вообразить не могу – куда он мог скрыться.

– Кто? – не понимали на том конце провода.

– Кто... Кто у меня ненормальный? Конечно – Вадоров!

– Как ушёл – так и придёт, – никак не могли понять беспокойства и заботы Нины Вадоровой собеседницы.

– Понимаешь, я ему отпуск дала, чтоб пожил где-нибудь подальше от дома, а куда пошёл, где устроился – не знаю. Может, у него давно новое жильё приготовлено? Женщина? Не знаешь? За три года холостяцкой жизни завёл же кого-нибудь!..

– Ну ты даёшь! – наконец, возмущалась собеседница. – Да откуда мне знать?

– Ну, извини. Если что узнаешь – звони.

Пробурчав что-то невразумительное, на том конце бросали трубку. Да и кому приятно после трудового дня, после благополучного завершения последней телепередачи, вести на сон грядущий такие разговоры. «Ну ты даёшь!» – буркнет некто ещё раз, уже укрывшись одеялом и закрыв глаза, чтобы окончательно отогнать все дневные заботы и тревоги и забыться лёгким, очищающим и освежающим ум и тело для нового трудового дня, сном...

Глава восьмая

Прошло шесть лет с того дня, когда Василий Вадоров впервые ушёл из дома, побрив в большой чемодан одежду, тетради, блокноты. Тогда, шесть лет назад, Василий Вадоров, конечно же, никуда не исчез, не растворился, не потерялся. Нина Вадорова – многоопытная телефонистка и настойчивый сыщик – довольно скоро обнаружила изгнанного мужа в отдельной комнате общежития строителей. И что самое удивительное – обнаружила его вполне благополучным и довольным. Ранним утром, надев старенький плащ и повязавшись чёрным платком, направилась Нина в общежитие, чтобы выяснить – пропадает без неё муж или нет? Постарушечки прикрыв лицо платком, обратилась она к дежурной жалобным, дрожащим голосом:

– Вадоров здесь живёт?

Дежурная подняла на лоб очки с сильными линзами и, отложив вязание, охотно отвечала:

– Только-только завтракать спустился. Пройдите, вон столовая, напротив.

Нина Вадорова осторожно приблизилась к широкой, застеклённой двери, заглянула в зал и тут же наткнулась на мужа: сидит за столом с парнями – в спортивных брюках, домашних тапочках, в рубашке с коротким рукавом – и уплетает сметану из стакана, и рот до ушей, шутит о чём-то с соседями, а под носом – аппетитная, горячая выпечка и кофе стакан стоит. «Неплохо устроился, – вытянулось лицо у Нины Вадоровой. – Так-то не пропадёшь. По магазинам бегать не надо, у плиты стоять не обязательно. Утром встал – завтрак готов, вечером вернулся – пожалуйте ужинать».

Не утерпела Нина Вадорова, набрала номер его рабочего телефона и выложила эту свою обиду на его лёгкую, весёлую жизнь и возмущение его нелепым поведением на улице, а на улице Вадоров, как ни встретит его Нина, всё улыбается и чуть ли не поёт. На что Василий отвечал кратко: «Поменяемся. Ты иди в общежитие, я – домой». Мда. Такой не пропадёт.

— Ты бы хоть детей не позорил! — выкрикнула жена. — Прекрати петь на улице! Ведь люди звонят. Спрашивают, не свихнулся ли Вадоров! Ты что, идеальный человек, о детях своих и думать забыл?

Тут Нина Вадорова делала вид, что не знает о ежедневных походах Лены и Саши в рабочий кабинет Василия, а по воскресеньям — в общежитие. Где они спокойно пили чай, говорили, смеялись. Однажды Лена хитро улыбаясь, отчего в щёлочку сложились её серые глаза, сказала:

— Папа! Ты ничего не замечаешь?

— А что?

— Мне кажется, мама бы рада была, если бы ты домой вернулся.

— Откуда ты знаешь?

— Пап! Мама хочет, чтоб ты пришёл. Я это всё время замечаю и по разговорам понимаю, она ведь всё время спрашивает. С работы придёт и сразу спрашивает: «Папа не приходил?...»

Тогда в комнате все ненадолго замолчали, а потом Вадоров сказал:

— Ещё не время, Лена. Так будет лучше для всех.

С тех пор прошло шесть лет. И вот, Василий Вадоров на отдыхе. У тёплого моря. В Грузии. Впервые в жизни. Хотя курортный сезон уже закончился, на дворе — декабрь. Отдыхает Вадоров, как и шесть лет назад, в Доме творчества. И снова в отдельном номере, правда, уже из двух комнат. Две длинные лоджии. Одна смотрит на море, другая — на горы. На первой — круглый столик и два плетёных кресла. И в этих креслах отдыхают после ужина двое. Один, конечно, хозяин номера — Василий Вадоров. В шерстяном спортивном костюме, красных кожаных босоножках, он небрежно скрестил вытянутые ноги, уютно устроил на животе сцеплённые кисти рук, картинно откинув голову на спинку кресла. Рядом сидит женщина. Но не Нина Вадорова, и не Галя из Северогорска, хотя она и могла оказаться на этом месте. Но, как уже было сказано выше, Вадоров счёл свои отношения с Галей несерьёзными, возникшими под воздействием винных паров, и аккуратно разорвал её адрес. Но, хотя и разорвал, и пустил он по ветру Галино письмо, каждое слово из него, в том числе и адрес, навсегда остались в его памяти: Северогорск, Береговая... И только через три года, когда порядочному человеку уже было бы стыдно напоминать о своём существовании, Вадоров написал поздравительную открытку к октябрьским праздникам. И немедленно получил ответ. Словно птица, истосковавшаяся за долгую зиму по родной земле, взлетело письмо из далёкого Северогорска, домчалось и опустилось в руки Василию Вадорову, и поведало:

«Мой принц! Что же вы так долго не откликались! Я так ждала! Я уже целый год замужем. Теперь мне кажется, что вы своим появлением, и во сне, и наяву помогли мне найти любимого человека. Простите меня, мой принц. Будьте счастливы.

Галя».

На этот раз Вадоров уже не стал рвать письмо, а просто открыл ящик стола и тихо положил его в самый дальний угол.

А его соседкой и собеседницей на этот раз была Ольга Виноградова, журналистка районной газеты из Донецкой области. Она живёт и отдыхает неподалёку в четырнадцатиэтажном Доме отдыха журналистов. Но вот, познакомились, и те-

перь она проводит свободное время с Василием, на его лоджии. Второй этаж, невысоко. Тихо. Никто не галдит, не суетится, как её соседки по комнате.

А познакомились они в Пицунде, в магазине, куда Василий Вадоров заходил три дня подряд, чтобы купить резиновую купальную шапочку. Без такой шапочки в бассейне купаться не разрешалось. А в том отделе, где должны были продаваться эти самые шапочки, третий день стоит карточка с надписью: «Учёт». А девушки в отделе не то что не отвечают на призывы покупателей, но даже не смотрят в их сторону. И ничего не делают. То есть – ничего не учитывают. На третий день при виде «глухонемых» девушек Вадоров вскинул, шлёпнулся на прилавок ярко-красное писательское удостоверение с золотыми буквами и орденом Ленина на обложке, и категорически потребовал:

– Директора. Немедленно.

Девушки взглянули на лежащую на прилавке красную книжечку, и одна из них вышла за дверь. А из-за двери вышел дядя тяжелоатлетического телосложения, посмотрел на сердитого клиента, на его документ и неожиданно нежным баритоном спросил:

– Чом дэло, дорогой товариш?..

Вадоров объяснил.

– Боже мой, – ещё нежнее пропел директор и вывалил на прилавок целую кучу шапочек всех цветов и размеров.

– Сколько вам?

– Мне одну. Ну, может, ещё одну возьму на всякий случай.

– Боже мой, – ещё горестнее вздохнул директор, огорчённый то ли неприятным недоразумением в его магазине, то ли красной книжечкой Вадорова. Затем что-то шепнул девушкам и, уже уходя, обратился к Вадорову: – Извините, дорогой товариш, и прачтэ, пожалуйста, карман такой красивый, уважаемый документ.

Так они и познакомились с Ольгой Виноградовой. Она, как оказалось, тоже давно искала себе купальную шапочку. И вот уже который день они сидят рядом, слушают, как мощно и ровно вздыхает-плещется Чёрное море, словно богатырь-великан изгоняет глубокими вздохами усталость из своего могучего тела.

Мелкими кольцами вьются чёрные, как смоль, волосы над чёрными цыганскими глазами Ольги на смуглом, тонком её лице. Сейчас на ней толстый вязаный джемпер, джинсы, кроссовки. Созерцатели морских просторов недавно вышли из бассейна и потому нельзя им сидеть на воздухе в более лёгкой одежде.

Вадоров чувствовал, что уединение вдвоём вполне устраивает Ольгу. И купание в бассейне, и прогулки, и экскурсии. Хотя она и много моложе Василия. И уж так привыкла к Вадорову – пойдёт в свой корпус и звонит:

– Василий Александрович! Я – дома. Раздеваюсь и ложусь. Спокойной ночи.

Утром:

– Василий Александрович! Быстро вставайте! Я бегу к вам купаться.

Купались трижды: утром, днём, вечером.

Устраивала эта компания и Вадорова. «Хорошая девушка», – с улыбкой думал Василий, наблюдая, как, ушедши глубоко в себя, прислушивается Ольга к шуму моря.

Вот так, вдвоём, подолгу смотрели они на синее полноводье, сплошь покрытое белыми барашками волн, на спичечные коробочки судов возле самой линии горизонта, округло отделяющей небо от воды.

Уже на второй день пребывания в Пицунде, Вадоров написал сыну письмо: «Хорошо, что сказал и поехал. «Хорошо», – сказал я сразу, как только вышел из самолёта в Адлере. Понял: Грузия, хоть и в декабре – это Грузия. Юг. Одно дело – читать об этом, смотреть по телевизору, и совсем другое – самому ступить по этой земле, своими глазами видеть это небо. Море, горы, блистающее синевой небо, туман, что тихо спускается по утрам с горных вершин, тихая, ясная погода, зелёные луга с рыжими коровами, утки, снующие в озёрах и в морской воде, рыбаки на берегу моря – всё это никак не вяжется для меня с декабрям, с зимой, а, скорее, напоминает весну, месяц май, когда отец собирается по утрам на пахоту и весенний сев. И птицы поют, порхают, перелетая меж зелёных кустов. Всё это поначалу сильно меня растревожило, но потом привык и сказал: хорошо. Хорошо, что собрался и приехал, своими глазами увидел эту странную землю – Юг».

И теперь Вадоров неподвижно сидел и смотрел на это море, слушал его мерное движение, его шёпот и плеск, но всё это не развлекало Василия, как в первые дни, а, наоборот, вносило в его мысли спокойствие и упорядоченность. Настроение у Василия приподнятое, рабочее, потому что сегодня на бумагу легли мысли и слова, события последней главы его книги, которые так долго вынашивал он в сердце и в голове...

Из записей Василия Вадорова

«...Родился я в 1931 году. В том же году родители вступили в колхоз. А сегодня колхозов у нас уже нет.

Пока жили мои родители и живу я, прогремели русско-японская, германская (первая мировая), гражданская, отечественная и другие войны. На Отечественной погиб старший брат, под Ленинградом, в девятнадцать лет; погибли три двоюродных брата, четвёртый вернулся слепым, в девятнадцать лет; погибли три маминых брата – мои дядья.

Нет уже матери и отца, нет их ровесников – стоят над ними, наливаются новой силой молодые сосны, цветут и зреют на их могилах лесные ягоды. Пришли, пожили, своё дело сделали и ушли, растворились в земле, в зелени, в росе.

Любили, страдали, сходились и расходились, пахали-сеяли, удивлялись, надеялись, мечтали, сражались. Жили так, будто пришли в этот мир навек, а прожили всего лишь одну, человечью жизнь. И осталась – память.

Бегут, торопятся и мои годы. И кажется иногда, что это кто-то невидимый машет передо мной бело-зелёным флагом: зима-лето, зима-лето. И я даже вижу, как сердито спешит он отсчитать отпущенные мне годы, будто все дела мои на этом свете сделаны и незачем дарить мне долгое лето, а уж тем более – зиму.

Родился, рос, любил. Растил. Недавно тайком подходил к дому: там праздновали день рождения. Моей дочери, моему галочонку исполнилось 16 лет. Из квартиры доносилась музыка, весёлые юные голоса, смех. Я прислушался к Ленинскому празднику из-за двери и ещё долго с улицы смотрел на ярко освещённые окна.

Выросла моя Лена – не пришлось моей галке лететь одной, я был рядом, пока мог. Саша в университете... И мне приятно – обращается он ко мне по-товарищески, как к ровеснику. «Ну что, папа – Василий Александрович! – написал Саша к празднику. – Поздравляю с книгой. Зашёл вчера в магазин и был приятно удивлён: на полке среди новинок симпатичный томик «В. Вадоров. Повести».

Я, конечно, купил. И знаешь, когда на следующий день зашёл купить ещё, «В. Вадоров» уже исчез.

Значит, «Синий патефон» ты так и не написал?.. Что-то я его в книге не нашёл. Ничего, папа. Зато написал другое. На мой взгляд – неплохо. Но, надо сказать, что больно уж хорошие, добрые у тебя получаются герои. А ведь в жизни всякие есть, есть и недобрые, и хитрые, разные – в общем. И их бы тоже показать не мешало. Но это так, к слову. Конечно же, у каждого писателя – свой взгляд и свои герои. Главное – пиши. И письма, кстати – тоже. Дневники, как я от тебя слышал – уже есть, ты их закопал по молодости. Ничего – потомки откопают. Повести – имеются. Так что – пиши письма. Чтобы получилась книга: «В. Вадоров. Повести. Дневники. Письма».

Вот такие дела... Зима – лето, зима – лето... Белое – зелёное...

И знаю уже давно: я такой же, как и все прочие. До неба не вырасту. И жить вечно вряд ли получится. И «хорошим» не всегда удаётся оставаться. Но бывают минуты, когда, как и в детстве, вспыхнет, высветится что-то в голове и в сердце, и стану я так чист, лёгок и душой, и телом, что, кажется, оттолкнись посильнее – взлетишь, воспаришь над грешной землёй. И тогда вновь повторяешь: жизнь – бесконечна, жизнь, друзья, это – чудо! Не пеняйте, не сетуйте на неё!

Такие открытия приходят, когда удаётся придумать, сделать что-то доброе, нужное людям, когда услышишь и поверишь голосу: «Забудь о себе. Это ни к чему в твоей короткой жизни. Помни о близких, о спутниках своих, чтобы и им открылась радость жизни. И ты будешь счастлив, и – вечен!»

А в соседней комнате мои друзья, пока я пишу эти строки, открыли патефон, и он, как и десятки лет назад, выговаривает знакомый мотив из счастливого пионерского детства:

Если завтра война, –
Если завтра в поход...

Дребежит мембрана, крутится пластинка, отматывая годы и десятилетия. Горькие проводы первой военной зимы. Все песни уже спеты, остались только слёзы и причитания по уходящим отцам и братьям. А вот и я: маленький мальчик спрятался за чужими спинами, трёт глаза мокрой рукавицей, прислушивается, как мать с отцом, сёстры и братья, и вся остальная родня прощаются с уходящим на фронт восемнадцатилетним братом Гришой, который никогда уже не вернётся назад.

– Гришук! Со всеми попрощался?! – с плачем спрашивает мать.

– Нет, нет! – поспешно выкрикивает Гриша. – Вася! Где Вася?

И все, кто рядом с ним, начинают кликать:

– Вася! Васюк! Вадоров Вася!..

– Вася! – зовёт старший брат.

И мальчик молчит, совсем растерявшись, и уже не смеет откликнуться, показаться, и садится от горя на снег, и плачет.

Зима – лето, зима – лето, белое – зелёное...

Перевод В.Шахова

Фёдор Конев

Фёдор Егорович Конев, сценарист, писатель. Уроженец коми села Мужи Тюменской области. В 1960-е годы работал на Сыктывкарской студии телевидения. В настоящее время живёт в г. Минске.

Член Союза кинематографистов РБ, член объединённого Союза писателей России и Беларуси.

Мужи

Роман не роман, повесть не повесть, а некое плетение из рассказов и раздумий оказалось в моих руках, когда я соединил записки старых и добрых своих знакомых Василия Вокуева и Афанасия Чупрова. Свои рукописи они после настойчивых уговоров с моей стороны доверили мне без всяких условий, уверенные только в одном, что уж я-то прочитаю их от корки до корки. Все мы трое родились в Мужах, в старинном селении, когда-то обоснованном коми людьми, пришедшими из ещё более старого села Ижмы, что стоит в низовьях Печоры. Это нас воедино и сводит. Только Чупров, как и я, двадцатилетним парнем уехал в город и потом бывал наездами, а Вокуев не покидал родных мест.

Не найдя другого жанрового определения, назвал я труды своих земляков свидетельствами. А свидетельствовали они о том времени и о тех людях, что в моей душе занимают господское место, всю остальную житейскую мишурку сильно оттеснив!

Если раскрыть любую географическую карту России и вести пальцем вниз по Оби, то в обязательном порядке, не доходя до Полярного круга, увидишь обозначение населённого пункта – Мужи. Это село отмечено на любого рода картах, и даже на школьном глобусе. Правда, давненько не видел я школьного глобуса, лет этак шестьдесят с небольшим. Но в своё время мы, мальчишки, очень даже гордились, что наше родное село так почитается. На самом деле всё объяснялось куда как проще, картографам надо было хоть как-то оживить безлюдные просторы Нижнего Приобья. А то ж одни болота, лес да вода... Где же освоение Севера под руководством партии?

Село основали в давние времена Чупровы да Коневы, Ануфриевы да Вокуевы, Семяшкины да Дьячковы, люди разных родов, но одинаково отважные, предприимчивые и православные. Назвали поселение по нынешнему общепринятому толкованию словом «мужи», что в переводе означает «живун». Зимой местная рыба

обитает в речных ямах, которые и называются «живунами». В первые годы своей бытности селище на тысячи километров вдоль и поперёк нехоженой тайги было единственным островком, где люди на скованной вечной мерзлотой и большую часть года накрытой снегами земле грелись печным теплом. И впрямь – «живун», оазис прямо. Да и по-русски звучит приманчиво – Мужи, будто названо село в честь особой стати и силы мужиков, надёжной опоры и защиты своих баб.

В этом селе я родился среди счастливых родителей, добрых тёток и дядей, многочисленных участливых родичей, с первых дней слышал согретые сердцем голоса; впервые выбрался на крыльцо и обомлел, увидев Обь, которая серебристо рябилась на солнце, приветствуя меня миллионом бликов, солнечных зайчиков; рос вольно, предусмотрительно от данный воспитанию самой природе; уже отроком основательно знал тайгу, реку, бесчисленные протоки и сймы, навыки птиц и повадки рыб; немел от изумления под северным сиянием; привык к лютым морозам, беспросветным выногам, ливням и грозам, всегда находя по опыту предков спасение; впервые вывел пером на чистой линованной бумаге дивное слово «мама»; слушал учителей, поражаясь тому, как велик мир и как он сложно устроен; дружил и дрался со сверстниками; в пятнадцать лет впервые целовался с девчонкой, клянясь любить до гробовой доски; и в этой круговорти лиц, мыслей, чувств и повседневных открытий развивалась душа, которая и поныне со мной, реликто-вая...

Село нынче разрослось, от прежнего ни одной избушки не сохранилось, наехало много разноликого народу в поисках доброго заработка для поддержания своей жизни, а населявшие моё детство люди лежат на обширном кладбище, что раскинулось на высоком берегу Югана, притока Оби, и на мой печальный клик не отзовутся. Стоят над их могилами кресты, немо указуя на небо... Может, милые их души, родственные мне, ждут там меня, греясь вблизи какой-нибудь звезды, как возле костра, бывало.

Иногда найдёт грусть, окутает сердце печаль тёплым туманом, и прошлое становится большей явью, чем суетно бегущий день, чем пустая возня за местечко под солнцем, и в такие минуты начинает казаться, что я живу на другой планете, чуждой мне, а близкая душа моей там, далеко, среди триллионов звёзд, и даже не свет, а только потаённое тепло от неё достигает меня. Там все свои и там я свой. Та планета называется – Мужи. Это о ней свидетельствуют мои приятели Афанасий Чупров, увидевший ОБЛАКО, и Николай Вокуев, заполняющий АМБАРНУЮ КНИГУ.

Облако

Доподлинно помню тот день и час, когда осветила мою смутную душу изумительно ясная и простая догадка – кто же мой ангел-хранитель и почему так часто он спасал меня в трудные часы житейских неурядиц или духовной слепоты.

Однако прежде следует, по моему разумению, хоть несколько рассказать о себе, и не потому, что, может быть кому-то уж очень интересна моя персона, а единственно ради того, чтобы понятнее стало, о чём я собрался откровенничать и чего ради сел за письменный стол, с которым в последние годы поддерживал лишь касательные отношения, то есть изредка влажной тряпкой вытирая пыль. А

вообще-то с младых лет, можно сказать, был склонен к сочинительству, немало исчеркал бумаги, но все свои творения хранил в нижнем ящике стола и не по причине скромности или критического к себе отношения, а только в силу огульной обломовской лени и чисто маниловского благодушия – чего суетиться, мол, и бегать по каким-то там редакциям, когда всё образуется само собой: придёт умный дядя – не может не прийти! – и заберёт всё написанное, дабы тут же, незамедлительно выпустить отдельной книгой на вящую радость читающей публике. Однако лета плыли, что облака по небу, и уже за пятьдесят перевалило, а умный дядя где-то заплутал и всё не приходил. Потом наступило время, когда я отчаялся от ожидания, в стакане водки утопил истаявшую до спичечной худобы надежду и остаточный, одному Богу ведомый срок жизни решил провести растительным образом, то есть как трава, как придорожный куст.

И что же собой представляла эта моя растительная жизнь?

Главной её особенностью, её сутью было то, что так полно выражает принцип – мне всё до феньки! К этому основополагающему постулату я пришёл в конце восьмидесятых годов текущего столетия, насмотревшись до оскомины телевизионных передач, начитавшись до икоты газет и журналов, а также наговорившись до хрипоты о политике, выясняя, чем один лидер лучше другого, как большевики охмуряли народ, а потом назывались демократами и принялись за свои греческие дела с новой яростью, почему, однако, всех мастеров спасители не могут несчастный народ сделать счастливым. Когда же уразумел, что передо мной разыгрывается великий спектакль, в котором мне уготовано место безликого статиста, коим я был всю предыдущую жизнь, я весьма обрадовался и успокоился.

Ни во что не верить, ничего не ждать и не строить иллюзий – это большое счастье, потому что потом не придёт разочарование и не будет стыдно за то, что при твоём участии творились не благие дела. Меня очень устраивала моя растительная жизнь. Я чувствовал себя гостем на этой земле и поступал, как подобает гостю – ни во что не вмешивался, ни с кем не спорил и не лез, куда надо и куда не надо, со своим уставом. Только одно неудобство огорчало – надо было подзарабатывать, чтоб прокормить и мало-мальски приодеть себя. Благо, я человек одинокий и весьма неприхотливый, вполне хватает тех деньжонок, что получаю от продажи домашних тапок, мною сработанных. Можно в нынешнее время развернуть большое дело, открыть цех и не только тапочки плести, но изготавливать разные другие поделки из кожи, закупая материал в деревнях, но тогда моя жизнь стала бы уже не растительной, а я этого не желаю. Створю две-три пары тапочек, на вид – загляденье, такие в старину князья носили, и – на рынок. Вот тебе и деньги. Можно целый месяц пробавляться, как захочется. Для полной ясности добавлю, что мои дети давно выросли и живут своими семьями, а жена много лет назад – как в песне – нашла себе другого и живёт, слава Богу, очень даже уютно. Так что по части семьи всё сложилось благополучно и мне хорошо в моей однокомнатной квартире на четвёртом этаже панельного дома в окраинной части города.

На свете мало счастливых людей, и я один из них, потому что у меня много свободного времени. Может быть, по этой причине, а вернее – и по этой тоже я открыл однажды вечером нижний ящик письменного стола и достал красную папку. В этой папке лежали рассказы, написанные в разные годы, но все – о

Севере. Обстоятельство сие объясняется тем, что родился я в старинном селе Мужи, которое стоит на левом берегу Малой Оби. Там я окончил школу в середине пятидесятых годов, после армии вернулся и три года работал на лесопилке. Мне было двадцать четыре года, когда я уехал из родного села и более туда не возвращался, потому что к тому времени родители умерли, и никто меня там особенно не ждал. Окончив Московский государственный университет и за годы учёбы обретя славного друга Володю, я уехал с ним в его родной Минск, умудрился прописаться и устроился учителем истории в одной из рядовых школ. Это было в начале шестидесятых, то есть более тридцати лет я живу тут и смею сказать, что здешняя земля стала моей второй родиной.

В школе я не особенно задержался, было скучно повторять из года в год одно и то же согласно учебникам, зная при этом кое-что из подлинной истории. Я, видимо, по характеру из тех людей, кто не любит ходить по одной и той же тропке. Мой друг Володя, которого я и поныне называю славным, устроил меня корреспондентом в республиканскую газету, но не заладилось с главным редактором, и я ушёл в ученики к реставраторам, случайно сойдясь с ними, помогал обновлять росписи в Пинской церкви, ездил по республике в поисках старины, но перспектива корпеть над какой-нибудь иконой и снимать слой за слоем в попытках найти первоначальную живопись меня не прельщала, не хватало профессиональной одержимости. Подался редактором на киностудию, но эта цензорская работа очень скоро надоела, и я перешёл в цех подготовки художником-декоратором, но попал на беспредельно глупую картину, обозвал режиссёра придурком, и оставалось гордо хлопнуть дверью. Дальше больше – прибился к артели, строил коровники, заливал бетоном фундаменты для дачников, затосковал по интеллектуальной работе, пришёл к Володе с поклоном, и он устроил меня в толстый журнал, где проработал довольно долго, пока не пришла мысль из кожаных полос сплетать тапочки без задников. И вот уже четвёртый год хожу в свободных ремесленниках.

Но, видимо, нельзя быть бесконечно счастливым, как невозможно питаться одной чёрной икрой. Когда постоянно солнечно, появляется тоска по какой-нибудь тучке. Вот она и шевельнулась во мне – тоска.

Я раскрыл папку и уставил на стопку отпечатанных на машинке листов. В нижнем ящике стола были и другие папки, но я взял красную и обнаружил в ней рассказы, которые – как припомнилось – писались в часы необъяснимой и внезапной тоски по земле моих прадедов.

Тогда перед мысленным взором распахивались речная ширь и сизая безбрежная тайга...

Синие увалы

За мелким и частым ельником кто-то кричал надорванным голосом:

– Спасите!

– Иду, иду, – добродушно бормотал Вокуев, но споткнулся о корневище и долго разглядывал подошву, не сорвалась ли в носке. Бродни были не новы, но он жалел их, потому что сработаны старым, ныне уже покойным, другом Сухомятым, и так пришлись по ноге, будто в них родился.

К счастью, подошва была цела, и Вокуев зашагал дальше. За ельником находилось болото, гиблое место, по которому только Вокуев и мог пройти, за полвека лесной жизни отыскав-таки заросшую мхами тропу. Может, осталась ещё от тех зверей, которых теперь и на земле нет. Была она единственной на всё болото, вытянутое многокилометровой гнилой пастью вдоль Синих Увалов.

Беспорядочно бился и вопил в трясине лет двадцати чернявый со сплющимися волосами и побелевшими от страха глазами парень. Увяз он по самые рёбра, усугубляя и без того жалкое своё положение бесполезной суетой.

— Ты не трепыхайся, — посоветовал ему Вокуев.

Парень не сразу поверил своему слуху, а разглядев перед собой человека, так рванулся вперёд, что ещё глубже ушёл в ржавую хлябь и уже прохрипел:

— Тону...

Бестолковый и очумелый страх парня раздражал Вокуева, поэтому он недовольным голосом проговорил:

— Вон, сбоку, ухватись!

Парень пугливо повёл головой вправо, увидел окружную и пышную, как бабья грудь, кочку, и обнял её.

— Вот и держись, — вздохнул Вокуев, посмотрел по сторонам и пошёл назад.

— А-а! — завопил парень.

Вокуев с досадой поглядел на него и проговорил:

— Не маленький, вроде...

Перейти болото зимой охотников не находилось. Сколько Вокуев ходил в лесниках, такого смельчака видеть ему не привелось и едва ли приведётся. Причина тому была ясная: самое отважное сердце дрогнет, когда среди первозданных снегов, окутавших деревья, кусты, кочки, вдруг открываются глазу чёрные, как могилы, незамерзающие окна, от которых поднимается густой пар. Обманчивой и жуткой кажется вся снежная равнина, ступи — и поглотит тебя смоляная мгла, а в образовавшуюся прорубь ударит белый пар.

Но летом, в пору буйной зелени, недели не проходило, чтобы кто-нибудь да не угодил в болото. Обычно это были туристы.

Устроят привал на берегу Оби, на высоких весёлых холмах, где растут звонкие сосны, и при закате солнца любуются Синими Увалами, а утром обязательно окажется среди всех разумных один одержимый и пойдёт через тайгу, надеясь одолеть дорогу за короткие часы. Но солнце закатится и снова взойдёт, а вокруг всё будет тайга — мох по колено, застоялый сырой воздух и лохматые лапы елей над головой. В полдень он выйдет из глухой чащи, обрадуется простору, увидит рядом Синие Увалы и устремится к ним.

Ведь непременно же друзья-приятели отговаривали от опрометчивого шага, пугали неожженой тайгой, но всё напрасно. Какую-то странную власть имели Синие Увалы над юнцами, — к счастью, это касалось не всех, — так что теряли они власть над собой и пускались в путь, не думая о риске. К болоту выходили, где приведётся, и Вокуев иной раз отмахивал километра три, чутким слухом лесного человека уловив крик, который казался слабее комариного писка.

Отчего природа распорядилась так, что перед Синими Увалами возникло препятствие?

Кто знает...

Вокуев вернулся в ельник, долго ходил, приглядываясь к деревцам, будто подбирал для новогоднего праздника, наконец, облюбовал в лощине ольху, срубил тремя ударами топора, очистил от веток и остался доволен.

Парень за это время несколько пришёл в себя и смотрел на Вокуева осмысленными глазами. Если человек срубил ольху, то не просто же так, рассудил он, и терпеливо ждал, что будет делать дальше медлительный старик.

— Дерево из-за тебя срубил, — ворчал Вокуев, пряча топор за пояс. — Куда ловчей арканом вас таскать, да где ты купишь добрую бечёвку? Ходил в село, спрашивал Рочева, который в хозяйственном, так нет пеньковой, а шёлковая не годится. У знакомого оленевода выпросил бы тынзян... Да где он, знакомый? Сроду не было.

Вокуев топтался между кочек, стараясь удобнее устроиться.

— Из каких краёв сам-то будешь? — спросил он, выравнивая каблуком крохотный пятак, чтобы уместились ноги.

— Из Ростова, — ответил парень.

— У меня приятель был, Захар. Женился на Фроське, пекарша у нас была, молоденькая. Так она Захара увезла к себе на родину, то ли в Ростов, то ли в другой какой город. Это в каком же году? Или в тридцать пятом, или чуть раньше. Призабыл...

— Я больше не могу, — напомнил о себе парень. Руки отнялись.

— Понятное дело, — согласился Вокуев. Только не блох ловим, спешка ни к чему. Один поторопился... В Ростове кто у тебя? Отец, мать?

— Да... И сестрёнка.

— Видал? Отец начальник али как?

— Слесарь на заводе.

— Во! Не лезет, куда не надо. Третьего дня тонул студент из Одессы. Четверо братьев у него и все младшие. Мать одна. Смекнул, что к чему? Этую ж ораву кормить надо!

— Я всё понимаю!

— А то один был из Омска. Я теперь всю географию знаю. Так он месяц тому женился...

— Я вам буду обязан, — торопливо сказал парень, осенённый вдруг привычной городской догадкой.

— Это как?

— Отплачу за добро.

Вокуев вздохнул:

— Один тоже обещал ружьё выслать. Да, видать, запамятали...

— Я обязательно!

— Зачем? Ружьё у меня доброе. Попусту не обещай. Ты мне скажи — а будущим летом?..

— Что будущим летом?

— Обратно сюда придёшь? Или отпала охота?

— Не могу больше!

— Вижу, — печально заключил Вокуев, — отпала...

До лесной избушки они шли сперва ельником, а потом вертлявая тропа повела их среди кустов багульника и чахлых северных берёз, всегда напоминавших Вокуеву миловидных лицом молоденьких сестриц-горбуний, когда-то давно жив-

ших в селе. Они умерли от цинги лет пятьдесят назад, но он почему-то никак не мог забыть их белые лица, удивительно нежные для северянок.

Иногда ему хотелось перенести берёзку, окоченевшую под тонкой берестяной одёжей, в свою лесную избушку и отогреть теплом жарко натопленной печи. Он ясно помнил сидевших у раскалённой до красноты времянки сестриц-горбуний, смотревших с восторженным ужасом на прибежавшего с мороза в распахнутом пальтишке соседа-сорванца, вывалившегося в снегу с головы до пят. Лицо одной как-то призабылось, будто размылось в белёсое пятно, зато крутые, резкие брови, пронзительные глаза и смешливый носик второй Вокуев видел так же явственно, как свою ладонь.

Ручей был неширок, бежал по камням и корневищам, струи его здимо переплетались, и чудилось, что они рождают хрустальный шорох. Вода оказалась ледяной, и парень ополоснул лицо, но раздеваться не стал, спросил:

- Нам далеко ещё?
- Шагай, дойдём.

Вокуев с безразличием отвернулся, перешагнул с камня на камень и сквозь густой ольшаник выбрался на пальник. От безветрия и горячего солнца здесь было душно, будто ещё не остыл жар от бушевавшего когда-то пожара. Мокрая одежда парня, высыхая, дымилась.

- Значит, охота отпала? – неожиданно спросил Вокуев.
- Какая охота?
- Обратно прийти?
- А-а! С меня хватит.
- Чего шёл-то!

– Гусев говорит: пойду, – стал рассказывать парень. – Танька принялась его уговаривать. А он рвётся. Ну, я и сказал: пошли. Гусь видит, что я не шучу, и прикинулся больным. Ноги, мол, натёр, болят. А чего им болеть? По-моему, Танька всё поняла. Ну, а я пошёл. Не мог же я после этого остаться.

Лесная избушка Вокуева стояла возле озерка, в котором паслись жирные караси. На крыльце лежала седая собака, она не стала без толку брехать на незнакомого человека, а только вопросительно посмотрела на хозяина и снова задремала.

В избе Вокуев раздел парня донага, закутал в байковое одеяло, усадил чай пить. Между прочим, сказал:

- Которого спасаю, а никто не обещал вернуться.
- Не дураки же, – отозвался парень.

Вокуев ничего не ответил, но явно остался недоволен, не стал садиться за стол, а вышел на улицу, в деревянном корыте выстирал одежду спасённого и развесил сушить.

Когда вернулся в избушку, парень уже спал, калачиком свернувшись на топчане. Тонкое, по-девичьи красивое лицо его улыбалось во сне. Вокуев постоял, потоптался на месте, потом выбрался на улицу, сел на порог, набил трубку и задымил. Отсюда видны были Синие Увалы. И что туда тянет? Какая такая сила?

Инженер из Тамбова тут вот сидел и плакал. Смотрит на увалы, а по щекам слёзы текут.

– Ты чего? – спросил его лесник.

А тот ему:

– Никогда себе не прощу, что не дошёл до них.

– А ты ещё попробуй, – подсказал Вокуев.

Инженер с горечью признал:

– На вторую попытку меня не хватит.

Не скажи он этих слов, открыл бы ему Вокуев правду. По единственной тропе, только ему известной, не раз переходил он болото и доподлинно знает, что нет там ничего, на Синих Увалах, кроме камня да лишайника. Мертвотам и оттого неуютно человеку. Пологие склоны покрыты мелким плоским камнем, как чешуй. Даже полевые мыши не водятся. Зябко и одиноко по ту сторону болота, как на покинутом кладбище в сумеречный час. И тени облаков, бегущие по земле, нагоняют непонятную печаль.

Увалы эти кажутся синими только издалека.

Вокуев разбудил парня рано утром, как только встало солнце.

– Знать, сбились с ног, ищут, – сказал он.

Парень оделся во всё сухое.

– Спасибо вам, – поблагодарил он. – Даже не знаю, как вас и...

– Поторопись.

– Куда мне идти?

– Вона дорога. Прямо в село приведёт.

– Не заблужусь?

– Не сходи с дороги.

– Огромное вам спасибо!

– Прощай.

Парень уходил легко и раскованно. Скоро он встретится со своими друзьями-приятелями, станет заливать, как добрался до Синих Увалов и какое это счастье прикоснуться к великой тайне, которую передать на словах невозможно, а можно лишь самому познать.

Вокуев наверняка знал: так оно и будет. Сам не раз слышал бахвальство вытащенных из хляби. Кто-нибудь доверчивый примет за чистую монету речи хвастуна, затуманенным взглядом уставится на далёкие увалы, а потом пойдёт...

Вокуев смотрел на уходящего – и спрашивал себя, отчего и этому не показал тропу, не повёл к Синим Увалам, чтобы увидел юнец, что ничего там нет? Отчего?

По странной душевной прихоти Вокуев ждал, что всё же найдётся человек, которого болото не испугает с первого раза, и он рискнёт вторично. Снова Вокуев спасёт его, но сильнее собственного страха окажется человек и опять устремится к Синим Увалам. Уж такой умрёт, но не успокоится. И ему-то Вокуев покажет тропу.

– Иди, – скажет он, – но там ничего нет.

Помолчав, добавит:

– Там ничего нет, но ты иди.

Однажды Вокуев взобрался на гребень увала и увидел впереди, до самого горизонта, плоские безлесные холмы. А что за каждым этим холмом? А что за ними за всеми?

Вокуеву до слёз было жалко, что он уже стар и долгую дорогу ему не одолеть.

* * *

Вот такой, значит, рассказ... Вокуева этого я знал, приходился он мне родственником по материнской линии. Это к слову...

Прочитав «Синие Увалы», я ещё не догадывался, что моей беспечальной жизни приходит конец. Чувствовать себя спокойным и равнодушным, когда рушится страна, на обломках возникают войны, мечутся растерянные толпы и витийствуют перевёртыши, было своего рода протестом. Так протестует умерший, когда на его поминках говорят ненужные и глупые речи, безобразно много пьют и, в конце концов, забывают, ради чего собрались. Я, подобно покойнику, отстранился от всеобщего безумия и единственno чегo хотел – чтобы меня не трогали. Но мою растительную жизнь порушила не буйная действительность и не чужая сила, а моя же свобода.

Я как прежде жил? Ел, пил, работал, спал, просыпался, ел, пил, работал, спал... Задумываться было некогда. К тому же затюканная житейскими мелочами душа отучилась летать и разве лишь изредка хлопала крыльями, как курица, но тут же смирялась, понимая бесполезность потуг. Но вольная воля последних лет, полная свободы, мною обретённая, стали причиной того, что душа моя оклемалась и, видать, стало ей тесно, как утёнку в скорлупе: клюнул раз, второй и высунул голову, выбрался на свет божий, пошёл на слабых ёщё лапках, спустился к озеру, поплыл по воде, нырнул – дна не достал, взлетел – звёзд не достал, с того и начинается смута, вечное недовольство и стремление.

Очухалась душа-то и спрашивает:

– Родился, чтоб умереть? Зачем? Какой смысл? Говоришь – живу, потому что ёщё не умер. Помру – не буду жить. Экая, брат ты мой, гармония! Но зачем-то же была тебе дадена жизнь? Какое-то ж было твоё предназначение? Или всё случайно? Всё понарошу?

С той минуты, как я достал из ящика стола красную папку, и до той, когда осенила меня светлая догадка, о которой я намекнул в начале повествования, прошло не много времени, не более месяца, но с каждым днём нарастали вопросы, которые прежде меня обходили, а может быть, потаённо зрели, наливались ядовитой силой, как яблоки соком. А потом безудержно прорвались – и вопрос за вопросом. И до того меня довели, въедливые, что я заметался в своей однокомнатной квартире, аки зверь в клетке.

– Что есть свобода? Почему не добро воспользовалось ею, а зло? Почему так торжествуют низменные страсти? Свобода – значит, долой стыд? Так, что ли? Свобода от кого? От Бога? От совести?

Однажды пришло в голову позвонить Володе Ветковичу, старинному другу, с которым давно не виделся.

С Володей мы познакомились в студенческом общежитии по приезде моём в самом начале шестидесятых годов в Москву для поступления в университет. Он с хохотом ворвался в комнату и со стуком поставил на стол две бутылки портвейна «Три семёрки». Нас было трое, обитателей жилья, и его поселили четвёртым.

– Этот факт треба замочить, иначе получится не по-людски, а все мы христиане, и не пристало нам нарушать заповедные традиции предков.

Володя говорил громко, связно складывая слова, будто вёл некую песнь. Не прошло четверти часа, как стол был накрыт, и мы сидели за ним, широко и

благодушно улыбаясь друг другу. После разных тостов и общей болтовни Володя вдруг повернулся ко мне всем туловищем и с интересом спросил:

- Кто ты, а?
- Афанасий, – ответил я с недоумением.
- Да нет! По национальности?
- Коми.

– О! – воскликнул Володя. – Точно! Посадили коми картошку. Назавтра выкопали и съели. Агроном прибежал, кричит: «Что вы наделали?» Коми отвечают: «Очень кушать хочется».

Анекдот по тем временам был свежий, рассказчиком Володя оказался отменным, да и вино заиграло в жилах, так что хохоту было много. Посмеялся и я. Но в глубине души обида затаилась. Что хорошего в том, когда твой народ выставляют глупым?

- Из какого села? – опять спросил Володя.

Не знаю, как нынешние северяне, а прежде северный человек никогда не показывал, что обиделся. Обиженный слаб, как ребёнок, а надо быть спокойным.

- Мужи, – отвечаю, – называется.

– Точно! – опять воскликнул он и обратился к двум остальным: – Строили в Москве Собор Василия Блаженного. Иван Грозный посыпает гонца в Мужи. Мол, выплите триста тысяч яиц. Для раствора применяли. Те прислали... сварив вкрутую.

Сам хочет, того гляди захлебнётся.

– Куропачьи? – спрашиваю я, когда мои собутыльники поуспокоились. – Кур тогда не держали. Куропаток хватало.

- Домашних?
- А как же!
- Правда, что ли? – Володя попался. – Я такого не слышал.
- Тёмный человек, вижу.

Но вскоре я пожалел о своей глупой шутке, потому что каждый раз, знакомя меня с кем-нибудь, Володя добавлял:

- Северянин. Они там куропаток приручили.

На Володю было трудно обижаться, потому что весь он в ту пору светился беспечным скоморошьим весельем, весь был пронизан какой-то солнечной жизнерадостностью. Но это я увидел чуть позже, а в тот вечер мне были неприятны его шутки. Посмеявшись над глупыми людьми, пославшими царю варёные яйца, он тут же, почти без перехода, начал говорить о том, какие у него на родине, в Белоруссии, красивые песни поют. И спел одну несильным, но приятным голосом. Потом стал хвастать, что лучшего края на земле нет, где были бы такие леса, реки, озёра, такие болота и лужи, а что касается девушек, так и думать не смей, что краше их могут быть. Володя забывался, как токующий тетерев, когда говорил о родном kraе, всё там было исключительным – и старина, и новь, и люди, и легенды...

- И слоны крупней? – спросил я, уловив короткую паузу.
- Что ты, братка! – вскинулся Володя. – Да у нас...

И только тут до него дошло, что заговорился. Володя расхохотался так искренне, так безудержно весело, что у меня в груди растаял ледок обиды. Я потом много раз слышал, как Володя спрашивал новичков:

– Бурят, говоришь? Посадили буряты картошку. Назавтра выкопали...

– Откуда, говоришь? – теребил очередного.– Точно! Царь Иван Грозный послал на Алтай послы...

Не единожды слышал я от него про эту картошку и варёные яйца, но каждый раз было смешно, потому что даром лицедейства он обладал отроду. Одни обижались, другие смеялись вместе с ним, а как-то наедине со мной Володя вдруг сказал:

– Человек без юмора – это уже не человек.

Я стал возражать и привёл пример, назвав имя одного из наших общих знакомых, отличавшегося своими знаниями и подававшего надежды, как говорили преподаватели, но совершенно не понимающего шуток.

– Вот доказательство! – обрадовался Володя. Он умный пень. А даже умный пень – это не дерево.

Гибкий ствол, устремлённый к небу, раскидистые, будто желающие обнять весь мир ветви, трепетные, как страсти, чуткие до малейшего дуновенья ветра листья – это всё то богатство, которого лишён пень, если даже он очень умный. В этом я согласен с Володей и по сей день.

Наше приятельство в студенческие годы постепенно выросло в дружбу, мы часто бродили вдвоём по Москве и бесконечно рассказывали друг другу о тех краях, где родились и выросли, и о тех людях, которые населяли наше детство и отрочество. Должно быть, каждый из нас нашёл в другом благодарного слушателя...

Володин телефон не отвечал, и я снова обратился к красной папке. Рассказы там лежали без всякой системы, но я не стал ворошить их и делать какой-то отбор, а читал подряд.

Продолжение следует...

ШТУДИИ

Юлия Подлубнова

*Подлубнова Юлия Сергеевна, 1980 г.р.,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка УГТУ-УПИ.*

«Письмо коми-пермяцкого народа вождю народов товарищу Сталину» как документ сталинской эпохи*

В первой половине октября 1936 г. ведущие газеты города Свердловска – «Уральский рабочий», «На смену!» и др. – поместили на своих разворотах огромное стихотворное полотно с говорящим названием: «Письмо Коми-Пермяцкого народа вождю народов товарищу Сталину»¹. Напомним, что в 1930-е гг. Коми-Пермяцкий автономный округ, хоть и был административно самостоятельным, однако во многом зависел от Перми и ставшего за годы существования Уральской области столицей Урала Свердловска. Письмо явилось для коми-пермяков публикацией столичного характера: вероятно, они рассчитывали, что Сталин и официальные власти прочитают и примут к сведению их послание.

Изначально письмо было выполнено на коми-пермяцком языке «уполномоченными» (как это было обозначено в подписи под текстом) поэтами Михаилом Лихачевым, Николаем Поповым и Степаном Караваевым, уже известными и уважаемыми в регионе. Кто конкретно их «уполномочил» – определённые государственные структуры или писательская организация – сейчас вряд ли установишь, но очевидно, что авторы выполняли заказ сталинской эпохи с её мощной установкой на geopolитическую интеграцию народов Союза. Текст сопровождал комментарий, свидетельствующий о том, что данное послание подписали 81 тысяча 473 человека, то есть почти весь коми-пермяцкий народ. В газетах Свердловска письмо появилось в переводе членов Свердловского отделения ССП Николая

* Исследование подготовлено в рамках комплексного интеграционного проекта УрО РАН «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте: XVIII – начало XX века».

¹ См.: Лихачев М., Попов Н., Караваев С. Письмо Коми-Пермяцкого народа вождю народов товарищу Сталину / пер. Н. Куштума, В. Занадворова, К. Мурзиди // Уральский рабочий. 1936. № 231 (6367). 6 окт.; То же // Колхозный путь. 1936. № 130. 8 окт.; То же // На смену! 1936. № 144 (2951). 9 окт.; То же // Всходы коммуны. 1936. № 110 (1043). 12 окт.

Куштума, Владислава Занадворова и Константина Мурзиди, поэтов, широко известных на Урале и часто выступавших на страницах региональной прессы.

Такое, казалось бы, необычное «Письмо» для эпохи 1930-х гг. не было чем-то беспрецедентным. Скорее, наоборот, оно не выходило за рамки общих стратегий массовой художественной продукции своего времени, которые имели политически заданную функцию формирования гражданской активности народов Союза. Так, например, первыми публикациями подобного рода были «Письмо трудящихся Казахстана (так! – Ю. П.) товарищу Сталину» и «Письмо товарищу Сталину от трудящихся Советской Армении», появившиеся в «Правде» осенью 1935 г. и подписанные 626 тысячами 436 (Казахстан) и 150 тысячами (Армения) ударников республик¹. Это не были стихотворные тексты, но именно они подготовили их появление. Традиция стихотворных писем вождю народов началась с помещённого в «Правде» от 25 февраля 1936 года «Письма трудящихся советской Грузии вождю народов великому Сталину», написанного в связи с пятнадцатилетним юбилеем республики коллективом грузинских поэтов, куда вошли П. Яшвили, Г. Леонидзе, Н. Мицишвили, А. Машаврили, и перепечатанного в переводе В. Гаприндашвили, А. Канчели и Г. Цагарели прессой Союза. Это «Письмо» было подписано 1 миллионом 580 тысячами человек². Несложно догадаться, почему именно грузины заговорили стихами: ощущая свою особую близость к Сталину, они получали негласное право на доверительные интонации, которые предполагает обращение к поэзии. Вероятно, грузины хотели выделиться на фоне публицистически неярких предшественников, преподнести вождю настоящий подарок. Тем более, что сам вождь некогда имел опыт создания стихотворных текстов. Его юношеские стихи, как известно, среди лучших образцов грузинской классической литературы в начале века попали в пособие по теории словесности М. Келенджеридзе. В заглавии текста коллективом грузинских поэтов впервые была употреблена риторически расхожая формулировка «вождь народов», которая в последующем прочно вошла в ряд подобных образцов эпистолярной продукции, в том числе в «Письмо» коми-пермяков.

Отметим, что это клише появилось в тексте недаром. В то время, когда в печати Союза стали появляться данные письма, в Москве шла активная работа над новой конституцией, получившей в прессе название «мудрой сталинской». Готовящаяся конституция позиционировалась как конституция счастливых народов СССР, как основание их нерушимой дружбы под мудрым предводительством «старшего брата» русского народа и «вождя народов» Сталина. Представленные «Письма», таким образом, имели государственную значимость, означая полное одобрение сталинской политики со стороны республик и округов России.

Нам известны ещё два «Письма», предшествующие коми-пермяцкому. Во-первых, это пафосное и во всех отношениях превзошедшее грузинское «Письмо белорусского народа великому Сталину» (авторы – Я. Купала, Я. Колас, А. Александрович, П. Бровко, П. Глебко, И. Харик, переводчики – А. Безыменский, М. Голод-

¹ См.: Письмо трудящихся Казахстана товарищу Сталину // Правда. 1935. № 293(6539). 23 окт.; Письмо товарищу Сталину от трудящихся Советской Армении // Правда. 1935. № 327(6573). 28 нояб.

² Письма трудящихся советской Грузии вождю народов великому Сталину // Правда. 1936. № 55(6661). 25 февр.

ный, М.Исаковский, А.Сурков, подписи 2 мил. трудящихся республики)¹. Вскоре после публикации его текст был вышит на шёлке, упакован в инкрустированный сундучок и подарен вождю белорусской делегацией на четвёртый день восьмого Чрезвычайного съезда Советов, который вошёл в историю, как раз благодаря принятой на нём новой Конституции СССР². Во-вторых, совсем скромное по сравнению с грузинским и белорусским «Письмо колхозников-джигитов Туркмении товарищу Сталину» (автор – О.Ташназаров, переводчик – Г.Веселков, подписано 976 участниками первого всетуркменского слёта колхозников-джигитов)³. Были ли у коми-пермяцкого письма другие предшественники, на данный момент установить сложно, т.к. для этого необходимо тщательное изучение прессы российских регионов, населённых различными народностями. Мы доподлинно знаем, что существовали «Письма» калмыцкого и чувашского народов, но даты их создания нам пока неизвестны.

На основании фактов, приведённых выше, можно определённо утверждать, что «письма вождю» от народов были специфическим феноменом советской поэзии 1930-х гг.⁴

«Письмо коми-пермяцкого народа», как и многие подобные письма, явилось своего рода политической декларацией и имело чёткие функции официального документа, которые можно обозначить следующим образом:

- функция декларативная: в «Письме» народ широко заявлял о своём существовании, своих правах и обязанностях «младшего брата» в «семье народов» СССР;
- функция идентификационная: народ определял своё место и статус в рамках советской действительности и закреплял их за собой на официально-общественном уровне.

Остановимся на этих функциях подробнее. Присоединение адресанта к «семье братских народов» декларировалось в «Письме», главным образом, за счёт выбора объекта послания и манеры обращения к нему. Символично, что в адресаты попал, например, не первый секретарь Обкома ВКП(б) столичного для коми-пермяков г. Свердловска, но сам товарищ Сталин, незадолго до того давший стране проект Конституции, в котором признавались равенство и права народов СССР. Этот выбор свидетельствовал об исключительной важности представляемого широкой публике текста: коми заявляли о своём отношении к вождю и, через него, – к другим народам страны.

В начале «Письма», под заголовком, было помещено обращение: «Дорогой наш вождь, учитель, друг, Иосиф Виссарионович!». Первые четыре каторна содержали приветствие адресанта адресату: коми передавали «любимому Сталину» «пламенный привет». Основной текст был написан от первого лица множествен-

¹ Письмо белорусского народа великому Сталину // Правда. 1936. № 189(6795). 11 июля.

² См.: Селицкая Л., Скалабан В. Сундук с письмом для товарища Сталина // Советская Белоруссия. 2005. № 169(222327) 2 сент. и № 170 (222328) 3 сент.

³ Письмо колхозников-джигитов Туркмении товарищу Сталину // Правда. 1936. № 246(6852). 6 сент.

⁴ Существовали также «письма вождю» от различного рода коллективов. В них не была акцентирована национальная составляющая. Например, в июне – начале июля 1936 г. по детским изданиям страны прошла волна публикаций «Письма товарищу Сталину от пионеров Москвы», подписанные большой группой человек. См. свердловскую публикацию: Письмо товарищу Сталину от пионеров Москвы // Всходы коммуны. 1936. № 70 (1003). 4 июля.

ного числа: в обращении коллективного «мы» к вождю на «ты» подчёркивалась особая степень близости к нему. Вождь расценивался как близкий человек, учитель, друг и отец, народ – как его сын и последователь, равноправный в группе других народов страны – что в письме-декларации особо не прописывалось, но подразумевалось самим фактом наличия коми-народного послания в контексте других народных посланий 1930-х гг.

Идентификационные доминанты в тексте были манифестираны несколько иным образом. Определение своего места и статуса в рамках сталинской действительности и государственности для коми-пермяков, как и для всех других народностей, означало совмещение двух космосов, двух менталитетов: традиционного и новейшего. «Письмо» стало результатом слияния коми-пермяцкого космоса с космосом советским, становившимся доминирующим в культуре народа при условии сохранения национальной специфики. Данное слияние происходило в следующих системах координат: географической, исторической, мифологической и лингвистической.

Так, текст «Письма» был насыщен краевой топонимикой. Кудымкар, Юрла, Гайны, Вельва, Кува, Исыл и т.д. – названия экзотические для жителей иных регионов страны и даже иных областей Урала. При этом географические ориентиры и топонимы в большинстве случаев не просто обозначали конкретные населённые пункты и реки, но имели вполне определённую смысловую нагрузку. Показателен зacin, в котором коми передавали Сталину привет «*От тех краёв, где омывает Кама / Бескрайние таёжные леса, / Где бьют волной в крутой прибрежный камень / Славные реки Иньва и Коса, // Где наш Урал, отчизны самородок, / Камнями-самоцветами горит...*». Перед нами – культурные символы (Кама, сплавные реки), мифологемы края (Урал как самородок), его геопоэтические элементы (таёжные леса, самоцветы). Их упоминание работало на уже устоявшийся в общественном сознании страны образ Урала, а топонимы, которые, по всей вероятности, были значимы для культуры конкретного народа, дополнили данный образ мощным этносегментом. Урал выступил здесь именно как край коми-пермяков, который они в тексте письма и «преподнесли» Сталину. Для самоидентификации коми народа важно также, что устойчивая геосимволика края была дополнена в тексте новой, внeregиональной – сталинско-советской, осмыслимой подчёркнуто позитивно: «*Но золотые сталинские зори / Ворвались в ночь, – и зацвела земля*». Народ с наступлением новой эпохи стал осознавать и позиционировать себя не только как обитателя определённого региона и носителя его культуры, но и как жителя большой многонациональной страны, представителя уже общей «сталинской» культуры.

Включённость края в географическую парадигму Союза, акцентированная в «Письме», сопровождалась также советизацией истории конкретного народа. Коми авторы переосмысливали историю края в русле «Капитала» и готовящегося к изданию «Краткого курса ВКП(б)». Описание тёмного прошлого и страданий целого народа под игом дореволюционной действительности сменялось в тексте описанием светлого настоящего и мечтой о ещё более светлом будущем. Если раньше «*Здесь прозябали Пилы и Сысоики, / Нужду и горе поровну деля*», то теперь «*...квас и редьку мясом заменили / И вместо лука – яблоки и мёд*». Раньше край принадлежал богачам-самодурам Строганову и Демидову, теперь он принад-

лежит всему народу, ведомому «мудрым» Сталиным в коммунистическое будущее. Раньше здесь было 135 церквей и множество кабаков, теперь «Коми-край теперь культуры полон, / Вот возрожденья нашего плоды: / Четыре техники, совпартшкола, / Больницы, клубы, детские сады». Времена нищеты, голода, непосильного труда прошли, наступила эпоха изобилия, равенства и счастливой работы на благо Родины. Яблоки и мёд в тексте появились недаром – они выступили как символические детали земного рая, коммунистической утопии.

При этом народ в «Письме» не просто отрёкся от «тёмного прошлого», но написал новую историю: летопись подвигов, свершённых его лучшими представителями во благо страны Советов. Лесоруб Анфалов, стахановец Чугайнов, орденоносец Павел Кашин, ударницы Можаева и Катя Петухова, учитель Фирсов, лётчики Вилесов и Коркин стали героями новой эпохи.

Создание нового культурного космоса коми-пермяков в тексте «Письма» шло во многом за счёт политической идеологизации архетипов и культурных символов народа. Вот конкретный пример. Читая данный текст, нельзя не заметить, что сквозь образ Сталина, создаваемый с помощью расхожих средств советской сталинианы, пропасть образ другого культурного героя, святителя Стефана Пермского, создателя и первого епископа Пермской епархии, который проповедовал в землях коми христианство, создал для народа алфавит и перевёл на их язык основные церковные сочинения.

Как известно, Стефан пришёл к пермяцкому народу, дабы обратить его в христианскую веру. На этой ниве он достиг несомненных успехов: путём открытой борьбы и свершения ряда чудес он опроверг авторитет местных языческих богов и их жреца Пама и излил на язычников свет и благодать христианства. Кроме того, он выполнял прямые функции культурного героя, дав «тёмному» народу азбуку¹. Stalin, согласно тексту «Письма», также осветил и освятил коми-пермяцкий народ: он вывел его из тёмного многострадального прошлого в светлое настояще, о чём мы писали выше. Stalin – вождь с «зоркими глазами» и «человеческой улыбкой» – совершил и подготовил своим приходом ряд неоспоримых чудес: «С ночами принуждённые родниться, / Ослепшие когда-то старики / Тepерь прозрели в солнечных больницах / И старости и смерти вопреки». И так же, как и святой Стефан, Stalin дал народу азбуку:

Там, где по Иньве, по Куве, по Каме
Гудит волна меж берегов косых,
Был, словно клад, тяжёлыми замками
Зарыт народа нашего язык.

А вот теперь мы Пушкина читаем
На языке родном, в родном kraю... [5]

«Мудрое» слово Сталина осталось запечатлённым в священной книге – Конституции:

¹ См.: Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. М., 1981.

И все мы Конституцию читали,
Она проникла в дальние края.
Воспета в ней твоя эпоха, Сталин,
И мудрость гениальная твоя!

Таким образом, грамотный ныне народ смог отблагодарить своего культурного героя претендующим на эпичность стихотворным текстом.

Анализ текста «Письма» – при всём его «единообразно» заказном характере – позволяет скорректировать однозначно негативную оценку национальной политики СССР, содержавшую установку на братское единение (и унификацию) «семьи народов». Заметим, что «советизация» народа и его культуры шла через восприятие и усвоение государственного языка, но при сохранении права пользования языком родным. Ликвидация безграмотности и введение обязательной системы образования, изучение русского языка действительно открыли коми-пермякам широкий информационный горизонт. Народ смог прочесть общественно значимые тексты эпохи и приобщиться к сокровищам русской литературы не только на языке оригинала, но и на родном, коми-пермяцком. Это сказалось и на лингвистических особенностях самого «Письма»: как мы уже отмечали, текст был написан на коми-пермяцком языке, перевод же, который сделали свердловские поэты, сохранял в ряде случаев оригинальную лексику, которая давалась в русской транскрипции и пояснялась в тексте и/или в специальных сносках внизу каждой стихотворной колонки: «*И ты для Коми айся¹ стал роднее, / Дороже хлеба, солнца, би² – огnya. / В лесах тайги твои колхозы зреют, / В сук вэррезын³ твои слова звенят*». Такие этноязыковые вкрапления не только подчёркивали национальную специфику текста, но и манифестировали свободу народа выражаться на своём языке и распространять свою культуру за пределами исторически коми-пермяцких земель, на огромной территории Союза.

Соединившее художественные стратегии со стратегиями официального документа, «Письмо», безусловно, явилось одним из ключевых текстов коми культуры, запечатлевшим коренные изменения в менталитете народа в эпоху 1930-х гг., – выход из национального замкнутого пространства на уровень широкой общественности Союза. Как документ эпохи «Письмо» стало выразителем одной из основополагающих её интенций – интернационализма, «дружбы народов» (понятно, что на практике эта установка постоянно нарушалась), а если посмотреть шире, – то и процесса глобализации, столь актуального в истории XX, а теперь и XXI века.

¹ Ай – отец.

² Би – огонь.

³ Сук вэррез – густой лес.

Иван Подюков

Иван Алексеевич Подюков – заведующий кафедрой общего языкознания, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного педагогического университета.

О нынешнем состоянии эпических преданий о Пере-богатыре

Записи прошлого времени и сравнительно недавние – начала XXI в. – показывают, что, по преданиям, родиной Пере-богатыря считается Верхняя Лупья в Гайнах, и чаще всего называют местом его рождения д. Модгорт (реже д. Пятигоры, а также д. Мысы). В народе верят, что в окрестностях Лупьи, у д. Модгорт, находится и могила героя. Сама деревня Модгорт (передвойной здесь оставалось меньше 10 дворов) в 1939–1940 годах была сселена с деревней Сойга Мысовского сельсовета Гайнского района. Старожилы из Мысов рассказывают, что в стороне Верх-Лупьи, где раньше был бор, и сейчас можно увидеть следы огорода богатыря: «*Там три гряды сделано было, как в огороде гряды, но пошире немножко, это градояг назывался. Гряды были. В Мэдгорте что-то там, видимо, было, когда-то обследовали, сказали, что были богатыри-то, проходили. Одному там как будто памятник из железа сделан. Как чурка... Пере когда остался, чуды ушли куда-то. У Мэдгорта находили горшки маленькие, и колокольчики маленькие. Камни кучками сложенные – это у чуд печки были. Там у Мэдгорта стоят три или четыре сосны – тут Пере сам себя похоронил. Потом люди стали овин делать, и в этом месте находили кости метровые. Один сустав метр. И череп как корчага*». (Зап. от Златина И.М.).

Предания о Пере постепенно стираются в народной памяти. В 1947–1953 гг. экспедицией Московского государственного университета было записано более 40 вариантов сказаний о Пере, фольклористами Пермского педагогического университета в 2003 г. зафиксировано в Гайнах лишь несколько относительно целостных текстов повествований о Пере – все они являются вариантами лишь двух основных эпических сюжетов: о битве Пере с Лешим и о сражении с Чёртом-Колесом. Зафиксировано, впрочем, большое количество осколочных фрагментов, где говорится о недюжинной силе богатыря, о брате Пере – Мизе. Особенno много повествований о смерти богатыря: «*Умер Пере в выдолбленном для себя кедровом гробу, похоронили его в парме, на бору...*»; «*Охотиться стало нельзя, когда Строгановы взяли леса к себе, и Пере с голоду ел свои рукавицы*»; «*Мизя и Пере в Перми находились сначала, а потом сюда пришли. Пришли, а*

потом себя убили. Яму выкопали, там стойки были, они их убрали и погибли. Чтобы не быть – богатыри потому что. Нельзя потому что им жить богатырями». (Зап. в Верхнем Будыме от Мизева В.А., 1936 г.р.); «У Пера была землянка, там жил. Потом он там задавился – нечего было кушать. Ростом был четыре метра, метровые кости были. Копали жители Мэдгорта яму для овина и нашли кости, скелет, достали и увезли в Ленинград. Череп размером с корчагу. Сделали ящик и куда-то увезли». (зап. от Мизева С.Н., 1928 г.р., родом из д. В. Лупья). Примечательно, что рассказов об археологах, нашедших кости огромного скелета богатыря, особенно много: «Это рассказывает народ: потом, когда они умерли, Пера и Мизя, похоронили обоих. Экспедиция приезжала специально. Выкопали, кости здесь забрали и увезли. Большие были кости, череп большой был. Рассказывают, что сильные люди были. Кости-то увезли, куда-то в Пермь увезли, в музей. Могилы-то здесь были ведь у них, в Мысах». (Зап. в д. Шордын от Лунегова С.Н.); «Была экспедиция с Ленинграда, находили суставы метровые и череп большой как корчага. Это был Пере. Они стреляли из деревни в деревню из лука, пускали стрелы с братом, не воевали, а играли. И камни бросали. В Сойге один камень был этот. Потом Пере жил в Мэдгорте. Там высота большая, сосны стоят. Могила там у Пере. Он старый стал, не стал охотиться, и в землянке себя похоронил. Потом пришли люди жить туда, стали амбар себе строить, ямы копать, и наши кости – один сустав один метр. Он сам-то вышиной три метра был. А голова как корчага. Потом увезли кости в ящике в Ленинград. Ружие у него было – клинок». (Зап. в п. Мысы). Очевидно, такое настойчивое упоминание «научного», археологического подтверждения существования богатыря для рассказчиков значимо – герой, по их представлениям, действительно когда-то жил, поэтому и жива слава о нём.

Пере-богатырь считается мифическим предком, родоначальником пермяков. Академик, доктор, географ и путешественник И.И. Лепехин, записавший в 1771 г. сказания о Пере, в своих «Записках путешествия» высказал предположение о том, что от имени этого героя произошло и само название народа пермяки (*Перема* – земля богатыря *Пере*). Сейчас мы знаем, что легенда о Пере-богатыре сравнительно недавняя, а слово *Пермь* в русских летописях встречается уже в конце XII века. Поэтому признана версия, по которой этноним *пермяк* образовано от *Пермь* – от слова, которое пришло к нам от финно-угорских народностей, живших между Ладожским и Онежским оёрами и называвших дальние окраины *Пэра Мaa* ‘далняя земля’. Ещё одна версия сближает имя коми-пермяцкого богатыря и славянского верховного бога Перуна. Последнее обычно связывается с индо-европейским корнем *park* и имеет значение ‘кто ударяет’ (корень *пер* в смысле ‘удар’ очень распространён у индоевропейцев, он очевиден в словах *пьра-*

Аркадий Моисев. Пере-богатырь. 1982.
Линогравюра. 31 x 26,7.

ти ‘бить, колотить’). Одно из оснований такого сближения Перы и Перуна – характерный для мифов о славянском и коми-пермяцком мифических персонажах сюжет о поединке их с грозным демоническим персонажем. Как Перун преследует чёрта и поражает его громовой стрелой, так и Пера в коми мифологии сражается с нечистой силой – с Лешим и Водяным.

По некоторым деталям мифических преданий, Пера – сын тайги-Пармы и медведя. Как и многие культурные герои в мифологиях мира, Пера, вступив в брак с Зарань, дочерью Солнца-Шонді, добывает небесный огонь и спускает его на землю. Ряд мифов о Пере-богатыре исследователями интерпретируется как «усмирение» солнца – установление суточного хода светила: когда была страшная жара, не было зимы, высыхали реки и трескалась земля, Пера с сыновьями, поднявшись на высокую гору, выстрелили в Шонді из луков. Тогда от солнца оторвался большой кусок, а в Парме зажглось множество огней. В мифах народов нижнего Амура и Сахалина культурный герой также из лука уничтожает «лишение» солнца, грозящие сжечь всё на земле. Поверье о том, что когда-то солнце было слишком большим, известны и славянам (в частности, на Карпатах; люди появились, когда солнце стало нормальным).

Вероятно, сюжет о Пере – усмирителе Солнца позднее оформляется в образ Перы – победителя огненного колеса. Представление солнца огненным колесом тоже известно многим народам – отсюда, в частности, славянский обычай зажигать в некоторые годовые праздники колесо (в Нижнем Новгороде провожали солнечного Ярилу, завивая берёзку и скатывая с горы огненное колесо). Фиксируемый в позднее время сюжет борьбы Перы с чёртом-колесом уже далеко отстоит от космогонического мифа: «Отец покойный рассказывал – Пера и Мизя были. Богатыри, родня они были. В армии племянник его служил, премиальные писал. В Перми какая-то бесовская машина была такая – будах-будах, кидатся на народ... А племянник его говорит – у меня есть дядя такой, сомнёт любую армию. Его пустили с армии, чтобы дядю привёл. Дядя не согласился, сказал – я, говорят, быстрее приеду вашего транспорта, не надо мне транспорт, я на лыжах. И на лыжах пошёл с Мысов и на Пермь. Эшьо племянник не приехал, а он ужо был там, такой был сильный богатырь. Лыжи большие, не маленькие. Сказал племяннику: «Я вот раньше приеду, да там поставлю лыжи, меня найдёшь, где я буду». Так и вышло. Машина такая была, как войско, понял. Пришёл и туда, где народ-то был. Машина раз, – и отскакивает назад. Он сказал: «О-о, здесь овод кусат». Второй раз эшьо сказал, что кусатса. Третий раз ударил по колесу, машина ударила. Он скватил её, поднял и об землю, и вся машина разлетелась». (Зап. в д. Шордын от Лунегова С.Н.).

В других мифологиях образ всесокрушающего колеса, связанного с солнцем, достаточно част – например, в осетинских мифах о колесе Балсага, которое карает сошедшегося с дочкой Солнца героя, обращает в пепел всё попавшееся на пути. Образ огненного колеса упоминается в древнегреческих мифах об Иксционе, царе лапифов, который совершил убийство своего тестя Деиона (в царстве мёртвых за свои преступления он привязан к вечно вращающемуся огненному колесу). Адское огненное колесо с тысячью спиц, по ободу которого корчатся души грешников – один из самых устойчивых атрибутов адского пейзажа. По Видениям св. Павла, «Ангел Тартара» крутит его тысячу раз в день, каждый раз — на расстояние между соседними спицами, и с каждым движением колеса очередная тысяча душ

отправляется на муки. На многих изображениях ада дьявол пытает грешников в колесе, в которое вставлены ножи, а снизу пылает адский огонь.

Древний миф об усмирении героем первоогня-Хаоса, вероятно, приложимый к описанию подвигов Пера, постепенно трансформируется и до неузнаваемости осовременивается: «*Давно, дед, бабка рассказывали – тогда чёрт-колесо катилось. Катится, людей убивает – такая война была. Кто из дома выйдет, его затопчет. Железное колесо, половина только, может, деревянное. И высокое. Катится и давит всех. За водой вышел, и тебя задавит. Вверху человек один сидит, видимо, руль у него там. И это колесо Пера-богатыр победил. Брат его приекал за ним в Мэдгорт на тройке. «Поедем, – говорит, – у нас давит людей такой чёрт-колесо».* – «*Не знаю, поеду, не поеду*». Потом согласился. «*Только с тобой не поеду. Сяду к тебе, нас лошади не повезут, я тяжёлый. Ты езжай, а я прямо пойду, на лыжах*». И он на два дня раньше брата в Перем пришёл. В Перем шёл прямо по визирям. Лыжи шестиметровые поставил около дома – и выше дома они. Его тут мало-мало накормили. Кашня такая, называется сельница – полную пельмени дали. Брат тоже приекал. Бочка пиво тут, вино. А спать в доме не согласился. «*Идите на поле, костёр заведите, постелите пихтовые лапки*». Тоже лёг спать. Спит, храпит – искры летят, камни валяются.

Потом утром пошли по улице. Тут колесо покатилось, и у Пера палец придавило. «*О, комары кусаются!*» Тут он большую сосну, сушину, выдернул совсем с корнем, на плечо, и идёт. Колесо деревом разбил – оно рассыпалось. И царь ему подарил красную рубашку, ремень толстый такой. И кенето – у Мэдгорта озеро есть, утки на озере. Уток ловить этим кенетом. А зимой белок. Кенето ведь как сеть. Утки залетят туда и прилипают. Зимой опять белка прилипает. Так он этим и питался. Лосей убивал, медведей».

(Зап. в п. Мысы).

Приведённый сюжет представляет Пера-богатыря как защитника Родины, победителя вражеского войска. В других пересказах, победив богатыря (или некоего южного царя, или хана, или Идолище) на колёсах (или в колесе, на колеснице), он получает в награду шёлковую сеть и грамоту на владение лесным промысловым участком в родных краях. По ней царь разрешил охотиться коми-пермякам, согласился призывать коми-пермяков на войну с чужаками. Особым указом царь город назвал именем Пера – город Пермь: «*Перем первый, Перем второй станция есть, от имени ево это, что победил машину*» (С.Н. Лунегов, д. Шордын). Имя Пера увековечено за победу над страшным колесом: «*Пера, дак один, наверно, с Перми был. А Перем-то опять тогда не Пермью назывался, а Молотовская область была. А стала Перемская*».

(Зап. от Ладыко Р.С., 1931 г.р., п. Кебраты, родом из д. Сойга). В 1944 г. Отиков И.Г. записал со слов девяностолетнего старика, А.Н. Мизева из д. Верх-Лупья Гайнского района, рассказ о жителях деревни Модгорт – братьях Мизевых – Калины, Мизи и Перфиря, где также подчёркивается увековечение имени Пера в названии Перми (рукопись записи хранится в научно-краеведческой библиотеке г. Кудымкара). Одного из братьев, а именно Порфирия, по местному сокращению звали Пера. Все братья отличались необыкновенной силой. Калина служил в солдатах в Перми, а Мизя и Пера оставались дома, занимались хлебопашеством и охотой. Когда было татарское нашествие на русские земли, Калина поехал домой за помощью – за братом Перой. Придя на самодельных лыжах в Пермь, Пера пришёл к царю, и тот благословил его быть борцом за славу отечества. Во время битвы Пера поборол

целый полк неприятельских войск, затем враг был прогнан от города. В честь Перы и в честь освобождения города царь устроил пир, наградил Пера шёлковыми сетями для ловли рыбы и птиц и грамотой на право охоты в лесах. Царь своим указом освобождённый город назвал Пермью, то есть город наименовал именем Перы – значит, пермяцкий город. (Позднее на охоте Пера упал с дерева и после полуторамесячной болезни скончался в деревне Модгорт; его похоронили с почестями, вместе с ним в гроб положили его награду – шёлковые сети).

Поздние рассказы о Пере содержат большое количество анахронизмов, «переносящих» его в советское время: *«Пера богатырь, да, да, да. Потом, видимо, тоже его ликвидировали. Это мысовские рассказывали – убили, говорят, его потом, когда колхозы стали»*. (Зап. от Головой/Мизевой П.Г., 1932 г.р., п. Кебраты, родом из д. В. Лупья). В рассказах о Пере и Лешем говорится, что в доме Лешего «полно было складов, ключи, гармошки. Он на гармошке-то, леший-то, играл. Возьмёт гармошку, растянет и порвёт». В некоторых рассказах Пере вообще предстаёт как реальный житель зырянской деревни Дзоль. *«Пере-то, толстэй-то, ой-ё-ёй. Видала, к нам в деревню кодил, богатырь-то, как но нет. Они оттуда на лодке приезжали, зыряне, Дзоль была деревня, Пере там жил. Он пел, плясал ещё, гармонщик был он. Это тридцать первого ли что ли года. Его убили, после этого колхоз стал. Маленький был. Толстый, ого-го, такой. Сильный, видимо, был, боялись его. У него лодка была, по Каме плывёт до Лупьи-то. Он палкой кодит, такой толстэй да. Избивал, чтобы у него место не занимали по речке да чё, покосы да что, он избивал людей. У него покосы были по Лупье, Дзоле и Эська, вот это коми деревни. Я видела его, видела. Не старый ешэ был. Увидим, сразу убегаем. Ой, боялись. Не любил, чтобы дразнили его: “Перя, Пере, Пере, толстэй ты бес, кыз бес [толстый бес]”. Он на этом камне сядет да ешо вертится, по Лупье-то. Жена опять тоненькая, он такой – бочка. У него парень Андрей был красивый. Жена его и сын тоже приезжали. Квас делает мамка, поит. Пили и всё. На праздник приезжали, Ильин день вот. Родня жили в деревне их. Тоже Мизёвы были. Пере Мизёв. Мы его так и дразнили: Пере Мизёв. Колшевые тряпки, куртка-то тканэй. Жыкетка, жилет. Такой куртка, тут ешо сборы»*. (Зап. от Головой/Мизевой П.Г., 1932 г.р., п. Кебраты, родом из д. В. Лупья).

Осовременивание фольклорного материала – неизбежный итог бытования фольклорной традиции. С «трубочкой подзорной» появляется в былинах русский богатырь Илья Муромец, стерегущий Киев-град, богатыри идут пить вино «во царёв кабак» (в былинные времена были только князья); встречаются в древних текстах даже калоши и чемоданы, а царь может ходить по палатам и включать электричество. Такого рода анахронизмы могут быть не только ошибкой сказателя, но и намеренным, художественно умышленным отнесением событий или явлений одной эпохи к другой.

Отражённое в поздних пересказах осовременивание мифических древних сюжетов о Пере-богатыре и настойчивое подчёркивание реальности его существования – показатель сегодняшних о нём представлений: культурный герой, усмиритель хаоса становится воином-победителем, а затем и вовсе жертвой коммунистической идеологии. Линия развития мифического персонажа – типичная для многих традиций деградация культа. Одновременно в высокой адаптивной способности этого образа, пережившего эпическое время и перенёсшегося в современность, обозначена его востребованность.

ЭТНОАРХИВ

Василий Налимов

Василий Петрович Налимов (1879–1938 гг.). Всемирно известный этнограф и финно-угровед, географ и общественный деятель, профессор. С 1922 года работал в МГУ, Тимирязевском НИИ, в НИИ по изучению народов Востока, в географическом НИИ при МГУ, институте геодезии и картографии. В 1920-е годы проводил полевые исследования в Большеземельской тундре, Казахстане, на Кольском полуострове, на Ижме и Печоре. В 1938 году был репрессирован, умер в тюрьме г.Сыктывкара.

Пермяки*

Пермяки – народ финского племени. Вместе с зырянами они составляют один народ коми, коми войтыр, комі отир, как они сами себя называют. Народ коми находится в близком родстве с вотяками, вместе с которыми составляет восточно-пермскую группу Финского племени.

Пермяки живут в Пермской губернии, северной части Чердынского уезда, в Соликамском уезде по р. Иньве и её притоками и в нескольких сёлах Вятской губ. Общее число пермяков доходит до 190.000.

Доисторическая жизнь пермяков может быть восстановлена отчасти только на основании исследования лингвистического материала и археологических данных. Исследование финно-угорских языков, к группе которых принадлежит и зыряно-пермяцкий язык, показало, что финно-угры жили некогда рядом с индо-иранцами, в те времена, когда финно-угорские языки составляли одно целое, или по меньшей мере когда различие между ними было весьма незначительно. Все финно-угорские языки имеют слова заимствования из индо-иранского языка. Особенно много таких общих заимствованных слов встречается в языках мордовском, черемисском, зыряно-пермяцком, вотяцком, вогульском, остыцком и венгерском. Заимствования эти указывают на весьма древнюю форму индо-иранского языка, когда ещё сохранился конечный s. Таковы заимствования зырянами слова vörkas «россомаха», морд.-мокш. virgas. Зырянские слова ozur, ozer вот. izur, вогул. oder, oter указывают также на более древнюю форму нежели исторические иранские формы. До сих пор не удалось точно определить, из какого языка заимствованы эти слова. Возможно, что это был какой-нибудь индо-иранский язык, не оставивший прямого потомка. Индо-иранские влияния имеют важное значение для определения прежнего местожительства финно-угров, которое должно было находиться гораздо южнее теперешнего. Заимствования из индо-иранского язы-

* Налимов В.П., Пиатровский В.А. Инеродческое население // Приуралье // Великая Россия. М.: Дело. 1912. Т.2. Стр. 172–192.

ка являются материалами для изучения культурного состояния древних финнов. Заимствованными являются названия металлов (золота, железа), из области скотоводства название быка, из области земледелия – сошник. Из общественных отношений зырянами-пермяками заимствованы слова: князь, богатый. Из области религии зыряне-пермяки ничего не заимствовали. Но другие народы финского племени заимствовали название Бога, финское *juma*, венгерское *jo* (основа *jova*), вогульск. *jomas*, остяц. *jem*; мордва заимствовала *pavas*.

На основании лингвистического материала можно заключить, что прафинны, составлявшие ещё одно целое, занимались уже земледелием, скотоводством, умели доить скот, приготовлять масло, ткань, возводили постройки для себя и скота, имели полог для спанья. Вообще, прафинны стояли уже на довольно высоком сравнительно уровне культуры.

Из других народов оказали некоторое культурное влияние на пермяков-зырян и вотяков чуваши. Это влияние происходило ещё тогда, когда пермские племена жили в соседстве и в тесных сношениях между собою. Пермяки-зыряне населяли и левый берег Камы до самого Уральского хребта, а на юг их местожительство простипалось до теперешней границы Пермской и Уфимской губерний, возможно, что и дальше. На это указывают многочисленные названия рек, озёр, уроцищ, без труда объясняемых из пермяцко-зырянского языка.

Пермяки-зыряне и остальные восточные финны пришли в соприкосновение с русскими довольно поздно, гораздо позже, чем западные финны. В восточно-финских языках не встречается таких заимствований, которые указывали бы на древнюю форму русского

языка, тогда как такие заимствования имеются в западно-финских языках.

Новгородцы столкнулись с народом коми (зырянами-пермяками) сравнительно рано, на что указывают некоторые летописные указания. В XI в. они уже брали дань с печорцев. Акты говорят, что Новгород до 1471 считал Пермь (Зырянскую и Пермскую землю) своей волостью, но фактическая власть его кончилась гораздо раньше. Знаменитый зырянский Пам-сотник, противник Стефана Пермского, просвещавшего зырян в 1376–1397 гг., жаловался на Москву, откуда идут «дани тяжкие и тіуны приставницы». Но Москва, взимая дань с Перми великой, вынуждена была признавать её до 1471 г. волостью Новгорода, хотя в то же время князья московские в некоторых документах (с 1449 г.) титуловали себя князьями Пермскими. В 1471 году значительная часть Перми великой отошла к Москве. В 1472 году Москва завоевала верховья Камы. Войска под предводительством князя Федора Пестрого и Гаврила Нелидова разрушили Изкар, Покчу, Урос, Чердын, взяли в плен пермских князей Коча, Бурматы, Мичкана, Зырана и Михаила Чердынского. В числе защитников этих городов находилась и Новгородская дружина. Интересен список, захваченной и посланной тогда в Москву добычи – 16 сороков соболей, 29 поставов немецкого сукна, 3 панцыря, шлем и 2 булатные сабли. Ни Новгород, ни Москва по завоевании Перми великой не вмешивались во внутренние её дела, сохраняли за ней её самоуправление и национальных князей. Впервые в 1505 году был смешён пермский князь в Чердыни и заменён московским воеводой. Но Москва не решалась посягнуть на самоуправление пермяков. Воеводы и их тіуны не могли сами разъезжать по сёлам и деревням и

собирать дань, но должны были довольствоваться установленной данью, которая доставлялась пермяками в Чердынь. Такого рода отношения между Пермию и Москвой продолжались довольно долго, до самого конца XVII века. Но судьба части пермяков сложилась более печально. Иньвенские пермяки подпали в крепостную зависимость от Строгановых.

Правление Перми носило вечевой характер, отличалось отсутствием исполнительной власти. Большую роль среди пермяков играли Тёдысь, отлиявшиеся праведной жизнью, которые руководили религиозными и общественным бытом. Роль и значение пермяцких князей «ёксыр» до сих пор мало выяснены. Они во всяком случае не несли судебных функций и руководили защитой городов во время нападения извне. В настоящее время пермяки живут в бревенчатых избах, обыкновенно больших размеров и высоких. Пол устраивается на достаточной высоте над землёй и под ним имеется помещение, высотой больше роста человека. Оно сообщается прямо с внутренностью избы, откуда можно в него спускаться по лестнице. Теперь оно большей частью лишено пола, но более старые постройки все имеют пол и ещё второй ход прямо с улицы. Приблизительно на высоте $2\frac{1}{2}$ –3 арш. от пола устраиваются большие полати, от которых до потолка остаётся такое же расстояние. Но Иньвенские пермяки не устраивают «гобоч выв», возвышенной площадки высотой от пола в 2 арш. (приблизительно), непосредственно прилегающей к печке и отделённой от полати небольшим расстоянием. Нет поблизости полатей и окна.

Пермяцкая изба состоит из двух четырёхугольных срубов, соединённых сенями и находящимися под одной крышей. В сени ведёт крыльцо, которое за-

менялось раньше лестницей, состоявшей из одного толстого бревна с зарубками. Теперь обе половины избы служат для жилья. Одна приспособлена для лета, другая для зимы. Но встречаются и постройки более старого типа, характерного тем, что вторая половина приспособлена только для хранения предметов домашнего обихода. Жилая часть называется керку, нежилая – куму; последняя в свою очередь состоит из двух этажей, верхнего и нижнего. В верхнем хранятся вещи нужные для повседневного обихода, в нижнем – более редко употребляемая и мука. В Пермском крае редко теперь можно встретить курную избу, и печи обыкновенно делаются из кирпича. Пермяцкие избы нового типа имеют четырёхскатную крышу, а старомодные покрыты двускатной крышей, укреплённой шеломом, конец которого обработан в виде конской головы с сильно развитой грудью, напоминающей зоб птицы. Такое сочетание не случайно; пермяк намеренно придаёт таким изображениям смешанные черты лошади и птицы; иногда он изображает лебедя или утку с ушами лошади. Такие изображения имеют религиозное значение. И среди «чудских» предметов находятся бронзовые изображения птиц с ушами.

Внутренность избы пермяка отличается простотой. Мебель состоит из самодельного стола, скамеек, и самодельных стульев из обрубков дерева – «джек». Хлев у них бывает двух видов: более холодный – «карта» и более тёплый «гид». Первый предназначен для лошадей, коров, второй для телят, овец, а в более холодное время в нём держат и коров.

Пермяцкие деревни вообще чисты; около домов посажены берёзы. Много берёз около гумен.

Пища пермяков во многом сходна с

зырянской. Густая каша «рок» им была известна, когда финно-угры соприкасались ещё с иранцами. «Рок» – густую кашу пермяки-зыряне готовят из ржаной муки. Жидкая каша «шыд» приготавливается из ячменя на молоке «jevvavid», в постные дни без молока az'a sid, который раньше приправлялся дикорастущими растениями. Мясо употребляют в варёном, жареном и печеном виде. Из молока приготавливают сыр-творог. Пермячки славятся искусством печь разнообразные сорты хлеба из ячменной муки. Разнообразные шаньги, приготавляемые из ячменной муки, масла, творога, молока, сметаны, играют большую роль в питании пермяка. Известное кушанье пельмени, которое так распространено в Сибири, является национальным пермяцким кушаньем. Оно по-пермяцки называется пел'нан' (pel' n'an') – хлеб по форме похожий на ухо. Но у пермяков начинкой пельменей является не мясо, а грибы. Пермяки много пьют браги, которая очень распространена по всей Пермской, а частью и Вятской губерний. Иная пермяцкая семья тратила раньше на брагу до 200 пудов овса. Брага приготавливается из ржаной муки и овса. Она бывает двух видов: хмельная и нехмельная. Брага без хмели не действует возбуждающим образом и, по-видимому, не содержит алкоголя. Хмельная возбуждает, но, по-видимому, всё же очень мало содержит алкоголя. От браги пермяк никогда не приходит в «весёлое» настроение, что уже бывает с ним после сотки вина.

Одежда пермяков довольно проста. На работе носят лапти, по праздникам и во время более чистой работы сапоги. Мужчины носят рубашку и штаны из самодельного холста, затем зипун также из холста (шабур), а более тёплый – самодельного сукна (дукос). Жен-

щины носят сарафаны из самодельного холста, по праздникам ситцевые. Шубы, спищие из своих овчин, не представляют ничего оригинального. Молодёжь теперь носит пиджаки из материала, приготовленного на русских фабриках. Пояса, ремни для завязывания обуви и чулки часто бывают украшены орнаментом.

Творцом вселенной, по верованиям пермяков, является Ен, существо весьма добро, живущее на небе. Создав мир, Ен предоставил человеку полную свободу и не вмешивается больше в дела людей. Жизнь человека и природы идёт по определённому закону. Но этот закон не предрешает хода истории человечества, ни природы, ни даже отдельной личности. В верованиях пермяков нет судьбы, рока. Человеку ничего заранее не предопределено. Вся его жизнь будет зависеть от личных действий, от тех или иных его поступков. Только в детстве его здоровье зависит от поведения матери, отца и других лиц, состоящих с ним в духовном родстве. Эти лица, обязанные охранять здоровье ребёнка, несут ответственность за него.

Пермяцкое религиозное мировоззрение не знает злых духов, враждебных человеку, подталкивающих его на преступления и дурные поступки. Свои действия пермяк считает исходящими от его собственной воли. Поэтому, разговор пермяков лишён таких выражений как «чёрт попутал», «лукавый смутил». Нет у пермяка и ангела хранителя, защитника от несчастий, направляющего его на добрый путь. Пермяк не любит внушений чужой воли. Все поступки определяются его волей. Совершением греха, преступлением, нарушением прав другого человека, животного, несоблюдением известных гигиенических правил он может вызвать ряд бедствий, отражающихся не только на

здоровье его самого, его семьи и его экономическом благосостоянии, но способном оказаться и на качестве урожая, росте других растений, всей природе. Эти бедствия исходят не от воли какого-нибудь божества, а зависят от свойств самой природы. К числу заразных начал, по верованиям пермяков, относятся некоторые выделения человека; раза вырабатывается также после сексуальных отношений, наконец, она образуется в природе естественным путём помимо воли и действий человека.

Задачей пермяка является изолировать себя, дорогих ему лиц и других существ от соприкосновения с заразой. Много хлопот доставляет пермякам забота о сохранении здоровья ребёнка. Взрослые мужчины и женщины, ведущие супружескую жизнь, являются, по верованиям пермяков, не только самими заразными, но и всеми предметами, соприкасающимися с ними, считаются пропитанными заразой. При совместной жизни под одной кровлей трудно бывает уверить детей от соприкосновения с заразой. Но пермяк принимает все меры предосторожности. Даже ночью моют скобку дверей, за которую хватались загрязнёнными руками после сексуальных отношений.

Во многих пермяцких сёлах и деревнях детей отправляют в баню раньше мужчин, с ними идут и женщины, но они предварительно обмываются дома, хотя бы холодной водой, чтоб избавить детей от соприкосновения со своей заразой. В банях для детей употребляют особые сосуды, которые наглухо закрываются в тех местах, где мужчины моются раньше детей и женщин. Матерям, кормящим грудью ребёнка, предписывается строгое воздержание от супружеских сношений. При нарушении ими этого правила, они обязаны принять ряд очистительных мер. Забо-

та по охране здоровья ребёнка у пермяков лежит, главным образом, не на материах, а на старых женщинах, бабушках, оставивших уже супружескую жизнь. Но часто принимают участие в охране здоровья детей и старухи не родственницы, отличающиеся особой праведной жизнью и соответствующим для своей роли знанием. Их приглашают в более важные моменты в жизни ребёнка – при рождении и заболеваниях.

Пермяки многие заболевания детей, напр., разные сыпи, рахитизм, приписывают заразе, развившейся после сексуальных отношений. Зараза эта признаётся опасною не только для детей, но и для животных, собак, белок, дичи, некоторых растений, а равно и для охотников. Мужчина-охотник теряет все свои способности, простреленная и убитая им белка не падает с дерева. Собака, соприкасающаяся с ним, заражается от него. Она теряет чутьё и другие способности. Появление на охоте нескольких лиц, не соблювших известного воздержания и не очищившихся водой, вызывает уменьшение количества дичи, пущенных зверей и влияет на их качество. Всякая зараза, даже небольшой шум или крик отражаются также, по мнению пермяков, неблагоприятно на цветении ржи. В это время требуется полное воздержание от супружеских сношений, воспрещается стирка, полосканье белья, беление холста (белят холст, постилая на траву), нельзя производить шума, крика. Самое цветение ржи, по воззрениям пермяков, происходит в полдень. В старину они поэтому прятались в полдень по домам, запирали двери, зашивали окна, ложились в полог и молча лежали около получаса. Теперь всё это уже не строго соблюдается, но самое явление не исчезло, только внешние черты его видоизменились, приняли иной характер. До сих пор в пол-

день в пермяцкой земле во время цветения ржи царит полная тишина. В это время нельзя также прикасаться голыми руками до колосьев, нельзя вблизи поля курить табак, громко разговаривать.

Заштитницей урожая у пермяков является богиня «Вуншерка» (Полудница), «Оборониха». Она имеет образ женщины, обладает чудными синеголубыми глазами, напоминающими цветки василька, и белыми как лён волосами. Она низкого роста, но выше ржи, и, когда она прогуливается по полям, её не видно. Она всегда бывает одета в беленькое платьице, на голове носит головной убор шемшур. Обходит ржаные поля она в полдень и защищает их от проникновения нечистоты, заразы, шума. Такой обход она совершаet ежедневно до отцветения ржи. Затем она покидает гречишную землю, чтобы снова вернуться в следующем году. Где «Вуншерка» проводит остальную часть года – неизвестно.

Богиня «Вуншерка» является воплощением чистоты, девственности. Вся её мысль и деятельность направлены к сохранению красоты природы, её сози-дательной и производительной силы, гармонии человеческой личности, его радостей. Она не требует от человека ни жертв, ни молитв; радость человека – её радость, красота жизни – её красота.

Скоры, дрязги влияют по мнению пермяков на вырождение всей природы и в частности человека. Распри из-за земельных наделов влияют на качество урожая, хлебные злаки чахнут. Сильные же распри, сопровождающиеся неоднократным проклятием и иного рода руганью, влияют и на самую природу; красота её меркнет. Нарушение прав живого существа не проходит безнаказанно. Виновник так или иначе должен пострадать. Собака, обиженная сво-

им хозяином, может вызвать на него своим воем ряд бедствий. Лошадь, у которой после смерти сняли шкуру, предстает хозяина на том свете, требуя одеть себя. Вор, нарушитель прав других, делается более восприимчивым к заболеваниям. Зараза вырабатывается при совершении преступления и затем усиливается воплями и жалобами обиженного. Вор, преступник иногда долгое время может оставаться не наказанным, особенно когда потерпевшим является человек, не желающий преследовать своего обидчика. Пермяк же часто отказывается от преследований. Хлебные злаки, пушной зверь, дичь, рыба не могут, по его воззрению, быть предметами спора и раздора, от этого они чахнут, вырождаются. Затем пермяк, терпеливо переносящий обиды, приобретает лучшие способности, счастье, здоровье, делается менее восприимчивым к заразе, заболеваниям.

Иногда пермяк, хотя очень редко, желает наказать неизвестного вора, похитившего у него что-нибудь из домашних вещей. Этого он может достигнуть произношением известных слов, при помощи особых, хотя и не сложных магических действий. Но сам пермяк обыкновенно не решается прибегнуть к такому радикальному средству и обращается за содействие к Туну, Тёдысь. Тун, отличаясь известными нравственными качествами, может нагнать болезнь на вора, с целью дать возможность ему задуматься и принести повинную. По возвращении вещи обратно потерпевшему и заявлении о своём поступке вор получает право на прощение и исцеление, и потерпевший обязан простить вора. Туны теперь уже не играют прежней роли, и к ним редко кто обращается.

Религиозное мировоззрение пермяков неразрывно связано с их социальными воззрениями. Каждый человек име-

ет право на жизнь и пропитание, и хлеб рождается на всех, если же его мало, то все должны терпеть недостаток. Голодающий, по воззрениям пермяков, является человеком обиженным, обкраденным людьми. Его жалобы могут повлиять на качество урожая. Отсюда понятно, почему пермяки так внимательно заботятся о попечении старых, немощных людей и сирот. Есть лица, которые имеют до семи приёмышей. Иные берут несколько приёмышей, имея 5–6 собственных детей. К приёышам пермяки относятся хорошо, как к своим родным детям. Приёыш наследует наравне с родными детьми. Главный контингент приёмышей составляют внебрачные дети.

Отношение пермяков к женщинам, акту деторождения связано с известными религиозными представлениями, на первый взгляд изобилующими кажущимися противоречиями. Женщина считается как бы нечистой, осквернённой. Встреча с ней мужчинам приносит несчастье. Она не может пересекать им дорогу. Но, с другой стороны, женщина стоит не только выше мужчин, но и попа и чиновников, поэтому она не должна кланяться им. В течение сорока дней после родов женщина стоит наравне с Богородицей, поэтому она в это время не должна ходить в церковь и молиться. Женщина, родившая три раза по двойне, на всю жизнь остаётся почтаемою. Приведённые данные, кажущиеся противоречивыми, легко примиримы. Как уже было сказано, известными дурными поступками человека вырабатывается в природе яд, зараза. Этот яд может быть обезврежен добрыми поступками, добровольными страданиями за благо другого. Женщины, по верованиям пермяков, желая предотвратить опасность прекращения деторождения и таким образом гибели всего человече-

ства, решились идти на добровольное страдание, распределили всю заразу между собой. Поэтому, в известное время они являются носительницами заразы, опасными для окружающих, и в то же время почитаемыми за свои добровольные страдания.

Девушки до супружеской жизни считаются как бы нейтральным полом. Они не переносят заразы и не почитаются как женщины. Но их с малого детства приучают соблюдать известного рода правила, не пересекать дорогу мужчинам и т.д. Грешная женщина, обидевшая животных, мужа, посторонних лиц, бывает и не в силах родить ребёнка; трудные роды могут кончиться смертью родильницы. Женщина, позволившая ударить лучиной кошку, собаку, ткнуть их ногой, перед родами должна просить у обиженного животного прощения на коленях, со слезами на глазах, называя его нежными именами. Женщина, обидевшая мужа или посторонних лиц, должна у них просить прощения на коленях.

Пермяцкое мировоззрение не допускает восхваления какого бы то ни было, как в глаза, так и за глаза. При восхвалении вырабатывается особая зараза, вредная для восхваляемого лица, слушателей и самого хвалящего. Лицо восхваляемое теряет все те способности, за которые его хвалят. Слушатель и хвалитель теряют часть своего здоровья, силы, способностей. Не полагается также, по воззрениям пермяков, называть человека жалким, несчастным. Лицо, позволившее так оскорбить себя, пострадает так или иначе – заболеет, потеряет способности. Но он может удачным ответом предохранить себя от несчастья и перенести его на неуместно сердобольного человека. Особенно вредны, по воззрению пермяков, неумеренный восторг, удивление, которые могут исходить от ничтожных существ.

Заразными являются и выделения человека. Поэтому, пермяк в лесу зарывает свои выделения, покрывает их землёй. Избегает также пермяк производить выделения поблизости рек, ключей, озёр, нивы с ребёнком, хлебом или молоком на руках. Несоблюдение одного из этих правил вызывает нежелательные явления, как напр., болезнь ребёнка, ухудшение качества урожая. Вода же, как высшее существо, не заражается нечистотами, но она сама наказывает дерзкого оскорбителя. В природе, по воззрениям пермяков, имеется несколько средств, предохраняющих человека от некоторых видов заразы. Первое место среди них занимает вода, культ которой среди пермяков сильно развит. Весной, по вскрытии реки, пермяк приносит в жертву ей кусочек сыру, крошку хлеба, то же он даёт и ключам. При возведении нового дома пермяк старается построить его поближе к воде, хотя бы на один вершок, чем стоял старый его дом. Новобрачные после свадебных обрядов тоже одаряют воду кусочками хлеба и сыра. Пермяки почитают и самую стихию воды, которая не приняла ещё определённого образа. Представление пермяков о водяном сводится к звериному существу с человеческими, женскими волосами. Водяные развились по воззрениям пермяков из стоячей, «мёртвой» воды, обладающей уже заразными свойствами, и сами они являются нечистыми.

Кроме воды, пермяки приписывают очищающее свойство соли (предохраняющей от гниения) и можжевельнику, который сгорая уничтожает дурной запах, причину и последствие болезней. Почитается также лес, благотворный воздух которого влияет благодельно на здоровье и умиротворяет душу. С лесом связано почитание лесного царя «Вёр Айка». Ему пермяки приносят в

дар хлеб, пирог с рыбой, табак, иногда и водку. Всё это несётся в лес и кладётся на пень в надежде, что лесной царь, дядя леса, увидит угощение и возьмёт его себе. Этому лесному царю пермяки пишут даже прошение на бересте углём или на дощечке, делая вырезки ножом или топором. В лесу, по верованиям пермяков, обитают человекоподобные существа, занимающиеся, главным образом, охотой и живущие, как и люди, семьями. У них есть старшой «большак», лесной дядюшка, лесной царь «Вёр Айка», благонравный седой старик. Молодёжь у леших отличается теми же свойствами, что и у людей, любит шалости, проказы. Часто они загоняют корову пермяка в лес, в болото. И вот пермяк жалуется на эти проказы хозяину леших, лесному дядюшке.

В доме, по верованиям пермяков, живёт «соседко», заботящийся о счастье дома. Он не требует от пермяка ничего кроме тихой, мирной жизни. В некоторых деревнях пермяки верят в существование кикиморы, прожорливого существа, которое поселяется в дом, где царит вражда, и там оно питается хлебом. Это верование однако не древнее и обвязано, вероятно, чуждому влиянию.

Пермяки имеют довольно отчётливое представление о загробной жизни. После смерти человек продолжает на том свете вести земную жизнь. Он уносит туда все свои духовные и физические особенности и потребности. Для удовлетворения покойника живые снабжают его предметами первой необходимости. Ему кладут в гроб лишнюю пару белья, лаптей, шапочку, деревянный ножик для плетения лаптей. Его поминают во время еды, питья, веря, что таинственно присутствующий покойник разделяет их трапезу. Душа покойника живёт в гробу вместе с телом, помещаясь в череп. Она может оттуда вы-

ходить и принимать тот телесный образ, каким владел умерший при жизни. Некоторые пермяки до сих пор вешают на надгробных памятниках, жердях, столбах, заменяющих кресты, лоскутки холста, полотенца, которыми покойник мог бы утром, вставши и умывшись, вытереть лицо, руки. Кладбища пермяков устраиваются на весёлом, живописном, преимущественно холмистом месте, откуда открывается вид на поля, луга, селения. Усопший не прерывает связи с землёй, он постоянно заботится об оставшихся в живых родственниках, об их благо-состоянии и семейном счаstии. Пермяцкому мировоззрению чуждо представление о рае, как месте блаженства, и об аде, как месте мучений. Человек, совершивший много добрых дел, уносит в загробный мир доброе сердце и получает большую силу творить добро живым. Злой человек и на том свете строит козни врагам своим, стремится нанести им вред. Но он не в силах этого сделать, ему мешают добрые усопшие, которые часто загоняют его в болото. Поминками, добрым отношением живые могут умиротворить его злое сердце, после чего он оставляет свои злые намерения и перестаёт мучиться. Смерть детей пермяки склонны объяснять вмешательством усопших. Но они стараются уверить как умершего ребёнка, так и остальных покойников, что они очень огорчены смертью своего ребёнка и вовсе не желали её. В доказательство этого они стараются взять на воспитание чужого ребёнка такого же возраста и пола и заботятся о нём со вниманием и любовью.

В некоторых пермяцких деревнях уцелели до сих пор женщины черешванки, занимающиеся угадыванием воли и желания усопших, а также и некоторых христианских святых. К черешванкам обращаются страдающие какой-

нибудь сравнительно невинной болезнью, которую, как они думают, послал на них кто-либо из усопших, желая напомнить ему о требуемых им поминках. Задачей черешванки является узнать имя усопшего и род требуемых поминок. Для этой цели она привешивает топор на верёвочке и произносит ряд имён усопших. При чём имени топор запевается, в память того и надо устроить поминки. Такое гадание является пережитком шаманства, которое у пермяков вылилось в оригинальную форму. Требовательность усопших была перенесена и на христианских святых, которые только вместо поминок требуют себе свечей и молебствия. Интересно жертвоприношение пермяков, бывающее 18-го августа в день святых Флора и Лавра, в с. Коча Чердынского уезда. В этот день пермяки, предварительно вымывшись в бане и надев чистое бельё, шляпу, новые лапти, колют несколько быков, пожертвованных для этой цели. Некоторые части животных раздаются местной администрации, другие духовенству, а остальные съедаются присутствующими и отдают нищим, а остатки собакам. В этом празднике думали видеть пережиток кровавых жертвоприношений, бывших во времена язычества. Но идею кровавых жертвоприношений трудно связать с древним дохристианским мировоззрением пермяков и зырян. Ни у тех, ни у других нет божества, которое требовало бы в жертву животных, нуждалось в пище, было бы покровителем животных. Это празднество следует скорее считать пережитком общественных угощений, подобные которым сохранились кое-где и теперь.

О семейном быте пермяков были высказаны совершенно неосновательные мнения. Основываясь на данных языка, на терминологии родственных отношений, некоторые учёные высказали

предположение, что пермяки никогда не знали индивидуального брака, и жили в так называемом общем или групповом браке. Но такая гипотеза совершенно необоснованна и объясняется только незнанием с свойствами пермяцкого и вообще финских языков. Некоторая половая свобода между молодыми людьми существует, правда, у пермяков и теперь, но она не имеет ничего общего с распущенностью нравов. Связь происходит обычно с одним лицом и, за редкими исключениями, кончается браком.

Женщина у пермяков пользуется вообще в общественной жизни всеми правами мужчин; она является на сход и принимает участие в его решениях, хотя по закону она может присутствовать на сходе только по доверенности от мужа или отца. Дочери и сыновья пермяков пользуются одинаковыми правами и по наследованию. Фактически самым законным наследником является сын, оставшийся при отце, обычно младший, или незамужняя дочь при отделившихся от отца братьях. Такой наследник получает не только свой пай, но и всё имущество родителей. Женщины, однако, не наследуют имущества своей свекрови, прямыми наследниками которой являются непосредственно её дочери, хотя бы и замужние.

Вдова, даже не имеющая детей, наследует всё имущество своего покойного мужа, если она в его доме. Она может вступить в новый брак, но обязана взять нового мужа в дом, т.е. в дом своего покойного мужа, а сама не имеет права переселиться в дом своего второго мужа. Если же она переселится, то теряет право на наследство покойного мужа. Муж после смерти жены не наследует её полного имущества, если после неё не осталось детей; он имеет право только на постель, подушки, полог, что связано с религиозными понятиями.

Покойная жена может навещать вдовца по ночам, следовательно, и сама может нуждаться в постели. Новая жена вдовца никаким образом не может пользоваться постелью умершей, а если нарушит это правило, то неизбежно должна умереть.

Землепользование и землевладение у пермяков почти совсем не изучены; некоторые сведения в этом отношении имеются только об иньвенских пермяках. Здесь община не успела ещё разиться и только начинает складываться. Возможно, что это было результатом долгой крепостной зависимости. Как ни не тяжёл был для иньвенских пермяков гнёт крепостного права, они пользовались всё-таки земельным простором. Граф Строганов позволял своим крепостным повсеместную расчистку леса для пожен и пашен; не преследовалась даже вырубка строевого леса. По освобождении же от крепостной зависимости иньвенские пермяки утратили значительную часть своих земельных угодий. Особенно сильно пострадали мелкие общества и отдельные домохозяева, владевшие дальними угодьями. Получилось, таким образом, неравномерное распределение земли. Население старалось найти выход из такого положения, но технику разверстания земли не в силах было выработать. Дело кончилось тем, что многоземельные отдали часть своих угодий малоземельным. Мелкие земельные общины, стремившиеся слиться с другими более крупными и многоземельными, потеряли полную неудачу. Пробовали распределить заново наличность ревизских душ по отдельным домохозяевам и по ней произвести развёрстку земель. Но при этом не были приняты во внимание почвенные условия; у некоторых участки оказались на холмах, на склонах, у других на низменных местах.

На холмах хороший урожай бывал в более прохладное и дождливое лето, на низких местах в более жаркое. Через три года крестьяне одумались и снова вернулись к обработке своих прежних участков. Так и кончился неудачный «перемер» в некоторых обществах Кудымкарской волости.

Пермяки отличаются вообще солидарностью, дружным отстаиванием своих интересов. Сельская выборная администрация не злоупотребляет доверием своих односельчан, по крайней мере, не слышно на неё жалоб. Пермяки домовиты, любят своё хозяйство, свою родину и о переселении и слышать не хотят, смотрят на него как на ссылку. Они проявляют некоторое отрицательное отношение к своим собратьям зырянам за их любовь к отхожим про мыслам. Пермяки скромны, на вид застенчивы, но это не мешает им держаться с чувством собственного достоинства. Они любят просвещение и возлагают на него большие надежды; крестьяне Кудымкарской волости, не смотря на свою относительную бедность, всё же ассигновали значительную сумму, около 18 тысяч рублей, для сооружения здания и оборудования городского училища по положению 1872 года.

Свою положительность пермяки проявляли и в политические моменты. В 1905 году агитаторам удалось их убедить, что земли, принадлежащие графу Строганову, отданы в пользование народу, и что правительством разрешена на три года бесконтрольная вырубка леса для крестьянских нужд. Местная администрация растерялась, лесная стража и мелкие служащие сами разделяли общее убеждение. Только лесные смотрители пытались противиться самовольным порубкам. Казалось, что при таких обстоятельствах пермяки могли бы проявить враждебные отношения к не-

любимым им смотрителям и другим начальникам. Но они держали себя вполне корректно и провели только пассивный бойкот, не стали привозить начальству дров, воду, что они делали раньше, а равно возобновили и после 1905 года.

Умственные способности пермяков не хуже, чем у других народностей. Ученики в школах отличаются способностью, прилежанием и вниманием. Учащиеся в средних школах идут часто в числе лучших учеников. По окончании учительского семинария они продолжают большей частью заниматься самообразованием и проявляют живой интерес к окружающей жизни.

Пермяки очень гостеприимны. По верованию пермяков, хлеб и трава рождаются не только для него и его семьи, но и для гостей и проезжающих. Брать деньги с проезжающего всё равно, что его обворовать. Нищенство среди пермяков не развито. Больные у пермяков пользуются особым вниманием.

Большинство пермяков отличается низким ростом и короткими ногами. Глаза у них чаще серые, волоса светло-русые, иногда рыжеватые, но встречаются и тёмно-русые субъекты с серыми или карими глазами, даже черноволосые. Преобладающий темперамент флегматичный, что даёт их русским соседям повод подшучивать над ними. Некоторые духовные особенности иньянских пермяков объясняются долго тяготевшим над ними крепостным правом. Старики-пермяки, испытавшие на себе крепостной быт, рисуют его мрачными красками. С каждого дома один мужчина должен был работать на сенокосе у помещика. Домой его не отпускали; родные отправляли ему пищу через десятских и сотских. По окончании сенокоса давался отпуск на один вечер помыться в бане. На другой день его от-

правляли на Кувинский завод, где он должен был работать сто дней, получая 3 коп. в день. Но перед отправлением на завод ему в волостном правлении давали десять ударов розгами. По прибытии на завод эту порцию повторяли. На заводе обращались вообще скверно; за большие проступки били батогами. Если у крестьянина было два взрослых сына, то второй сын должен был работать на заводе 35 дней. В доме, где не было вовсе мужчины, наравне с мужчинами должны были работать женщины. От тяжёлой работы померло много народа. При крепостном праве пермяки не могли научиться интенсивному хозяйству, ни каким-либо земельным улучшениям, не привыкли они и экономить леса. По освобождении же они попали в совершенно иные условия. Строевого леса и топлива у них не оказалось. За пользование им нужно было платить большие суммы, непосильные для пермяка при получаемой им низкой заработной плате. Значительная часть пожен перешла, как выражаются пермяки, «за грань», т.е. совсем отошла от них. Известную часть пожен давали им в аренду на небольшие сроки, другую не позволяли арендовать. Уменьшение количества пожен вызвало уменьшение скота и удобрения, без которого пашни в Иньевенском крае плохо родят хлеб. Часть пашен вследствие того была запущена, и образовались пустые земли, «отдыхающие», известные в народе под названием «шутим». За последние 50 лет скотоводство и земледелие у иньевенских пермяков значительно уменьшились, прирост же населения увеличился, между тем другие отрасли хозяйства не успели развиться. Правда, заработки на заводах увеличились, но эти заработки не идут на увеличение питания семьи пермяка, а целиком уходят на покупки билетов на дрова,

строевой лес, затем – на мелкие расходы. Кое-где пермяки теперь начинают усиленно заниматься огородничеством.

Земельные угодья, как уже было сказано, далеко не равномерно распределены теперь между отдельными обществами и лицами. Крестьяне села Архангельска, напр., обладают хорошиими заливными лугами, расположеными по берегам р. Велвы и Иньвы, и потому все достаточно зажиточны. Есть и ещё ряд сёл, экономическое благосостояние которых следует признать удовлетворительным, даже довольно хорошим. Но многие мелкие крестьянские общества находятся совсем в захудалом состоянии.

Особенно на краю гибели стоят деревни в 5–10 дворов, расположенные на далёком расстоянии от больших сёл, особняком, в лесу. В каких-нибудь тридцати саженях начинается здесь уже густой поместьчий лес, окружающий деревню. Хлеба здесь не созревают, обитатели леса медведи то и дело нападают на домашний скот. Житель такой деревни находится в безвыходном положении. Арендовать он ничего ни у кого не может – лесные пространства графов Строгановых не сдаются в аренду. Некоторые общества могут, впрочем, арендовать пожни у графа, получая за работу половину сена, и это поддерживает их существование. Но далеко не все крестьяне имеют возможность арендовать пожни. Более строптивым, привинившимся крестьянам отказывают в аренде, и пожни, арендовавшиеся ими раньше, сдают крестьянам других деревень, торговцам и разным разночинцам; охотно цепляются за пожни и мелкослужащие графа Строганова.

Значительное превышение количества пахотных земель перед сенокосными угодьями открывает возможность развития травосеяния, но оно в Ин-

венском крае ещё плохо развито. Возможно, что это объясняется отчасти недостатком в агрономической помощи. Но есть и другие условия, тормозящие это дело. Иньвенские пермяки не пасут скот. Они пашни и луга городят. После жатвы и до посева скот свободно бродит по полям и пашням. А это неблагоприятно отзыается на полях, засеянных травой. Огородить же такое поле стоит дорого. За право вырубки сотни жердей нужно платить 1 руб. 50 коп. – 2 руб.

Самым острым и жгучим вопросом в Иньвенском крае является вопрос о строевом лесе, топливе и других лесных материалах. Пермяки не могут оплачивать их стоимость, а потому и прибегают к самовольным порубкам. Лес, по их понятиям, Божий, и не может принадлежать отдельным лицам. Но управление именьями гр. Строганова держится, конечно, другого взгляда и энергично преследует самовольные порубки. За некоторыми крестьянами числятся штрафы в 100–200–300 рублей. Взыскать такие огромные штрафы с крестьян невозможно, сажать их в тюрьму также не выгодно. За «неизмеримую» Иньвенскую дачу её владельцу приходится платить сбор, достигающий огромной суммы, затем содержать лес-

ную стражу. Доход же могут доставлять только местные иньвенские пермяки, экономически обессиленные, живущие натуральным хозяйством, почти без торгового обмена. Раньше давал доход ещё Кушвинский завод, но он переживает кризис, и его судьба уже предрешена. Сбыта лесного материала в другие города или за границу с богатой Иньвенской дачи не производится, несмотря на то, что по ней протекает большая река Иньва со многими притоками, вполне пригодными для сплава леса. Это происходит от того, что Иньва в 30 верстах от своего устья загорожена плотиной Майкорского железоделательного завода, принадлежащего уже другому владельцу. Только за последние два года стала практиковаться выплавка леса, и то незначительная, из Иньвенской дачи. Владелец Майкорского завода нашёл возможным пропускать лес через плотину, выпуская его по бревну. Было намерение построить железную дорогу и по ней произвести вывоз леса. Но было подсчитано, что операция эта может оккупиться только при сбыте огромного количества лесного материала. Одна фирма изъявила даже готовность купить весь лес, превышающий в диаметре 2–3 вершка. Чаша сия пока ми новала Иньвенский край.

Клавдий Попов

Попов Клавдий Алексеевич. Историк, очеркист-краевед. Служил судебным следователем в Вельском уезде Вологодской губернии. С 1863 г. состоял членом Вологодского Губернского Статистического Комитета. Сотрудничал в Вологодских Губернских Ведомостях. Из его работ замечательна книга «Зыряне и Зырянский край» (1874), которая явилась единственным обобщающим трудом о коми-зырянах в XIX в.

Охотничье право собственности у зырян

В сочинении своём «Зыряне и Зырянский край», и именно в XIII главе его, посвящённой описанию звериных и птичих промыслов, говоря о ловушках, устраиваемых зырянскими промышленниками в так называемых *отхожих участках*, – т.е. в удалённых от селений лесистых пустынях, куда охотники отправляются каждую зиму иногда на целые месяцы, – я заметил, между прочим, что г. Ф.А. Арсеньев, сообщивший в своей книге «Зыряне и их охотничьи промыслы» самые подробные и обстоятельные сведения об этом предмете, преувеличил число ловушек, принадлежащих иным охотникам. По словам г. Арсеньева, некоторые охотничьи партии имеют по 600, даже по 800 ловушек. Недоверие своё к этой цифре я высказал, основываясь единственно на личном моём наблюдении. Раз мне случилось сопутствовать одному охотнику в окрестностях г. Никольска¹ при обходе им охотничьей тропы (*путинка*, по местному выражению), по которой расположены принадлежащие ему ловушки, и, судя по способу обхода, не мог допустить возможности в короткий зимний день, продолжающийся в Зырянском крае каких-нибудь пять часов, осмотрев, и при случае, вновь насторожить 800 ловушек, т.е. почти по три ловушки в минуту. Но утверждая это, я не принял в соображение того обстоятельства, что зырянскому охотнику именно потому, что он занимается промыслом в зимнее время, нет особенной надобности непременно каждый день обходить все свои ловушки, весь *путник*, так как зимой добыча, даже дичь, не подвергается порче; а между тем я близ г. Никольска участвовал в обходе тропы летом. Оставляя часть своих ловушек неосмотренными в течение нескольких, даже многих дней, зырянский охотник рискует только лишиться иногда какого-нибудь рябчика или тетери, попавших в западню и съеденных хищными зверями, которые вообще большие любители хорошей дичи.

О такой ошибке своей я не счёл бы нужным и заявлять, ибо не считаю её важной, если бы не пожелал того г. Арсеньев. Притом же он в письме ко мне указывая её, между прочим, для объяснения причины значительного числа ловушек, сказал несколько слов о праве собственности на них. Сведений об этом предмете я не имел ввиду до издания моего сочинения; а между тем, несмотря на

* (Статья покойного д.ч. К.А. Попова). Труды этнографического отдела императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии., М., 1877. Кн. 4.

¹ Хотя г. Никольск находится не в Зырянском крае, но уезд его смежен с Устьысольским, и звериные и птичий промыслы в первом также довольно значительные, а охотничьи приёмы и там и тут сходны.

их краткость, они показались мне не лишёнными интереса. Поэтому я просил г. Арсеньева сообщить этнографическому отделу прямо или через моё посредство подробные замечания на моё сочинение, причём указал ему особенно на важность возможно полных сведений о праве владения отхожими участками; если же он признает более удобным напечатать эти сведения не в изданиях общества любителей естествознания, то уведомить меня, где они будут напечатаны. Но такая просьба моя осталась без последствий. Между тем после того, просматривая июльскую книжку «Журнала Охоты» за 1875 г., я встретил в ней статью г. Арсеньева под заглавием «Лемьё», в которую, рассказывая о разных охотничих приключениях в Устьсыольском уезде, он включил в виде эпизода и сведения о праве собственности на ловушки, содержащиеся в письме его ко мне, почти без добавлений и пропусков, лишь в изменённой несколько, сообразно с общим тоном рассказа, редакции. Из этого я заключаю, что подробности об интересующем меня предмете не будут доставлены ни мне, ни этнографическому отделу; почему и считаю теперь себя вправе воспользоваться по крайней мере теми данными, какие до сих пор мне удалось получить от г. Арсеньева, чтобы, соображая их с добытыми из других источников, определить хотя бы общие черты юридических отношений зырян к их охотничьей собственности, предоставив будущему фактическое изучение подробностей. Смею думать, что и такая попытка не будет вовсе бесполезна.

Г. Арсеньев пишет: а) что ловушки составляют у зырян фамильное достояние промышленников; их родовое имущество, передаваемое от деда к отцу, от отца к сыну; б) что по *путикам* охотник ходит только один со своей семьёй (сыном или братом); в) что каждый раз подновляемые наследниками ловушки доходят до огромной численности; г) что нет надобности во время лесования осматривать их все каждый день, и некоторые посещаются в неделю раз, а некоторые по целым месяцам остаются не осмотренными¹; д) что весь путик иногда тянется верст на 30, и е) что после бездетного охотника его ловушки наследуют родственники, а если нет родственников, то права их переходят к обществу или чаще всего, по отказу покойного, к церкви, и тогда путик становится оброчной статьёй.

Вот и всё, что сообщил мне г. Арсеньев. Но и это немногое указывает на существование у зырян весьма оригинальных, и потому любопытных юридических обычаяев.

Прежде чем разовью подробнее свой взгляд на сущность таких обычаев, считаю нужным сделать дословную выписку из напечатанного в «Трудах» отдела (кн. III, вып. 1, прот. засед. 27 марта 1869 г.) письма П.А. Вологдина о его трудах по изучению быта пермяков. Вот что написал между прочим г. Вологдин: «*Родовые знаки, пятна, тавра* – это, так сказать, зачатки гербов. Такими знаками, вырубленными на деревьях, неграмотный пермяк исстари обозначал пределы назначенного в лесу угодья, свои борти и чурки (ульи), деревья, нужные для хозяйства, и проч. те же знаки, начертанные вместо подписи и печати, можно встретить на расписках и документах. В других местностях Пермской губернии (по р. Чусовой и на Трахе) подобными знаками, сделанными из железа, выжигают

¹ Последнее обстоятельство, т.е., что иные ловушки по целым месяцам остаются неосмотренными, и теперь мне кажется маловероятным.

шерсть на ляжках лошадей, пускаемых на подножный корм (это называется *таврить*). Профессору Казанского университета Фирсову доставлена из здешних краёв рукопись (довольно старая), содержащая в себе изображение подобных знаков (*зnamени*) с описанием, какому роду знак принадлежит и где род обитает. К сожалению, я не имею копии с этого списка и даже не знаю, к какому времени относится рукопись. Может быть, из сличения существующих знаков родов старинных со знамениями, изображёнными в рукописи, эта последняя послужит ключом к выяснению некоторых сторон тёмной истории пермяков, зырян, vogul и др. финнов. Родовой знак в большинстве случаев вместе с имуществом переходит к старшему в роде. С возникновением нового рода является и новый знак. Во взаимных отношениях между пермяками знаки до сих пор не утратили своего значения; административные же власти, разумеется, пренебрегают значением этих пятен. На карте¹ изображено в виде примера шесть знаков очень старинных родов. Иногда вместе со знаками присваивается роду особое прозвание: например, из приведённых на карте род Гыровиных происходит от фамилии Васьковых, род Оленичей – из фамилии Щукиных и т.п. Иногда же род не имеет особого прозвания и, нося одну фамилию, роды имеют только свои особые знаки».

Письмо г. Вологдина касается собственно одних пермяков; но я должен заметить, что пермяки и зыряне не только по происхождению, но и по языку составляют один народ, и как те, так и другие до сих пор называют себя одним именем – Коми, а в старину и у русских были известны под общим именем – Перми. Слово «зыряне» недавнего происхождения и вошло в употребление в официальном и литературном языке, вероятно, вследствие административных переделов России на губернии, наместничества, провинции и уезды после Петра Великого. Пермь, вошедшая в состав нынешней Вологодской губернии, стала называться данным ей русскими соседями прозвищем зыряне, а причисленная к Пермской и Вятской губерниям, удержала старое официальное название Перми. Замечательно или, лучше сказать, забавно, что маленькая группа инородческих селений на западной границе Орловского уезда Вятской губернии, окрашиваемая обыкновенно на наших этнографических картах одним цветом с пермяками, обитающими по р. Каме в Пермской губернии, отделена от последних широкой полосой русского народа, между тем как от зырян, которыми сплошь заселён Устьсыольский уезд, и именно от тех селений их, которые расположены по р. Лузе около Ношульской пристани и, как мне известно из переписных книг Сольвычегодского уезда², в конце XVII и начале XVIII века назывались «Лузские Пермцы», отрезаны фиктивной чертой географической границы между Вологодской и Вятской губерниями, – и, несмотря на такую смежность и на то, что жители их, повторяю, говорят одним языком, устьсыольские селения слывут зырянскими, а орловские – пермскими. Всё это от того только, что случайно, по милости какой-нибудь канцелярии или землемера, причислены к разным губерниям. Таким образом, того, что пишет г. Вологдин о пермяках, естественно искать и у зырян, да и сам он говорит, что

¹ К письму Вологдина приложена этнографическая карта местности по р. Иньве, населённой пермяками.

² В XVII веке в Сольвычегодский уезд (Усольский, Сольвычегодская) входила часть нынешнего Устьсыольского.

родовые знаки и знамения могут пролить свет на тёмную историю не только пермяков, но и зырян, вогулов и т.д. Впрочем, я не разделяю мнения г. Вологдина, будто то, что он называет знаком, пятном, тавром и знамением, есть оригинальная выдумка пермяков или другого какого-нибудь народа; так как всякий не только не знающий письменности, как пермяки или зыряне, но даже и грамотный народ должен придумать какие-нибудь условные знаки, по которым он может отличать собственную вещь от чужих однородных. Мне случалось видеть во многих чисто русских селениях условные знаки, накладываемые на разные домашние вещи, даже на жерди в огородах, и никого, конечно, не удивит, если такое же обыкновение встретится у эскимосов, бушменов и т.д. Употреблённое же г. Вологдиным слово «знамение» (я не говорю уже о тавре), встречаемое у нашего летописца там, где он говорит, например, о хозяйственной деятельности княгини Ольги, могло бы дать повод к предположению, что обыкновение накладывать знаки на вещи пермяки заняли у русских, если бы я не знал, что у зырян, а, может быть, и у пермяков есть своё соответствующее знамению слово «пас». Другого рода значение имеет для меня указание г. Вологдина, что знаки эти (знамения) исстари служили, между прочим, для обозначения захваченных в лесу угодьев, что они составляют принадлежность *родов* и что *родовые знаки* в большинстве случаев *вместе с имуществом переходят к старшему в роде*. Таким образом, мы встречаемся здесь с родом, с родовым имуществом и узнаём, что последнее наследуется старшим в роде. К сожалению, г. Вологдин, как и Арсеньев, не сообщил никаких подробностей ни о составе родового имущества, ни о правах старшинства, ни об отношениях младших членов рода к старшему и к родовому имуществу и т.д. Я не могу решительно, т.е. основываясь на фактах, утверждать, что и зыряне обозначают пределы своих охотничьих участков точно так же, как пермяки; но убеждён, что иначе и быть не может. Притом точно такой же способ обозначения владения чем бы то ни было в лесу существует во многих местах России, а в северных губерниях, как мне лично известно, и даже в Сибири, как утверждает г. П.А. Ровинский в своих очерках о Восточной Сибири («Древн. и Нов. Росс.», 1875, кн. 2, стр. 232) для подобных знаков существует особый русский термин – «затесь». Считаю нужным заметить также, что выражение г. Вологдина – «захваченные в лесу угодья», по крайней мере, в применении к охотничим участкам у зырян, не точно. Захват предполагает неправомерность владения, – чего нельзя сказать о владении зырянскими участками. Правда, никакой писаный положительный закон не освящает этого владения, и земля, на которой находятся охотничьи участки, принадлежит государству; так что, если бы казна вздумала продать кому-нибудь эту землю или только растущий на ней лес на сруб, – причём, конечно, пропали бы и охотничьи ловушки и затеси, то охотник не имел никакого законно-формального основания протестовать против такой продажи. Но, тем не менее, за него стоит многовековая давность, и во всяком случае, первый владелец участка не захватил, а занял его, как вещь ничью, и затем этот участок переходил из рук в руки на основании, никем до сих пор не оспоренного обычая. Таким образом, ещё нужно разрешить вопрос – чьё право крепче: право ли казны на землю, занятую ловушками, или право охотника на ловушки, расположенные на зачисленной в казну земле? Если казна считает ловушки принадлежностью земли, то зырянин, наоборот, имеет сильное логическое основание смотреть на

землю, как на принадлежность ловушек. Как бы то ни было, впрочем, а пока зырянские охотники владеют своими отхожими участками, не думая об основаниях права на владение.

Как же они владеют ими?

Г. Вологдин говорит, что лесные угодья у пермяков переходят к старшему в роде; а г. Арсеньев – что ловушки у зырян составляют родовое имущество, передаваемое от деда к отцу, от отца к сыну, и что по путикам охотник ходит один со своей семьёй (сыном или братом). Оба эти известия ни в чём один другому не противоречат; мало, однако же, дополняют друг друга: по тому и другому ловушки составляют родовую собственность и наследуются старшим в роде, и, кроме того, из слов г. Арсеньева можно косвенно заключить, – да это и само собой разумеется, что старшими считаются отец – по отношению к сыновьям и брат – по отношению к братьям, разумеется, младшим; но какое имеет и имеют ли участие во владении родовым имуществом более отдалённые родственники – не видно. Мало этого: из слов г. Арсеньева нельзя ни прямо, ни косвенно заключить, составляют ли названные им родственники одну семью или могут принадлежать и к разным семействам, так как и разные братья, например, могут жить по разделя. Я могу только догадываться, что ловушки, путик могут быть предметом владения и не одной семьи, во-первых, по самому свойству путика, а во-вторых, по условиям охоты. В упомянутом сочинении своём: «Зыряне и зырянский край» (примеч. 419) я, сколько мог, подробно объяснил значение путика: это цельная и, так сказать, замкнутая система цепи ловушек; это одному только охотнику известная, всегда весьма ломаная тропа, могущая иногда сама себя пересекать, по которой устроены ловушки; нельзя выкинуть из этой тропы ни одной ловушки, как из цепи звена, без некоторого риска не найти следующей, т.е. сбиться с пути. Короче сказать, путик составляет неделимую единицу владения. Делёж ловушек или и возможен физически, то весьма неудобен и затруднителен: владельцу вновь выделенной части ловушек нужно налагать новые знаки (г. Вологдин говорит, что «с возникновением рода является и новый знак, что и по самому существу дела необходимо»); можно строить новую охотничью избушку, ибо, если, по словам г. Арсеньева, путик имеет иногда до 30 вёрст протяжения, то при разделе его на две части, владельцу одной из них пришлось бы от места ночлега, т.е. от пывсяна (избушки), до первой ловушки проходить несколько вёрст, что в короткий зимний день крайне стеснительно; наконец, и самое число ловушек в данном путике может быть столь незначительно, что делёж их невозможен, так как нельзя же пользоваться участком, на обход которого довольно, например, четверти охотничего дня. Я уже не говорю о многих других, не столь чувствительных неудобствах делёжа путика, каково, например, распределение более прибыльных ловушек по количеству добычи, по свойствам зверей и птиц, для коих они устроены и т.п. Всё это неудобства делёжа охотничьей родовой собственности, вытекающие из самых свойства её. – Но ещё более существенные неудобства представляют условия производства охоты. Бессспорно самую важную статью охотничьих участков составляет белка. В помянутом сочинении своём, говоря об этом предмете, я уже сказал (стр. 73, столб. 2), что для успешности охоты на этого зверька нужно три человека, из коих один должен *выколачивать* животное, прячущееся обыкновенно в гуще дерева или дупле, другой – стрелять, когда белка выколочена, а

третий должен быть в запасе, чтобы заблаговременно натопить охотничью избушку, приготовить пищу, устроить новую ловушку и т.п. Во всяком случае, охотничья партия должна состоять не менее, как из двух человек. Но при таком условии делёж путника между двумя родственными семьями не всегда возможен: не во всяком семействе бывает по два мужчины, способные отправляться вместе в участок, отстоящий иногда за сотни вёрст от селения. Между тем и у зырян, как и русских их соседей, дробление семейств должно быть весьма значительно. Несмотря на то, что этот народ одарён сильными охотничими инстинктами, земледелие у огромного большинства его успело уже пустить столь глубокие корни, что в экономическом отношении владение землёй и обрабатывание её стало производительнее, необходимее охоты, хотя сами зыряне, может быть, и не всегда сознают это; владение же землёй и земледельческим имуществом, существующее у зырян на тех же основаниях, как и у русских, т.е. с переделами общинной земли соответственно наличным рабочим силам и средствам каждого домохозяина – с одной стороны к обрабатыванию участка, а с другой – к уплате оброка на землю, так же, как и у русских, обуславливает делимость семейств. Но кроме сейчас названной экономической причины дробления зырянских семейств, конечно, есть и другие естественные, каковы, например: вымирание многочисленных семейств. Короче сказать, вследствие экономической способности к крайнему дроблению земледельческой собственности (иные семейства получают из общественной земли участки только на четверть души) и противоположного свойства охотничьей, и вследствие того, что первая всегда равна рабочим силам каждой семьи, для эксплуатирования последнего необходимо соединение нескольких семейств и, главным образом, семейств родственных, имеющих одинаковое наследственное право собственности (а не временного владения только, как владение участком общинной земли) на неспособный к раздроблению охотничий отхожий участок. – Я говорю «главным образом, родственных семейств», а не *исключительно*, так как независимо от мельчания семейств вследствие сию минуту упомянутой экономической причины, допускаю и естественную, именно вымирание многочисленных семейств. В последнем случае для производства охоты в известном участке необходимо соединение сил и семейств неоднородных: например, какой-нибудь охотник-одиночка, владеющий целым участком, может вступить в товарищество с чужеродным одиночкой же, который отделяется от многочисленного семейства по противоположной причине, т.е. по случаю избытка в родной семье охотничих сил, при эксплуатации принадлежащего ей участка. Кроме того, подобный одиночка-владелец участка может нанимать в помощь себе и какого-нибудь безродного или бессемейного работника за денежную плату или из определённой доли добычи, подобно тому, как при обрабатывании земли у зырян существует позаимствованное ими у русских соседей половничество. Последний способ производства охоты не есть только априористический мой вывод. Такое предположение подтверждается крайне любопытными фактами, сообщенными г. Арсеньевым, именно, что «после бездетного охотника его ловушки наследуют родственники, а если нет родственников, то право их переходит к обществу или, чаще всего, по отказу покойного, к церкви, и тогда «путник» становится оброчной статьёй». К анализу этих фактов я скоро возвращусь, а теперь считаю необходимым заметить, что по той же самой причине, по которой охотничий участок, «путник» не может дробиться на слишком мелкие

части, он не может и увеличиваться далее известных размеров. Если для производства охоты партия охотников должна состоять по крайней мере из двух, если не трёх человек, то и более этого числа для производительности промысла не нужно: нельзя же ходить по одной тропе и охотиться за одним зверем целой толпой. Поэтому слишком многочисленная партия охотников может охотиться только подразделяясь в несколько самостоятельных, так сказать, в округленных цельных участках. Здесь уже заключается повод к дроблению рода и даже людной семьи, если даже участки и составляют собственность одного рода и помечены одними знаками. А этот повод ещё более усиливается наклонностью к дроблению земледельческих участков и земледельческих рабочих сил охотничьего рода или семьи. Таким образом, род, как хозяйственная единица, а затем уже как и кровный союз, не может обнимать значительного числа лиц. Вот почему, я полагаю, г. Арсеньев, указывая на существование у зырян рода, в числе членов его ясно указывает только братьев и сыновей, которые ходят на охоту со старшим.

Тем не менее, не только кровная, но и юридически-имущественная связь существует и между более отдалёнными членами рода: бездетному охотнику наследуют родственники, говорит г. Арсеньев, и только когда их нет, охотничий участок становится выморочным; только тогда допускается завещание в пользу церкви. Значит, существует наследование участка по закону или, говоря точнее, по обычай, и наследование по завещанию имеет место лишь после безродного: завещание при живых сродниках, по-видимому, не имеет места.

Замечательна судьба выморочного охотничьего имущества: за смертью последнего в роде, по обычай, оно переходит в общество, а не в казну, как бы следовало по общему писаному закону; быть может, потому, что, с одной стороны, казна не знает такого имущества, а с другой, потому, что если от времени и утратились признаки родства покойного с каким-нибудь ещё живущим отдалённым коленом, то осталось сознание или, по крайней мере, фикция кровной связи его с обществом, к которому он принадлежит, но так или иначе выморочный участок, перешедший в общество или к церкви, становится оброчной статьёй.

К сожалению, я не имею никаких сведений относительно того – каким образом пользуются общества или причты этими своеобразными оброчными статьями: каким образом, кому и на каких условиях они отдаются в содержание? Несомненно то, что они отдаются в аренду, ибо общества или причты, как лица юридические, не могут пользоваться ими непосредственно, и для причтов это невозможно и по закону, и физически, по случаю отдалённости оброчных статей. Но кому же они отдаются? Разумеется, кому-нибудь из членов общества, к которому принадлежал покойный. Для меня в настоящую минуту этот последний факт важен тем, что подтверждает ранее высказанную мной догадку о существовании пользования чужими участками посторонними для известной семьи лицами, по всей вероятности, на половинчье праве или, точнее говоря, из определённой части добычи. Почти в таком же положении относительно пользования охотничим участком, как и юридические лица, находятся женщины, особенно вдовы с малолетними детьми. В последнем случае они должны владеть по праву представительства за своих детей. Хотя женщина, по понятиям зырян, лицо правоспособное, так как даже бездетные вдовы у них могут владеть участками общественной

земли; но непосредственное владение охотничими участками, по крайней мере, в настоящее время, для женщины физически невозможno. Конечно, не то было в древности, и нет основания не доверять словам Тацита, когда он, описывая быт современных ему финнов, говорит: «*Idemque venatos viros pariter ac feminas alit: passim enim comitantur, partemque predae petunt*». Но это потому, что в то время финские народы не были оседлыми и нехитрые свои жилища могли устраивать там, где охотились: *non arma* (конечно, в римском смысле), *non equi, non penates(?)*; *victui herba, vestitui pelles, cubile humus...* *Nec aliud intantibus ferarum imbrgiumque suffigium, quam un in aliquo ramorum nexu coneturgantur; huc reduent juvenes, hoc senum receptaculum.* При настоящих же условиях быта женщина может быть или представительницей права малолетних детей, как я уже сказал выше, или посредницей для передачи прав лицу, чуждому семье и даже роду, если это лицо в качестве мужа вступит в её семью. Передаётся ли такое имущество в виде приданого – трудно даже догадываться. Кажется, что такая передача может иметь место разве в том случае, когда нет в виду наследников мужского пола. У зырян сама невеста есть ценность; следовательно, приданое за ней должно считаться роскошью. Если у русских крестьян смотрят на женитьбу, как на средство приобрести хорошую работницу, то у зырян такой взгляд имеет ещё большее значения вследствие того, что за продолжительными отлучками мужчин на охоту, на женщин падает более работ по дому и хлебопашеству¹.

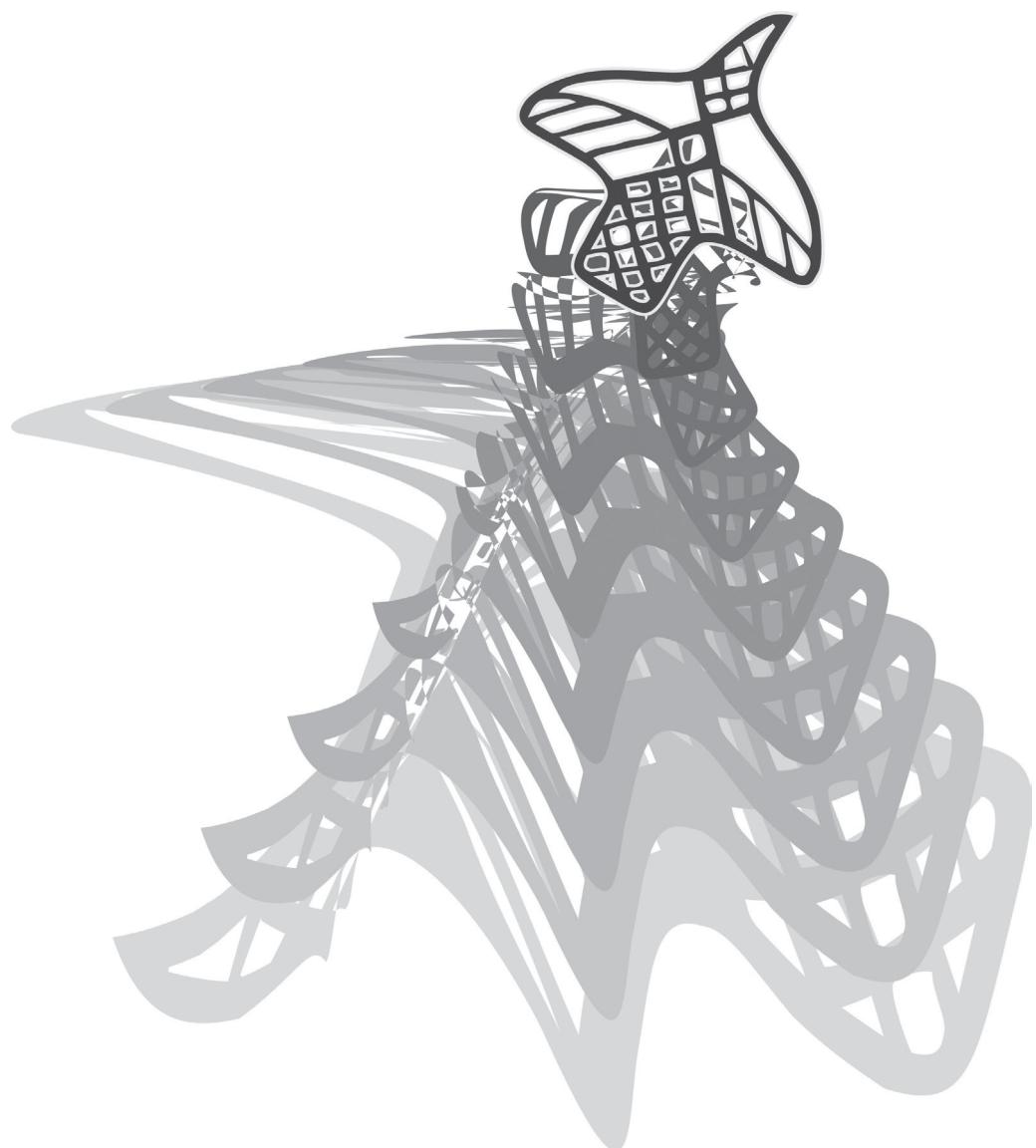
Все вышеупомянутые сделки и распоряжения относительно охотничьей собственности совершаются исключительно на основании твёрдо установленвшегося обычая, разве при незначительном участии личного произвола и без всякого соображения с писанным законом и предписанными им формальностями, так как писанный закон не знает охотничьей собственности. Закон не знает даже, что в казённых лесных пустынях строятся охотничьи пысяны и чомы из лесу, заготовленного без порубочных билетов, что для иных ловушек, быть может, рубятся мачтовые деревья. Ни закон, и никто не знает, каким образом появляются мирские или церковные оброчные статьи среди казённых лесов, никому не проданных, никому не пожалованных. Трудно предположить, чтобы, например, безродный зырянин, не знающий грамоте, отказывая в церковь свой участок, заявил свою волю в писанном завещании, да если бы он и написал духовное завещание, то может ли он иметь законную силу? Кто его утвердит? В какую книгу и как запишет церковный причт завещанный ему путик? Как он оценит его? В какую законную форму облечёт он сделку с арендатором? В какое присутственное место подаст жалобу на неисправного контрагента? Может ли он даже указать, где находится его владение? – Таких вопросов можно накидать без числа. Это потому, что зырянская охотничья собственность для нас, как для гоголевской Коробочки мёртвые души, товар небывалый.

Именно поэтому-то изучение всех подробностей обычного владения охотничьим имуществом у зырян и заслуживает особенного внимания этнографа – смею надеяться, что изложенные в настоящей статье факты и соображения подтверждают такое убеждение. С такой именно целью она и написана. Я очень хорошо

¹ Сколько работ, составляющих у нас обыкновенно обязанность мужчин, у зырян исполняется женщинами, можно судить по тому, что у последних в зимнее время женщины и девушки заменяют ямщиков-мужчин.

понимаю, что сама по себе она не имеет для науки почти никакого фактического значения. Вот почему я после того, как потерял надежду получить от г. Арсеньева сколько-нибудь подробные сведения об интересующем меня предмете, обращался в редакцию «Вологодских Епархиальных Ведомостей» с предложением поместить её в своём издании с присовокуплением к ней подробной программы, которую я обещал приготовить, и с приглашением от редакции духовных лиц зырянского края прислать замечания на статью и ответа на вопросы, заключающиеся в программе. С таким предложением обратился именно в редакцию «Епархиальных Ведомостей» в тех видах, что это издание читается духовенством, которое более, чем кто-нибудь и даже исключительно оно, непосредственно знакомо с обычаями зырян, и в прежнее время, не знаю как теперь, некоторые священники помещали иногда свои статьи в «Губернских Ведомостях». Но редакция «Епархиальных Ведомостей» отозвалась, что статья моя не соответствует программе этого издания. Хотя я и не предполагаю получить подобного же отказа от «Губернских Ведомостей»; но до сих пор не делал ей предложения. Я думаю, что такая попытка только тогда увенчается успехом, когда какое-нибудь влиятельное лицо в губернии пожелает оказать в этом деле содействие и непосредственно обратится за сведениями к тем, кто может их доставить. Мне кажется, например, инспектор местных училищ мог бы тут оказать содействие. Но я не имею знакомства с этим должностным лицом, и потому нахожу неуместным прямо от себя обратиться к нему.

АРТ-ФАКТ

Продолжение темы. Удора в творчестве русских художников

(начало № 1 2008 г.)

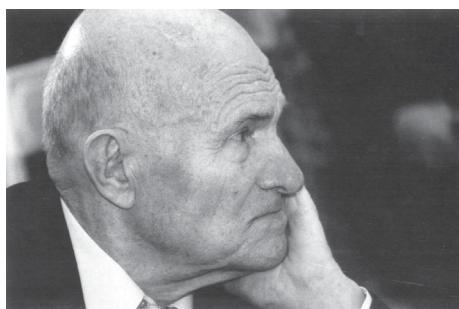
Названия работ этого художника говорят сами за себя: «Разлив на Мезени», «Разлив на Вашке», «Белая ночь»...

Попав однажды на Удору вместе с друзьями-художниками, Ефрем Иванович Зверьков возвращался сюда ещё не раз. Вот как вспоминает об одной из этих поездок народный художник из Ярославля Геннадий Дарьин: «На самолёте «Ан-2» мы приземлились прямо на лесной поляне, на местном аэродроме, недалеко от деревни Шиляево... Было много снегу, река покрыта льдом. Так что поначалу писали саму деревню, улицы, живописные стога рядом с амбарами... На весеннем снегу это было необыкновенно красиво. Ефрем Зверьков по этим мотивам по

приезде в Москву написал ряд творческих удачных картин: «Зимнее солнце», «Стога», «Тихий вечер»...

...Ефрем Иванович Зверьков родился в 1921 году. Он ветеран Великой Отечественной войны, награждён медалями и орденом Великой Отечественной войны II степени.

Уже после войны закончил Московский государственный художественный институт им. В.И. Сурикова. Ему тогда было 32 года. «Большой талант, помноженный на редкое трудолюбие и целеустремлённость, позволили

Ефрем Иванович Зверьков.

молодому живописцу сформироваться в яркую глубокую личность и самобытного мастера» (В.С. Манин).

Художник признаётся, что особое значение для него имели поездки на Север. Оказавшись однажды там, ему показалось, что он попал в какой-то совершенно иной мир: живописная природа, старинная деревянная архитектура, уклад жизни северян, – всё это необычайно привлекало Ефрема Ивановича пускаться в эти отнюдь не лёгкие путешествия по Архангельской области и по Северу Коми республики снова и снова.

В общей сложности он участвовал в пяти поездках на Север с друзьями-художниками Владимиром Стожаровым, Геннадием Дарьиным, И.Поповым и др.

Они открывали новую, неожиданную и для себя, и для своих зрителей, Россию. Этот путь когда-то до них уже прошли русские мастера живописи XIX–XX веков К.Коровин, В.Серов и др. В 30-е годы в Беломорье работали художники В.Рождественский и В.Крайнев. А В.Стожаров, Е.Зверьков, И.Попов, Г.Дарьин, И.Голицын уже были так называемой третьей волной живописцев Севера. Но далеко не последней: за ними сюда пришли В.Попов, А.Грицай, Г.Мызников...

А в 2000-е годы это северное направление стали осваивать Н.Давыдов, А.Захаров, Г.Чайников, В.Ромашко...

Вот уж поистине это неисчерпаемая тема – Север.

Сегодня на страницах «Арт-факта» мы печатаем работы патриарха живописи Ефрема Зверькова и тех, чьи картины об Удоре подписаны 2010-ым годом: Николая Давыдова, Андрея Захарова и Евгения Ромашко...

Николай Сергеевич Давыдов, заслуженный художник России, живописец, дипломант Академии художеств, дипломант Союза художников России, лауреат Международных конкурсов. Живёт в Твери.

Персональные выставки Н.С. Давыдова с успехом проходили в Москве в Центральном выставочном зале, в галерее Рой Майис в Лондоне, Тольятти, Бобруйске, Твери, Могилёве, Минске и т.д.

Художник продолжает традиции русской реалистической школы. Им созданы циклы произведений «Храмы и монастыри России», «Колокола России» и т.д.

В 2007 году награждён Юбилейным знаком «250 лет Российской академии художеств». Вот что пишет Николай Сергеевич в своих воспоминаниях об Удоре: «За время своего путешествия побывали мы в сёлах Муфтюге, Чупрово, Кривом, Выльгорте.

С погодой нам явно не повезло: снег шёл практически каждый день, хотя на дворе был март. Мне представилось, какая здесь красота во время разлива Вашки, ибо Важгорт находится прямо на берегу. Дай Бог застанем и разлив. Но и то, что мы увидели, было впечатляющее. Старинные амбары, как по линии выстроились в ряд в деревне Выльгорт, дома с расписными карнизами, лошади, везущие сено, и неизменные собаки – добрые, под стать своим хозяевам, и такие же самодостаточные.

Немного щемило сердце, расставаясь с Удорой, запала она в душу. Единственное, что согревало – надежда на то, что мы ещё вернёмся сюда....»

И в прошлом году и этой весной вместе с Николаем Давыдовым приезжал на Удору порабо-

Отъезд из деревни Шиляево по большой воде.
Фото из книги Г.А. Даргина «Русская деревня
в пейзажной живописи». 2007 г.

На фото: Е.Ромашко, Н.Давыдов, А.Захаров. 2010 г.

Николай Давыдов и Андрей Захаров.

тать живописец из Костромы Андрей Захаров, заслуженный художник России. Он, как и его друзья, верен традициям русской реалистической школы. Его трудно застать в мастерской, – они или в Италии, или во Франции, или в Греции, или на выльгортских снежных просторах далёкой тайге Удоры...

Творческую манеру Андрея Аркадьевича иногда называют «сплавом русской школы с французским импрессионизмом». Произведения Андрея Захарова в музеях Костромы, Белгорода,

Вышнего Волочка, а также в частных коллекциях России и за рубежом.

В отличие от А.Захарова и Н.Давыдова Евгений Ромашко попал весной этого года на Удору впервые. Человек он чрезвычайно занятой и вырваться из Москвы ему было совсем не просто: Евгений Викторович преподает в МТХИ им. В.И. Сурикова, он вице-президент Творческого Союза художников России, – и тем не менее, сегодня мы имеем возможность показать несколько его удорских работ...

Евгений Ромашко, заслуженный художник России, действительный член Академии художеств России, участник различных Российских и Международных выставок. Его работы находятся в художественных музеях Симферополя, Рязани, Плеса, музее «Лю Мин Сю» (Китай, Харбин), а также в художественном музее г.Мехико и музее акварели (Мексика).

Совсем недавно еще я даже не слышала фамилии художников – Ромашко, Захаров, Давыдов...

А сегодня моё сердце преисполнено к ним ко всем такой же признательностью, как некогда к творчеству Владимира Стожарова и Ефрема Зверькова. Все они сегодня для меня не просто знакомые художники, а почти родственники. Потому что в их работах моя любимая Вишка, знакомые деревни – Шиляево, Лязюв, Пысса, Важгорт, Выльгорт, Острово... Даже просто деревенские амбары и даже просто потемневшие уже от времени прясла на краю Муфтюги (точно такие же были и на краю моего родного Ёртома...) – всё поднимает во мне бурю эмоций и воспоминаний о моей маленькой родине. И хочется с благодарностью низко поклониться за их труд им всем, сделать всё возможное, чтобы как можно больше людей узнали о них, великих тружениках.

*Галина Бутырева,
главный редактор
журнала «Арт».*

Вера Мекхонощина

Мекхонощина Вера Игоревна – главный специалист информационно-аналитического отдела ГКУК «Коми-Пермяцкий этнокультурный центр», ранее – корреспондент «Кудымкарской городской газеты».

Он приоткрыл нам тайны Пармы

Тогда, в ноябре 2008-го, все художники Пармы собрались на открытие общей выставки, в очередной раз проходившей в Кудымкаре... Почти все. Звучало множество лестных отзывов, гости восхищались растущим мастерством пермяцких художников. Только настроение было какое-то непраздничное.

С самой дальней стены на всех смотрел портрет Виталия Онькова. Кроме этого портрета, там не было картин. «Эта стеночка предназначалась для его работ... – произнесла председатель союза «Художники Пармы» Нина Новикова. – Она – в память о Виталии Онькове»...

Виталия Николаевича Онькова называют теперь не иначе как, одним из самых выдающихся художников Коми-Пермяцкого округа. Пейзажист, скульптор, автор жанровых и фольклорно-эпических композиций. В его картинах отражены красота родного, таежного края – Пармы, жизнь и быт коми-пермяцкого народа. Все его произведения крепко связаны с национальным коми-пермяцким эпосом и фольклором.

Своим искусством Виталий Оньков определил основную черту современного искусства Пармы. Однако при жизни художника его талант ценился далеко не всегда и не всеми.

Жил-был художник

Виталий Оньков родился 17 июня 1946 года в деревне Они Юсьвинского района Пермской области. Отец – ветеринарный врач, мама – учитель работали в 15 километрах от родного дома, в селе Купрос. А Витя воспитывался бабушкой.

– Склонность к рисованию у меня появилась очень рано, – вспоминает художник в одном из предисловий к альбому-каталогу собственных произведений. – Эта страсть полностью захватила после рассказанных моей бабушкой Дарьей народных баек и преданий. Так появился индивидуальный мир в моём воображении, а потом и мечта отобразить его на бумаге. Общение с деревенскими мужиками, охотниками и рыбаками привило любовь к природе и всем живым существам на земле. Дороже и краше родных мест я нигде не нашёл.

Талантливый мальчишка часто старательно перерисовывал картинки, а к октябрьским праздникам и Новому году оформлял стенгазеты. Однажды его первая учительница, Анфиса Захаровна, отправила рисунки Виталия в Москву, в «Пионерскую правду», а оттуда они «уехали» на конкурс детского рисунка в Югославию. Будучи десятиклассником, Оньков каждые выходные ездит за десятки километров в столицу Коми-Пермяцкого округа город Кудымкар в художественную студию Владимира Ивановича Филиппова. После окончания общеобразовательной школы он поступает на художественно-графическое отделение Ленинградского государственного педагогического института имени Герцена. Именно здесь открываются его способности как художника-графика. Молодой художник создаёт дипломную серию графических листов «Лесная быль» и защищает её на «отлично».

В 1970 году Оньков закончил институт. И мог бы остаться в Ленинграде, но его тянуло обратно на родину, к любимым с детства лугам, рекам и лесным полянам. Он приезжает в Кудымкар, где работает преподавателем в педагогическом училище, а затем – преподавателем живописи и скульптуры в Кудымкарской школе искусств.

«Возвращение на родину не стало началом профессионального взлёта, начались рабочие будни, возникли творческие и житейские проблемы, – как позже напишет об этом периоде искусствовед Анна Жданова. – Это были годы, наполненные сомнениями и разочарованиями. Редкие удачи и озарения сменялись постоянным поиском и борьбой с самим собой».

В местных советских и партийных изданиях, при этом, Онькова откровенно игнорировали. Многие просто не воспринимали всерьёз всех его чудовищных, а самого художника считали, как минимум, чудаком. Но Оньков продолжал творить, находя отдушину в лесах и на лугах, куда часто уходил на охоту, рыбалку или просто с мольбертом в руках.

– Для настоящего коми-пермяка без лешего да водяного и жизнь не жизнь, – признавал сам Оньков. – Это они придумали мир нечистой силы. Духи, чуды, колдуны, лесные, большие – вот персонажи, возбуждающие воображение художника. Я чувствую, я знаю, как их изображать, ведь они появились в моём воображении ещё в детстве. Остаётся переплести реальность с вымыслом, и перед тобой захватывающее зрелище – ты видишь невидимое.

Постепенно количество его работ возрастало. Онькова стали приглашать на выставки. Не только местные, но и региональные, и общероссийские. Нашлись всётаки люди, которые оценили его работы, а главное, поддержали добрым словом.

Его картины появились в Коми-Пермяцком краеведческом музее, Пермской художественной галерее, несколько гравюр приобрело объединение музеев «Новый пассаж» города Санкт-Петербурга.

С 1992 года Оньков становится свободным художником. Выполняет разовые заказы. Совершает творческие поездки. В 1995 году его первым из Коми-Пермяцкого автономного округа принимают в члены Союза художников России. Он участвует в выставках, в том числе организуется несколько персональных. Вместе с творческим объединением художников Коми-Пермяцкого округа участвует в пленэрах, его мастерство растёт.

– Нет талантливее художника, чем сама природа, – говорит Оньков. – Рисуя её, душа отдыхает, а вера в Бога становится всё сильнее. Воссоздавая на листе природу, художник, зачарованный ею, наполнен светлым мироощущением. И эти чувства и ощущения он должен передать зрителю. Я часто езжу на пленэры с объединением коми-пермяцких художников по Пермскому краю, где нахожу источник своего искусства. Невозможно равнодушно пройти мимо божественных мест в селе Пожва, величественных далей села Архангельское или поэтических красот старинных изб, родников, речек, кладбищ деревни Они.

Однако, на последний в его жизни пленэр (как потом окажется) он почему-тоехать отказался. Вместо этого отправился в родную деревеньку Они, навестить могилу матери. Как будто чувствовал...

О его тяжёлой болезни до последнего момента не знали ни он сам, ни родные, ни врачи. Как утверждают те, кто его хорошо знал, скончался Виталий Николаевич из-за опухоли головного мозга. Произошло это 13 октября 2008 года.

– Этот человек сделал очень много. Предопределил основные черты Коми-Пермяцкого творчества. И ему надо было дать «зелёную дорогу», – считает Нина Юрьевна Новикова. – А у нас видите, как на это всё смотрят – сквозь пальцы. Человек ушёл, и стали о нём говорить. А при жизни? Мы все переживаем, потому что ему не дали никакого звания. Он сам добился того, что стал членом Союза художников России, благодаря своему усердию, упорству, трудолюбию. Но звание ведь можно было дать ему? Потому что человек заслужил, его творчество известно далеко за пределами округа.

А что осталось нам?

Виталий Оньков показал совершенно особенный мир. Дал возможность увидеть то, что доступно увидеть лишь «избранным». Потрясают воображение изображения легендарных, эпических Кудым-Оша и Перы-богатыря или ещё более загадочных – водяного с огромным змеиным хвостом, банного и подвального чудов. Невольно застываешь, вглядываясь в картины «Бабушка» и «Друзья». Выполнены эти две работы в похожей технике. На первом плане – крупное изображение главных персонажей портрета, а рядом и одновременно вдали фрагменты прошлого, ход мыслей – вся жизнь героев перед глазами.

Его творчество загадочным образом сочетает в себе наивность народного творчества и высокий профессионализм. Но кем бы стал художник, не встретив на жизненном пути грамотных учителей?

Любой алмаз, даже самый крупный и красивый, изнутри требует ограничения для того, чтобы засиять всеми своими гранями... Появятся ли на коми-пермяцкой

В.Оньков.
Бабушка.

земле художники столь же заметные? Конечно, Парма породила многих талантливейших людей. Они и сейчас творят и радуют своим искусством. Однако, чаще – это «старая школа». Люди, успевшие сформироваться в другую эпоху. Что же произойдёт сейчас, когда идёт переоценка ценностей, а всё, в том числе и искусство, и образование, ставятся на коммерческие рельсы? Смогут ли раскрыться понастоящему талантливые люди?

– Для того, чтобы в Коми округе появились новые художники, необходимы хорошие изостудии с профессиональными преподавателями, качественное художественное образование, – считает преподаватель изобразительного искусства и художник Людмила Попова. – Сегодня обучающиеся на художников-оформителей в Кудымкаре непосредственно изобразительным искусством занимаются всего тридцать часов за весь учебный курс. Что можно сделать за это время? – Создать одно произведение, и то – профессиональному художнику. Конечно, такое образование не позволит стать полноценным художником. А другого профессионального художественного образования в округе нет. Возможности ехать куда-то учиться есть не у всех. Но если даже и поступит молодой человек в какой-то вуз, где дают художественное образование, навряд ли он сохранит преемственность коми-пермяцких традиций.

Неужели над Коми округом действительно нависла угроза, что исчезнет изобразительное искусство в его коми-пермяцком этническом ключе? Неужели после Онькова закончится развитие этого направления творчества?

P.S.: Порой не покидает чувство – Виталий Оньков спешил жить. «Я не создал и тридцати процентов задуманного, – признавался он в одном из интервью корреспонденту газеты «Парма» в далёком 1993-м. – Мечтаю сделать около ста графических работ и 50 скульптур только по эпосу. Но сколько мне Богом отпущено?» Сколько он успел в действительности? Трудно сказать точно. Конечно, наиболее крупные работы нам известны. Около 25-ти произведений хранятся в Коми-Пермяцком краеведческом музее. Несколько – в галереях и музеях Перми и Санкт-Петербурга. Но очень многие произведения находятся в частных коллекциях (быть может, и за пределами округа), проданы или просто подарены. Все ли произведения Онькова сохранятся для будущих поколений?

Ирина Блинникова

Блинникова Ирина Викторовна – композитор и музыковед.

Родилась в г. Агрыз (Татария). В республике Коми живёт с семилетнего возраста. Окончила Ленинградскую консерваторию. Среди её произведений – мюзиклы «Гришуня на планете лохматиков» по повести-сказке Елены Габовой, «Новогодние приключения Мадлен» по пьесе Любови Терентьевой, «Голубая роза» по мотивам сказок Г.Х. Андерсена (поставлены в Государственном театре оперы и балета Республики Коми). Циклы романсов композитора исполнялись ведущими солистами республики: Ольгой Сосновской, Еленой Лагодой, Альфиёй Коротаевой, Александром Байроном. Произведения Ирины Блинниковой звучали на республиканских, всероссийских и международных конкурсах. Как музыковед выступает в республиканской и всероссийской прессе.

Член Союза композиторов России, лауреат Государственной премии Республики Коми, заслуженный работник Республики Коми.

Об опере «Куратов» Сергея Носкова

В октябре 2009 года в Государственном театре оперы и балета Республики Коми 52-й театральный сезон открылся премьерой: оперой современного композитора Сергея Носкова «Куратов». Премьера стала значительным событием в жизни республики: ведь это – первая коми опера на коренном языке. В истории коми музыки были неоднократные попытки создания оперы. Это такие произведения, как «Гроза над Усть-Куломом», «Усть-Куломское восстание», «На Илыче», «Домна Каликова». Все они имели свои достоинства, однако, всё же не удержались в репертуаре театра. Новое произведение посвящено 170-летию коми национального поэта, основоположника коми литературы и коми литературного языка Ивана Алексеевича Куратова – поэта-гуманиста, который в непростых социальных условиях своего времени сумел поднять свой голос в защиту чести и достоинства своего народа. Жизнь его была недолгой, но яркой. Поэт умер в далёком Казахстане, дожив всего до 36 лет.

Идея создания оперы принадлежит художественному руководителю, главному режиссёру Театра оперы и балета Ие Петровне Бобраковой – инициатору многих национально-культурных проектов. По её словам, ещё 35 лет назад, когда закладывался памятник поэту перед зданием театра, её посетила эта идея. В 1984 г. замечательный коми поэт Альберт Ванеев создал либретто оперы. О создании произведения на этот сюжет думал классик коми музыки, автор национального балета «Яг Морт» Яков Сергеевич Перепелица. Однако он не успел воплотить замысел в жизнь. Других композиторов останавливало то, что либретто написано

на коми языке. Нужно было найти автора, который не только хорошо знал бы коми музыкальный фольклор, но и владел коренным языком. И такой композитор нашёлся, но не в Коми республике, а... в Англии! Наш соотечественник, Сергей Носков, живёт в Лондоне. Личность и судьба его неординарны.

Мне довелось учиться с Сергеем Носковым в Сыктывкарском училище искусств в середине семидесятых. Он наряду с другими студентами – будущими композиторами Татьяной Харитоновой, Александром Горчаковым – посещал факультатив композиции Михаила Герцмана, где постигал азы сочинения музыки. Помнится, что мы, занимавшиеся композицией ещё с музыкальной школы и имевшие основательную музыкальную подготовку, восприняли первые опыты Сергея со скепсисом: и вправду, они были не совсем складные, да и играл он их какими-то неловкими руками. Но педагог смог разглядеть тогда в пареньке дарование и увидел перспективу. Мы были удивлены и обрадованы, когда Сергей поступил в Горьковскую консерваторию на композиторское отделение, в класс профессора А.А. Нестерова. А потом я стала узнавать об успехах Сергея. Судьба свела нас позже, в 80-е, когда он уже вернулся в Сыктывкар и стал членом Союза композиторов СССР. Здесь, на собраниях Союза композиторов, мы стали знакомиться с разными сочинениями Носкова и поняли: это – интересный автор, со своим творческим лицом, незаурядным человеческим и творческим характером. Особенно впечатлил тогда его Первый квартет, в котором мне увиделась яркая образность и даже некоторая театральность. Каждая тема Квартета представляла как персонаж – со своими повадками и поступками. Развитие этих тем представлялась как цепь неких событий, за которыми было интересно следить, наблюдая: «а что же будет потом?». А ещё удивило другое его произведение: романсы на стихи раннего Маяковского, написанные в стиле рок-музыки. Звучало это чрезвычайно экстравагантно и довольно эпатажно. Знали мы и то, что в свои тридцать с небольшим лет Сергей был автором симфонии. А это уже серьёзная заявка! Помню, что тогда, в начале 80-х, по Сыктывкару пошли слухи: Носков организовывает рок-группу «Аски» при филармонии, и она будет петь на коми языке. Долго группа, к сожалению, не продержалась, но Сергей стал известен в музыкальном мире республики. Многое ожидалось от молодого талантливого автора. Но тут грянули «перестроечные» процессы... Куда идти, чем заработать? Как и многие другие в это смутное время, Сергей пробовал себя в разных видах деятельности, в том числе, и далёких от музыки. Случай свёл его с театральным режиссёром, ставившем силами маленькой передвижной труппы «Шинель» Гоголя. Ему нужен был композитор, который мог бы «вживую» сопровождать спектакль, импровизируя музыку по ходу действия. Сергей согласился на этот эксперимент. Труппа колесила не только по нашей стране, но и за рубежом. Okазалась она и в Англии. Необычный случай и ряд судьбоносных встреч с

Сергей Носков. Фото Д.Напалкова.

русскими эмигрантами резко повернули судьбу Сергея, и он стал британским подданным. Ныне он – член Британской ассоциации композиторов.

Носков живёт в Англии уже более 15 лет. За это время он написал немало интересной музыки. Однако, по его высказываниям, в новую культурную среду полностью вжиться, ассимилироваться и творчески функционировать в ней оказалось довольно сложно. Думается, что не случайно в последние годы он стал высыпать по Интернету нам – друзьям и коллегам – свои новые сочинения, тематически связанные с его исконными, коми корнями. Видно, велика была тоска по родине. Ведь вопрос Сергей в деревне и до пяти лет говорил только по коми. «Когда мне передали просьбу Ии Петровны Бобраковой взяться за написание оперы о Куратове, я с головой погрузился в чтение, – вспоминает композитор. – Поразила душевность и тонкость поэтического языка Альбера Ванеева. Воспоминания нахлынули с необычайной силой, и я решил писать». Однако тут же в работе возникло препятствие. Изучив либретто, Носков понял, что идеологические особенности 80-х годов наложили на него свой отпечаток. Было ясно, что в таком виде сюжет будет не очень интересен. Не раз вставал и другой вопрос: а будут ли ходить на оперу на коми языке? Решение было найдено смелое: в сюжетную канву Сергей включил своеобразных комментаторов действия – Поэта и Музу, поющих на русском языке. Признаться, когда я услышала о том, что опера будет двуязычной, это повергло меня в недоумение. Однако, познакомившись с произведением, я убедилась в органичности этого замысла: ведь наша Республика всегда была двуязычной, и чередование коми речи с русской нисколько не резало слух. Кроме того, введение иного временного пласта (Поэт и Муза – наши современники) добавило смысловой объём происходящему на сцене; более того – придало неторопливому развитию исторического сюжета дополнительный внутренний импульс, более живой темпоритм. «Понимая ценность каждого слова А.Ванеева, я оставил его текст почти неизменным, – говорит композитор. – Просто окружил этот «алмаз» новой историей, но уже на русском языке, и получилась уникальная структура – оперы в опере». Более двух лет создавалось это масштабное сочинение. Композитор дважды приезжал в Сыктывкар. Что-то изменилось, корректировалось по советам режиссёра-постановщика И.П. Бобраковой и дирижёра-постановщика Сергея Кисса. По просьбе театра автор сократил оперу, сделав её из трёхактной двухактной. Труппе предстояло освоить непростой материал: некоторые вокальные партии были написаны на пределе возможностей человеческого голоса. У многих певцов, не знавших коми языка, возникли проблемы с произношением.

И вот – долгожданная премьера. 2 октября зал Театра оперы и балета был переполнен. Интерес к новому произведению был весьма велик; публика в ожидании новинки сезона возбуждённо гудела. Среди зрителей присутствовал Глава Республики, члены правительства, представители общественности, прессы. Мы, коллеги, затихли в напряжённом ожидании: как воспримет оперу публика? Станет ли она репертуарной или после шумной премьеры о ней будут вспоминать лишь как о некоем событии скорее национально-культурного ряда, а рукопись ляжет на полку библиотеки?

...Звучат первые аккорды вступления. Слышатся отголоски знакомых коми напевов. Внезапно характер музыки резко меняется: диалог Поэта и Музы пора-

Опера «Куратов» (октябрь 2009). Фото Алексея Жубра.

жает ухо современностью ритмов и остротой гармоний. «О-о-о, не разбежится ли неподготовленная к современной музыке публика?» – грешным делом, мелькает у меня в голове. Но вот открывается занавес, и снова звучат узнаваемые интонации коми песен. Мы видим декорацию деревни. Мать провожает десятилетнего Ваню на учёбу в далёкий Яренск. Фольклорные мотивы этой сцены

лишь слегка «подсвечены» современными гармониями. Становится ясно: нет, уже никто не уйдёт из зала. Действие и музыка захватили внимание публики!

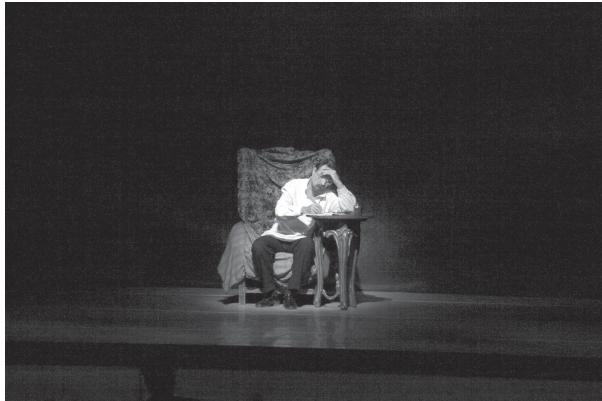
...Вот он, Куратов, уже молодой человек, на ярмарке встречает девушку Сандру. А вот он, уже зрелый литератор, отстаивает право коми народа на свой язык. «У коми языка будущее есть!» – провозглашает он, вступая в спор с полицейским исправником (отметим, что в этом месте на премьере 3 октября действие оперы на некоторое время пришлось остановить из-за бурных аплодисментов зала). Вот Куратов встречается со своими друзьями – такими же свободомыслящими интеллигентами, как и он сам. Ведутся разговоры о будущем народа, о гнёте царской власти; поются антимонархические частушки. И снова в действие вмешивается насмешливая Муза, вопрошающая: «А интересны ли сейчас декабристы?» – «Нельзя забывать свою историю», – отвечает Поэт. Вот большая лирическая сцена, где трое друзей встречаются со своими возлюбленными. И опять слышатся реплики задиристой Музы: теперь ей не хватает трагедии! «Подожди, будет и трагедия», – обещает Поэт. Последняя сцена: Казахстан. Больничная палата.

Поэт умирает, вспоминая тех, кого он любил. И – светлый хоровой финал. Народ славит имя поэта, поэзия которого продолжает жить и вдохновлять...

После окончания спектакля зал буквально взорвался аплодисментами. Долго публика не отпускала автора и артистов со сцены. Поразил всеобщий энтузиазм, охвативший присутствовавших. Примеча-

Опера «Куратов» (октябрь 2009). Фото Алексея Жубра.

Опера «Куратов» (октябрь 2009). Фото Алексея Жубра.

фальным успехом прошла опера Резеды Ахияровой «Любовь поэта» о судьбе татарского поэта Тукая). Опера «Куратов» написана достаточно простым, но, вместе с тем, далеко не примитивным музыкальным языком. Характеристики главных героев – Куратова и его матери, Сандры, Антонины, Марии, Павла, Вайнаральского подкупают искренностью и выразительностью. Несомненна глубокая почвенность музыкального языка оперы: интонации коми песен узнаваемы и рельефны. Интересный стилистический контраст вносят сцены с Поэтом и Музой (дерзкий современный язык, на грани гротеска). Из музыкальных номеров наиболее впечатляют прощальная песня Сандры, женское трио, а также удалые анти-монархические частушки из второго действия. Большой удачей является выбор артиста на главную роль. Анатолий Измалков сумел передать не только интеллигентность и обаяние, но также мужество, стойкость и отвагу, присущие герою. Немаловажно и то, что солист внешне похож на Куратова. С большой проникновенностью созданы женские образы: это Сандря (Альфия Коротаева, Ольга Сосновская), Антонина (Тамара Савченко), Мария (Лариса Поминова, Елена Лодыгина). Замечательно исполнила роль матери поэта солистка Елена Серкова. Очень привлекательны декорации (художник Юрий Самодуров). Сильное впечатление производят поэтические образы деревни Кебры, зимняя ярмарочная площадь с почти натуральным снегом, Троицкий собор в Усть-Сысольске, коми парма (тайга). Исторически достоверные костюмы радуют глаз разнообразием и сочностью красок.

Прошло уже несколько спектаклей с момента премьеры, а люди всё идут и идут на «Куратова». Не сбылись предсказания скептиков: опера на коми языке оказалась интересной всем! Произведение Сергея Носкова – настоящая творческая удача, крупное событие в жизни республики. Знаменательно, что она была поставлена в Год коми языка и литературы. Слушая оперу, ощущаешь, как сквозь её музыку пробивается тёплое, нежное, трепетное отношение композитора к своей малой родине. И невольно возникают историко-культурные параллели: вспоминается Гоголь, который писал свои «Мёртвые души» в Италии. Чувство родины обостряется на чужбине? Большое видится на расстояньи?..

тельно то, что опера глубоко запала в душу и понравилась всем – и профессионалам, и любителям, и даже тем, кто почти никогда не ходит в музыкальный театр.

Итак, новая опера удалась! Это – так называемая «песенная опера» – жанр, к которому нередко обращались и продолжают обращаться композиторы из республик, работая с национальными сюжетами (например, не так давно в Казани с триум-

Обзоры. Новости

История фестиваля КАМWA

Река Кама

Название фестиваля основывается на одной коми-пермяцкой легенде: «Был в племени высоких и ясноглазых людей сильный и смелый человек по имени Кам. Свет жизни исходил из него. И когда пришла к людям беда, Кам один принял её на свои плечи. Знал, что лишь он сможет помочь своему племени. Сплёл он из ивовых веток пояс и венок. Надел их Кам и стал медленно кружиться в пляске по земле племени. И в одном месте ветви венка его опустились вниз, словно живые. «Здесь!» – сказал Кам. Сильно топнул он ногой, и забил из-под земли чистый и светлый родник. От этого родника побежал по дальней земле ручей и притянул он к себе другие воды. И стала река огромная, сильная, волшебная. Видя такое чудо, вскричали люди: «Камва! Тайэ Кам ва! Вода Кама!» Так пришла к людям река Кама и жизнь возродилась. И ничто уже не нарушало её».

Так что такое фестиваль «Камва»? Это такая же река, которая притягивает к себе другие воды-народы, но не теряется в них, а становится из года в год только сильнее и полноводнее. За последние годы мне довелось стать участником почти десятка этнофутуристических фестивалей, конференций, семинаров и т.д. Обычно на эти встречи собираются представители только финно-угорских народов. Фестиваль в Перми показал, что география таких встреч может быть значительно шире и разнообразнее. Как отметил научный консультант проекта, профессор, проректор ПГПУ Андрей Белавин, это фестиваль всех народов, фестиваль дружбы и толерантности.

Фото Алексея Гущина.

Организаторы фестиваля доказали, что этнофутуризм – это не замкнутое в себе движение финно-угорской творческой интеллигенции, а нечто масштабное, способное объединить народы всех стран и континентов. Напомним, этнофутуризм – это направление в искусстве, которое берёт за основу традиционный материал, но придаёт ему современную форму, соединяя мифологию и авангард, культуру города и деревни, прошлое и будущее. Главная черта «Камвы» – смело принимать всё новое и делать его своим. Казалось бы, какое отношение имеют к финно-уграм ирландцы или тибетцы. Но в русле фестиваля они смотрелись так же органично, как коми-пермяцкие или марийские бабушки. В этом и заключается феномен «Камвы». Поэтому не удивлюсь, увидев здесь аборигенов Австралии или Африки.

Камва I. 2006

Впервые на фестивале я побывал в 2006 году. Тогда он проходил в рамках программы «Пермь – культурная столица Поволжья». Благодаря этому, здесь «вместе сошлись» Запад и Восток в самых ярких и экзотических своих проявлениях. На одной площадке выступили ансамбль ирландского танца «Doyle Academy of Irish Dancing» из британского Оксфорда и настоящие тибетские монахи.

Прошёл фестиваль при поддержке администраций города Перми и Пермского края. «К счастью, национальная культура существует, она есть, и она жива! – отметил на открытии фестиваля министр культуры Пермского края Олег Ощепков. – В какой-то момент к нам приходит понимание того, что мы хотим не просто делать вид, что она существует, а сделать эту национальную культуру если не центром поклонения, то центром притяжения. Мы хотим, чтобы у людей на территории Пермского края была самоидентификация. Мы хотим сделать Пермь центром притяжения финно-угорской культуры. Этот фестиваль должен быть ежегодным, и в это мы готовы вкладывать деньги».

Наверное, способствовало появлению фестиваля и объединение Пермской области с Коми-Пермяцким национальным округом и создание Пермского края. Видимо, это «пермский феномен», когда современное русское население копает свои финно-угорские корни, живо интересуется чудью и изделиями пермского звериного стиля. Пермский прозаик Алексей Иванов в своём романе «Сердце Пармы» заинтересовал историей коми всю Россию, а Сергей Тетерин «заразил» россиян коми-пермяцким гаданием на пермском оракуле – двойняшках.

Фестиваль в 2006 году не ограничился песнями и танцами. Прошла программа документальных этнографических фильмов «Визуальная антропология». В Пермском государственном пединституте состоялся круглый стол «Влияние самобытных этнических традиций на современную культуру и общество». Выездная программа фестиваля проходила на берегу Камы в архитектурно-этнографическом музее «Хохловка».

Кульминацией фестиваля стал **гала-концерт на стадионе «Юность»**. Вход на стадион был свободный, поэтому собралось много желающих увидеть перформансы, показы этномоды и выступления музыкальных групп. Здесь же продавали разнообразные сувениры и проходили мастер-классы. На пятичасовом гала-концерте фестиваля выступили ханты и манси (рядом со сценой стояли их чумы), вепсский хор, коми-пермяцкие бабушки, удмуртский шаман и художник Юрий Лобанов, пермский театр «Мимикия» и творческая мастерская «Рыбы поют для птиц, птицы танцуют для рыб», группы «Веданъ Колодъ» (Красноярск), «Птица Тылобурдо» (Ижевск), «Морденс» (Саранск), «Yoki» (Москва) и т.д.

Помимо концерта на стадионе, «Камва» выплынула и на клубные площадки города. Этноколлективы выступили сразу в нескольких пермских клубах. Завершился фестиваль этнотанцевальной дискотекой в клубе «Бионика», которую провёл гуру этнической электроники Назим Надиров.

Камва II. 2007

В августе 2007 года я вновь побывал в Перми на фестивале. Встретил здесь старых знакомых и нашёл новых друзей. Этнофорум прошёл не только на сценических площадках и улицах Перми, и дошёл до столицы Коми-Пермяцкого

округа – Кудымкара. Так округ, который доселе оставался в стороне от этнофутуристического движения, оказался втянутым в водоворот «Камвы».

Всего на фестиваль приезжало более сотни человек из Карелии, Эстонии, Удмуртии, Мордовии, Ханты-Мансийского округа, Алтая, Москвы, Санкт-Петербурга и Красноярска. Хедлайнерами фестиваля стали лидер отечественного фолка, автор программы «Странствия музыкантов» на телеканале «Культура» Сергей Страстин и исполняющая этноэмбиент петрозаводская группа «Ва-Та-Га». Из «финно-угорцев» в Пермь приехали мордовская «Toograma», удмуртская «Птица Тылобурдо» и карельская «Sattuma». Экзотику на фестивале представляли питерский театр-студия индийского танца «Апсара», молдаванин-перкуссионист Марио Калдарару, трио исполнителей музыки индейцев Анд – группа «Kirkincho sp.», мастер горлового пения из алтайской глубинки Чейнеш Байтушкина, группа питерских этнопанков «Nervenklinik». Стал участником фестиваля красноярский ансамбль «ВеданЬ КолодЬ», исполняющий древнюю славянскую музыку в современном стиле dark-folk. Концерты проходили в арт-клубе отеля «Урал», на пермском стадионе «Юность», в нескольких скверах города, на центральной площади Кудымкара, и на берегах рек. Обычно концерты заканчивались дружными джемсейшенами, когда все музыканты вместе выходили на сцену и начинали импровизировать.

В рамках фестиваля в центральном выставочном зале Перми можно было познакомиться с АРТ-проектом «Искусство света». Художники – участники международного симпозиума «Сэр но тур» – представили картины, перформансы и видеインсталляции. В арт-клубе отеля «УРАЛ» прошли мастер-классы по индийским танцам, горловому пению, коми-пермяцкому танцу «Тупи-тап» и этническим барабанам. Состоялось несколько презентаций музыкальных дисков. Самым интересным проектом оказалась «Антология коми-пермяцкого фольклора», в которую вошли старинные песни, предания и легенды на коми языке.

Фото Алексея Гущина.

Большим концертом на центральной площади Кудымкара запомнился фестиваль «Камва», а вечером на заливных лугах берега Иньвы состоялось шоу костров, в котором принял участие почти весь город. Около огня собрались воедино кудымкарцы и «камвисты». В темноте звучали коми частушки и шаманские ритмы, баяны и скифский рог, польяны и варган. Луг освещали костры, далёкие зарницы, месяц и звёзды.

Другой изюминкой фестиваля стал... хлеб. В один из дней все «камвисты» поехали в расположенный на высоком берегу Камского моря архитектурно-

Фото Алексея Гущина.

этнографический музей «Хохловка». Здесь впервые в истории Перми прошёл праздник **«Нового хлеба»**, воссозданный на основе древних обрядов сбора урожая и начала жатвы.

В Кудымкаре ждали фестиваль национальной кухни и конкурс **«Чёскут нянь»** (**«Вкусный хлеб»**). А в последний день фестиваля в старинном селе Архангельское Юсьвенского района, знаменитом своим кедровым парком, лекарственными травами, церковью Святого Михаила, где в ограде лежит исполняющий заветные желания чудо-камень, прошёл обрядовый праздник первого спона **«Зажинки»**. Праздник относится к земледельческому культу и проводился у многих финно-угорских народов.

Камва III. KAMWA 2008

Всего в фестивале участвовало более двухсот человек из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Челябинска, Костромы, Белгорода, Красноярска, Омска, Удмуртии, Мордовии, Карелии, Эстонии, Финляндии, а также Ханты-Мансийского округа, Чувашии, Татарии и Бурятии.

31 июля в Пермском театре юного зрителя прошла презентация программы **«Коми и коми»**, познакомившая зрителей с традиционной и современной культурой коми: зырян, пермяков и ижемцев. Был представлен спектакль национального коми-пермяцкого театра **«Сказание о Кудым-Оше»**, поставленный по мотивам древних легенд. Во время фестиваля прошла презентация альманаха **«KAMWA»**. Это сборник научных, литературных и искусствоведческих статей. Среди авторов альманаха известный писатель, автор романа **«Сердце Пармы»** Алексей Иванов, пермские учёные, искусствоведы и поэты. Альманах состоит из трёх частей: **«Камский путь»**, **«Люди реки»** и **«Камва»**. В первой части представлены научные сведения о Пермской земле и её истории. Вторая включила в себя сборник литературных произведений пермских авторов, третья посвящена истории этнофутуристического фестиваля и самому понятию **«этнофутуризм»**.

Новинкой фестиваля стала **этническая мода**. Хотя этномода демонстрировалась и в предыдущие годы, но сейчас она была выделена в отдельный минифестиваль, прошедший в фестивальном клубе **«Триумф»**. В ней были задействованы лучшие манекенщицы города Перми, артисты пермского театра **«Мимикрия»**, модельеры из Коми, преподаватели и студенты известных дизайнерских школ Омска, Иванова, Саранска. Гости познакомились не только с модой в стиле **этно**, но и с искусством **этно-боди-арта**.

Вечером, после фестиваля **«Этномода»**, в Перми на берегу Камы прошло **огненное шоу «Огни на Каме»**. Одновременно с ним был показан ландшафтный спектакль **«Небесный Аргамак»** Бурятского государственного театра кукол **«Ульгэр»**. Спектакль проходил на фоне костров, юрты и вечерней Перми. В темноте ярко пылали костры, горел деревянный символ солнцеворота, который врашивали все желающие. Под звуки огненных барабанов, сопровождающих выступления фаерщиков из Перми и Ижевска, народ гулял на берегу Камы до самого утра.

Программа **«Этномедиа»** стала уже традиционной для фестиваля. Как всегда, она представила лучшие российские этноэлектронные музыкальные проекты. На этот раз на пермской сцене выступили проект из Петрозаводска **«Yarga sound system»**, группа **«Sage»** (Екатеринбург) и совместный проект Лади Мари и группы **«Это»** из столицы Удмуртии.

Среди оригинальных сувениров фестиваль предложил **оригинальный настенный календарь «Кад изки»** («Жернова времени»). Это работа сыктывкарского художника-этнофутуриста Юрия Лисовского. Он создал свой календарь на основе древнего охотниччьего коми календаря. Это солнечный календарь, в котором отчёт ведётся со дня весеннего равноденствия. Вместо месяцев в календаре периоды того или иного промыслового зверя. Кстати, многие участники и гости фестиваля купили футболки и шапочки с изображением картин или фрагментов работ Лисовского. А в выставочном зале была показана серия его фотографий «Зырянские галактики». Для неё Юрий снимал макушки голов своих знакомых. Впервые этот проект был продемонстрирован в музее искусств Таллинна.

OPEN-AIR в Хохловке

Второго августа фестивальный день прошёл под открытым небом, в этнографическом музее в Хохловке. Это одно из красивейших мест в Пермском крае. Здесь, на живописном берегу реки Камы, собраны памятники деревянного зодчества со всей Пермской земли: ветряные мельницы, храмы, избы, соляные сараи, амбары, охотничьи домики и т.д. В Хохловке состоялся традиционный праздник Нового Хлеба, отмечаемый здесь уже второй год подряд. Он сопровождался играми, мастер-классами, ярмаркой ремёсел, выступлениями музыкантов и перформансами. Здесь же прошёл гала-концерт участников фестиваля «КАМВА – 2008».

В этот день Хохловку посетило около семи тысяч (!) человек.

Заключительный концерт фестиваля состоялся в Пермском академическом театре драмы, где выступили известные фолк-исполнители Сергей Старостин и Марко Калдаару, а также гостья «Камвы» певица Инна Желанная.

И ещё одно интересное новшество нынешнего фестиваля. В этом году после «Камвы» часть её участников отправилась на средневековое городище Аниюшкар, где прошёл двухдневный симпозиум «Проблемы сохранения культурно-археологического наследия в исторических ландшафтах Прикамья». Цель проекта – обратить внимание общественности на проблему сохранения археологического наследия на территории Пермского края. Симпозиум – это совместный проект фестиваля «Камва», Пермского государственного педагогического университета и Института истории и археологии УрО РАН. В мероприятии участвовали учёные-археологи из крупнейших научных центров России, а также писатели, журналисты, художники, представители туристических компаний и чиновники государственных органов охраны памятников. Плыли к Аниюшкару на теплоходе – шесть часов по Камскому «морю».

Аниюшкар расположен в Ильинском районе на правом берегу Камского водохранилища. Этот протогородской центр существовал на протяжении пяти столетий (IX–XV вв.). На его территории проживали как местные финно-угорские племена, так и волжские болгары, славяне. Во время симпозиума на территории городища был организован двухдневный палаточный лагерь. Пермские археологи провели экскурсию по памятнику.

Подарком участникам симпозиума стала возможность полетать на вертолёте над городищем, близлежащей деревней, Камским «морем» и его островами. Четырёхместный вертолёт, предоставленный пермской электротехнической компанией «Кама», совершил несколько облётов городища. Впервые учёным удалось посмотреть на древний город с высоты полёта и провести аэрофотосъёмку.

Камва IV. KAMWA 2009

С 30 июля по 2 августа в Перми в четвёртый раз прошёл международный этнофутуристический фестиваль «KAMWA». Приехали участники и гости со всех уголков России. Где ещё можно побеседовать с тибетскими буддийскими монахами, научиться у норвежских танцоров выделывать «па», освоить премудрости игры на волынке и насладиться восточными танцами в исполнении прекрасных дев Раджастана? Только на Камве!

И кризис не помеха

Как ещё в прошлом году отметила организатор фестиваля Наталия Шостина, первоначально проект был рассчитан на три года, но фестиваль настолько понравился пермякам, что даже финансовый кризис не смог остановить широкую реку KAMWA.

Основная часть КАМВЫ традиционно была посвящена этномузыке. Участие в прошлых фестивалях таких этнозвёзд, как Сергей Старостин и Инна Желанная, вывело проект на новый уровень, и сейчас этномузиканты как российские, так и иностранные, стремятся попасть в Пермь. Зрители «KAMWA-2009» услышали украинский quartet «Даха-Браха», московский «Kalashnikovband», индийский коллектив «Sayari», увидели норвежских танцоров и т.д. Сохранилась и ориентация на финно-угорские коллективы. Из Карелии уже во второй раз приехала группа «Sattuma», и дебютировала – «Olemba». Разумеется, не были забыты и народные коллективы из глубинки. Сейчас они выступали в развернутой на два вечера программе «Автентика». Удмуртские, марийские, коми-пермяцкие струшки смогли показать своё аутентичное исполнение и увидеть, как фольклор интерпретируют современные группы. Интересную программу древних бесермянских и удмуртских крезей (напевов) представила молодая исполнительница из Ижевска Мария Карепанова.

Хедлайнером фестиваля стала группа «Даха-Браха». В её составе три гарны украинские девчонки в белых платьях и высоких овчинных шапках чёрного цвета и один хлопец. Играют «брахисты» на барабанах, виолончели, скрипках, маракасах, аккордеоне, рояле, детских гармошках и т.д. Поют на нескольких языках, но в основном на родной мове. Возникновение группы называют самым ярким событием во всей славянской музыке за последние четыре года. В России «Даха-Браха» играет редко, в основном, гастролируя по Европе. Сам коллектив называет свою музыку «этно-хаосом».

Питерское трио «Волынки и барабаны» – единственный в России коллектив, профессионально исполняющий традиционную военную музыку шотландских горцев на подлинных инструментах и в настоящих костюмах с килтами. Интересно, что двое участников коллектива – ижемцы. Волынщика Владимира Молодцова хорошо помнят в Сыктывкаре, а родители барабанщика Павла Власова уехали из Коми, когда он был ещё ребёнком.

Этномода и эко-одежда

Показ этномоды уже стал традицией. Свои модели представили около сорока кутюрье из десятка городов России и ближнего зарубежья. Подиум стилизовали под речной берег – модели ходили по песку с берегов Камы, а вокруг лежали окрашенные в синий цвет камни.

Коллекции были представлены в шести номинациях: «Этнические мотивы в

Фотографии Алексея Гущина.

Каждое выступление – это своего рода мини-спектакль. Театр «Мимикрия» из Перми показал образы пермского звериного стиля. Девушки из «Iridan» представили древние традиции ирландского танца в своей обработке, очень напоминающей пляски эльфов. Группа «Norwegian dancers» показала норвежские танцы с элементами игры, импровизации, акробатических трюков под сопровождение скрипки с восьмью струнами. Индийский танец продемонстрировали две школы – пермская «Шакунтала» и питерская «Апсара». «Toque Da Capoeira» из Нижнего Новгорода исполнила капоэйра – афро-бразильское боевое искусство, которое включает в себя элементы танца и акробатики.

Уникальный проект из Индии «Sayari» представил в Перми мировую премьеру шоу «Roots of Gypsy». «Sayari» – проект, впервые освоивший и объединивший музыкальные традиции разных областей Раджастана.

современном костюме», «Традиционная одежда», «Коллекционный костюм», «Арт», «Боди-арт» и «ЭКО-одежда». Названия коллекций говорили сами за себя: «Гагаузская невеста», «Вечера на хуторе близ Ди-каньки», «Боярский шик».

Впервые на фестивале представили направление – эко-одежда. Одежду из натуральных тканей показали пермские дизайнеры. Эксклюзивную эко-одежду, а также обувь, игрушки, головные уборы и многое другое можно было приобрести в SHOW-ROOM.

Танцы народов мира

Новинкой праздника стала программа «Танцы на Радуге». Выступили уже известный ансамбль индийского танца из Питера «Апсара», коллектив из Норвегии «Norwegian dancers», группа «Sayari» из Индии, нижегородские танцоры бразильской капоэйры, пермский театр «Мимикрия», московская школа ирландских танцев «Iridan» и другие.

Фото Алексея Гущина.

Канадец Филипп Тапп в городе Удайпур создал центр и школу музыки и танца цыган. Уникальность этого проекта в том, что, помимо цыганской культуры, он включает в себя все основные музыкальные традиции Раджастана, представленные музыкантами и танцорами из разных каст. Выступление «Sayari» делилось на две части. Первая – вхождение в мир индийского храма – превратилась в сорок минут транса. Второй танец рассказал историю слепой кобры, нашедшей свои глаза. На сцене это выглядело так: девушка показала публике два блестящих перстня, затем положила их на сцену, а во время танца откинулась назад и глазами, без помощи рук подняла перстни с пола. Публика от такой акробатики была в восторге.

Новый хлеб

Завершился фестиваль грандиозным open-air'ом в музее под открытым небом «Хохловка», пятичасовым гала-концертом и народным праздником «Нового хлеба». По подсчётом организаторов, сюда приехало около десяти тысяч зрителей.

Праздник «Нового хлеба» – это реконструкция старинного обряда, приуроченного к сбору урожая. Специально к празднику в Хохловке засевают хлебное поле, чтобы гости смогли собрать свой спон, взять на память спелые колосья. А при желании можно пройти весь путь превращения зерна в свежий каравай.

До начала гала-концерта зрителям отводилось около двух часов для экскурсии по музею. Во всех уголках «Хохловки» посетителей ждали разнообразные сюрпризы. Одним из них стал приезд тибетских монахов. Они рисовали кистью картины с пожеланиями благополучия и процветания. Позже на сцене монахи исполнили буддийские мантры и вновь принялись за художественные работы.

«Музыка, танец и мода – три кита четвёртого фестиваля», – подвела итог Наталия Шостина. – Нам было интересно представить в Перми уникальные музыкальные коллективы, сочетающие славянские, финно-угорские традиции, индийскую и балканскую народные культуры. На «Этномоде» дизайнеры со всей России представили коллекции одежды в этническом стиле, приглашены крупные российские эксперты в индустрии моды».

Сегодня КАМWA – это крупнейший в России калейдоскоп традиционных культур. Ну где ещё пермские коми бабушки поют и танцуют рядом с тибетскими монахами?!

*Артур Артееев (Республика Коми) – журналист,
гость I, II, III и IV фестивалей КАМWA*

IFUSCO – 2010

14–16 мая 2010 года в Пермском крае состоялась XXVI Международная научная конференция студентов финно-угроведов «IFUSCO – 2010». Регистрация участников, открытие конференции и пленарное заседание были проведены в г.Перми, куда съехалось больше ста молодых исследователей из разных регионов России и зарубежья, в том числе и из Республики Коми 19 человек.

Секционные заседания проводились в Кудымкаре. Руководили секциями известные опытные профессора: В.К. Кельмаков, А.Е. Коньшин, Г.Н. Чагин, В.В. Пахорукова и другие. В работах участников конференции оценивались, прежде всего, глубина исследования, теоретическое обоснование, значимость открытия.

Евгения Лобанова, студентка СГУ

Summary

Komi and Komi...

That's how we called the main topic of this issue. Komi-zyryane and Komi-permaki. We are talking about them, about ethnic history of Komi people leaving in Permskiy Kray, Komi Republic, Tumenskaya Oblast...

Fedor Konev, a famous writer and scenario from Belarus, an author of many our publications is a Siberian Komi by origin. His fellow-countryman's life, their uneasy destiny became the basis of his novels and stories. We continue familiarizing you with his works.

In the issue you can find the continuation of Peter Shahov's, komi prosaist, narrative «The Blue Gramophone».

Works of Vasiliy Klimov and Anna Istomina from Kudymkar are being published in our magazine not for the first time. They don't need to be translated – komi readers understand Komi-Permskiy language quite easily.

Other our rubrics «Shtudii», «Ethnoarchive» and «Art-Fact» are also speaking of the same topic «Komi and Komi».

The second issues of the Art Magazine is peculiar roll-call of relatives who found themselves on separated territories due to different reasons. We have always remembered and hopefully will remember about our common roots, common historical community.

Editorial staff of the magazine thanks the directorate of Permskiy festival «KAMWA» for cooperating in preparation of this issue.

Translated by Ksenya Zhmako

Мө.юкта зэрэн тэдүйн.
Раллиник.юно зэрэгжин.
Чомонка.мийзжэс сою.имит,
Тэвийншта бүсээс тохиц.
Хөмөртэ чог түёж өвлиш
Чолиа ворас.

Тэчирнам ворас, ой, эн.юк -
Мө ную пар.на.
Анна Чемонина (Кудомтар)

Прошло уже несколько спектаклей с момента премьеры, а люди всё идут и идут на «Куратова». Не сбылись предсказания скептиков: опера на коми языке оказалась интересной всем!..

Ирина Башкирова (Сактайвар)

Пайо тохижсо.мийссо
Сою.мон.мен тохи,

Ч.ие.небвогз.стон
Ноозийника сою.и...

Иван Куратов